

**Проработка советского прошлого
и внутренняя колонизация России**

ПРОБЛЕМА ПРОРАБОТКИ СОВЕТСКОГО ПРОШЛОГО

Стенограмма Всероссийской конференции

23–24 марта 2013 г., Ростов-на-Дону

Донская государственная публичная библиотека

Участники:

Н.С. Авдулов, кандидат исторических наук, профессор (Северо-Кавказский научный центр высшей школы ЮФУ)

М.А. Боровская, доктор экономических наук, профессор (ЮФУ)

И.И. Глебова, доктор политических наук, профессор (Институт научной информации по общественным наукам РАН, Москва)

С.А. Денисов, кандидат юридических наук, доцент (Гуманитарный университет, Екатеринбург)

А.Г. Дружинин, доктор географических наук, профессор (СевероКавказский НИИ экономических и социальных проблем ЮФУ)

А.Н. Ерыгин, доктор философских наук, профессор (ЮФУ)

Б.А. Камкия, кандидат философских наук, доцент (Сочинский институт Российского университета дружбы народов)

Ф.Г. Камкия, кандидат юридических наук, доцент (Сочинский институт Российского университета дружбы народов)

С.А. Кислицин, доктор исторических наук, профессор (Южно-Российский институт-филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы)

И.В. Кукулин, кандидат филологических наук, доцент (Научно-исследовательский университет — Высшая школа экономики, Москва)

А.В. Лубский, доктор философских наук, профессор (ЮФУ)

О.Ю. Мамедов, доктор экономических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ (ЮФУ)

В.П. Макаренко, доктор философских наук, доктор политических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, академик Национальной академии педагогических наук Украины (Северо-Кавказский НИИ экономических и социальных проблем ЮФУ)

Т.А. Марченко, доктор социологических наук, профессор (ЮФУ)

Н.А. Мининков, доктор исторических наук, профессор (ЮФУ)

Ю.С. Пивоваров, доктор исторических наук, профессор, академик Российской академии наук (ИНИОН РАН, Москва)

В.Ю. Попов, младший научный сотрудник (СКНИИЭ и СП ЮФУ)

А.М. Старостин, доктор политических наук, профессор (Южно-Российский институт-филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы)

В.А. Шкуратов, доктор философских наук, профессор (ЮФУ)

В.П. Макаренко: Уважаемые коллеги, разрешите объявить открытой Всероссийскую конференцию «Проблема проработки советского прошлого». Благодарю коллег, приехавших и прилетевших издалека, а также тех, кто пришел пешком из окрестностей. Конференцию проводят Центр политической концептологии Северо-Кавказского НИИ экономических и социальных проблем и Центр теоретического россиеведения Института научной информации по общественным наукам РАН. В конференции принимают участие факультет социологии и политологии ЮФУ, кафедра теоретической и прикладной политологии факультета социологии и политологии ЮФУ, Исследовательский комитет по политической концептологии РАПН и Донского философского общества, клуб «Интеллектуальный Ростов». Информационная поддержка — журналы «Политическая концептология» и «Тerra Economicus: экономический вестник РГУ».

В холле продаются книги издательства «Новое литературное обозрение». Спустя некоторое время к нам придет М.А. Боровская — наш уважаемый ректор. Сейчас уделим небольшое время *приветствиям*.

Ю.С. Пивоваров: Я здесь в третий раз. На этот раз приглашение закончится чем-то материальным. Мы с вашим ректором подпишем соглашение о сотрудничестве Южного федерального университета с Институтом научной информации по общественным наукам Российской академии наук. А это значит — с большей частью гуманитарного блока Российской Академии наук. Мы с Виктором Павловичем интенсивно сотрудничаем и безотносительно к приездам и отъездам.

Как всегда, выбор темы конференции абсолютно актуален в научном и практическом смысле слова. Это не я выбирал, именно Виктор Павлович определил тему конференции. Сейчас в нашей стране происходит решающий этап выбора обозримого будущего. Прошло двадцать лет, как сменилась система. Эти двадцать лет были достаточным историческим периодом для того, чтобы страна хоть немного пришла в себя и решила, куда надо двигаться. Если выбрать вариант возвращения в сталинское прошлое (у нас много его поклонников), то у нас будет одно будущее, выберем другой вариант — другое. Поэтому важна проработка советского прошлого. По сути, оно еще никуда не ушло, и даже не «еще», а просто никуда не ушло. От проработки, понимания и преодоления «советского» зависит ближайшее будущее нашей страны гораздо больше, чем от конъюнктуры на нефть, газ и законодательство о выборах в парламент. Речь идет о зависимости будущего именно от того типа сознания, который будет преобладать в нашем обществе. В этом смысле конференция является скромным, но очень важным мероприятием по обсуждению тем, выходящих за пределы науки, имеющих общесоциальное значение. Еще раз спасибо за приглашение и за возможность побывать в городе, мною очень любимом с детства.

А.Г. Дружинин: Тема, которую мы собираемся обсуждать сегодня, противоречива, за нее сложно браться психологически. Юрий Сергеевич сказал абсолютно правильно: «советское» с нами. Я как экономический географ хочу это подтвердить. Мы живем еще в советских по архитектурному облику, проектировке и инфраструктуре городах. Нас защищает созданное в советское время оружие. Мы с вами практически все, за исключением молодых лиц, присутствующих в этой аудитории, воспитанники советской эпохи, системы образования, науки. Поэтому это не только прошлое, но и настоящее. Отношение к прошлому в нашем обществе полярно различно. Оно во многом становится фактором дополнительного риска для настоящего и будущего. Тем важнее для нас не политически, не идеологически ангажированный подход к прошлому, не мифологизация его, а тщательное, серьезное научное исследование, разговор, диалог, осмысление того, что было по-настоящему ценным, что соответствовало традициям нашего общества, нашим национальным традициям, а что было отклонением, патологией, и к чему не должно быть возврата. Это действительно очень важная

для нас проблематика. Спасибо Центру политической концептологии, который поднял, сформулировал, организовал эту конференцию, ну и, конечно, нашим уважаемым гостям, всем, кто пришел, проявил интерес к теме. Пожелать хочу успехов конференции. От имени Национальной академии педагогических наук Украины хочу также вручить Виктору Павловичу награду — Почетную грамоту за большой вклад в развитие украинско-российских научных связей (*Аплодисменты*).

В.П. Макаренко: Спасибо! Перехожу ко второй части программы — *презентации новых книг*. Все начинается и продолжается с чтения. В ноябре месяце 2012 г. проходил VI Всероссийский конгресс политологов. Там присутствовала делегация нашего университета, в том числе и я. Среди прочего Ирина Игоревна Глебова подарила нам три тома выпусков «Трудов по россиеведению», которые издаются под грифом ИНИОН РАН. По застарелой привычке читать все *от корки до корки* я прочел все три тома, в том числе вступительную статью Ирины Игоревны. И возрадовался, и возвеселился, — если перейти на библейский жаргон. Раньше я считал, что категория «проработки прошлого» сформулирована германскими социальными философами, мыслителями для анализа нацизма. Однако Ирина Игоревна обосновала идею о том, что эта категория вполне применима для анализа советского прошлого. Сейчас Ирина Игоревна расскажет нам о трудах по россиеведению.

И.И. Глебова: Уважаемые коллеги, я представляю центр Россиеведения и Институт научной информации по общественным наукам РАН. Центр этот создан недавно, в 2008 году. Свою деятельность мы начали в 2009 г. Издаем труды по Россиеведению. Я привезла три выпуска, готов уже четвертый, но задержка с изданием.

Несколько слов о том, почему россиеведение? Создавая этот центр, мы с дирекцией и коллегами исходили из того, что Россия — это некий особый мир. Не только из-за пространства и размеров, но и из-за того, что здесь сложилась своя среда, герои, значение культуры, язык. Это все не свести в рамки одного типа — западноевропейского или восточного. Известно, что это среда и история, а настоящее сложно и противоречиво. С одной стороны, — очевидная европейская культура, но не европейский тип социально-властного устройства, социальных отношений, функционирования политики, принципов экономического существования. Хотя Россия явно тяготеет к Европе и европейским потребительским стандартам, все-таки это не Европа. Свести все это к Азии, азиатскому способу существования тоже сложно, хотя Россия в постоянной интеграции с Востоком. И это не только почти 300 лет татаро-монгольского ига, о котором все говорят.

Мы решили, что необходима акцентировка другого подхода: Россия — это особый социокультурный тип, и он нуждается в специфических инструментах изучения. По нашему мнению, россиеведение — это не идеология, не некий эквивалент марксизму-ленинизму, который заменил бы идеологический подход при преподавании в высшей школе. Россиеведение — это специфический интегративный подход, который служил бы сцепкой разных взглядов на Россию и позволял бы преодолеть разного рода «центричности»: политикоцентричность, экономикоцентричность и любую другую центричность при изучении России.

Второе — это методология изучения России, те идеи, концепции, предложения, которые позволили бы увидеть и объяснить эту российскую особенность. В этом смысле мы не видим в россиеведении что-то из ряда вон выходящее. Западная наука призвана изучать западный опыт, способы его функционирования и возможности развития. В этом смысле мы не держимся даже за название «россиеведение». Мы просто используем астрономическую терминологию, которая сложилась в западной науке и в России.

Труды по россиеведению — это результаты нашего изучения. Для нас ценно, что в трудах участвуют сотрудники ИНИОНа, представители других академических институтов и наши зарубежные коллеги. Мы пытались выстроить, примирить, показать разнообразные вз-

глядны на Россию, ее прошлое и настоящее. Мы строили эти труды таким образом, чтобы каждый из них был посвящен какой-то теме или периоду существования страны.

Первый выпуск мы посвятили революции. Мы считаем, что одна из задач россиеведения — это XX век, переломная эпоха в истории России. Мы старались дать современный взгляд на них, как они изучаются. Второй том посвящен современной России. Центральная тема третьего тома — память. Какой образ сообщества существует в сознании, как мы отвечаем на вопрос «кто мы?», какие ценности, какую базу для этой идентичности дают те концепции истории, которые предлагает наше общество? И мы выпустили дополнительное издание, несколько экзотическое. Называется оно «Институциональная память и постсоветский архив». Мы с коллегами из историко-архивного института устроили семинар, это тоже способ работы нашего центра. По результатам семинара, дополнив его еще материалами, выпустили это издание.

Ю.С. Пивоваров: Я хочу добавить к тому, что сказала Ирина Игоревна, потому что я директор учреждения, в котором действует Центр россиеведения. Мы не держимся за термин «россиеведение», но у него есть историческая связка. Впервые этот термин на русском языке использовал выдающийся русский мыслитель П.Н. Савицкий. Это евразиец, один из столпов евразийства, в 1928 году он жил в Праге. Это перевод с немецкого *Russlandskunde*. Потом это стало называться *Russian studies* в английском языке. В этом смысле у нас есть какие-то примеры. Я недавно сказал о Савицком и евразийцах, что эти издания и их авторы не разделяют ни современных, ни даже классических евразийских идей. Тем не менее мы пересекаемся с классическими евразийцами в том, что считаем Россию особым культурно-историческим типом, в ключе Данилевского, Шпенглера, Тойнби. В этом смысле есть термины «ориенталистика» или «китаеведение». Не всегда наука западная может объяснить процессы в странах незападного типа, например, России. Я всегда в лекциях студентам говорю о том, что хотя мы и переводим слово «государство» английским словом *state*, но за этим кроются совершенно разные субстанции: одна организация власти там, другая — здесь. Отсюда вытекает, что россиеведение — это как раз тема проработки советского прошлого.

Мы считаем, что современная социальная российская наука должна объяснить, что произошло со страной за столетие. Почему вышло так, а не иначе? В чем причины развала Советского Союза? Почему он не смог реформироваться? У нас показывают в сторону Китая. Мне кажется, это не вполне корректное сравнение, поскольку мы не китайцы. Что еще принципиально важно: мы не отказываемся от поиска единой объединяющей теории. Мы — это участники этих трудов, совершенно разные люди по возрасту, профессии, воззрениям. У нас несколько месяцев назад выступал на семинаре Ю.Н. Афанасьев. Помните такого деятеля поры перестройки? Он закончил свое выступление тем, что если сейчас вернуться в 1987 год, то что бы он сделал? Арестовал бы Афанасьева, Попова, Ельцина и всех бы расстрелял, потому что они преступники против России, против российского народа. Мне стало так стыдно это слушать. Он пожилой человек, странное такое русское покорение, по Достоевскому... У нас сейчас совершенно разные меняющиеся люди в этом семинаре. Мы отказываемся вообще от попытки дать единую разъясняющую концепцию. Мы развиваем пессимистический, то есть возможностный подход. Это то, что мы сможем понять, если создадим разного рода концепции, которые покажут Россию с одной, другой, третьей и всех остальных сторон. Глубочайшая ошибка нашей эпохи состояла в том, что будто бы одна идеология, одна научная картина мира может объяснить все. Я имею в виду марксистско-ленинскую идеологию, но могла быть и другая.

Это качество объединяет людей, которые пишут труды по россиеведению. Также мы выпускаем справочник по россиеведению. Туда может записаться любой человек, который считает себя россиеведом, не важно, чем он занимается — географией или историей. И поскольку мы юная информационная организация, мы будем выпускать монографии. К сожалению, нам не удалось привезти том за 2012 год.

В.П. Макаренко: Я уже говорил, что все продолжается благодаря чтению. В январе месяца я прочел книгу под названием «Там, внутри. Практики внутренней колонизации в культурной истории России». Мне сразу захотелось познакомиться с ее авторами, прежде всего с редакторами. Она вышла под редакцией Александра Эткинда (он представляет Санкт-Петербургский университет и университет Кембриджа), Дирка Уффельманна (университет Пассау в Германии), Ильи Кукулина (Научно-исследовательский университет — Высшая школа экономики). Илья Кукулин — это поэт, литературный критик, интересный и разносторонний человек. Мне захотелось вступить с ним в оперативный контакт. Я списался с Ильей Владимировичем и пригласил его к нам. Мы все здесь с вами в первую очередь читатели, а он редактор и автор интересной книги.

Есть и личные познавательные мотивы. В 1990-е годы я обратил внимание на работы Александра Эткинда, в том числе на его концепцию внутренней колонизации. Я давно занимаюсь проблемой бюрократии вообще и российской в частности. И обнаружил, что правительственный аппарат обычно относится к своей собственной стране как к колонии. В сборнике «Там, внутри» я нашел множество совпадений с моими работами. Кроме упомянутых трех редакторов в сборнике участвуют еще более двух десятков авторов из разных стран. Илья Владимирович Кукулин представит это издание.

А.М. Старостин: Виктор Павлович, прошло две информации, вопросы можно задавать или это не предусмотрено?

В.П. Макаренко: Можно, даже задним числом.

И.В. Кукулин: Добрый день! В 1900 году в Париже открылась очередная Всемирная выставка, в ту пору эти зрелища пользовались огромным успехом. На выставке за полгода побывало 50 млн. человек. На ней была улица Наций. Это была большая дорога, специально построенная в Париже к этому моменту. Вдоль нее были построены павильоны в национальном стиле, изображающие крупнейшие европейские державы в их национальном стиле, с их национально-характерными особенностями, народными промыслами, экономическими достижениями. К удивлению многих наблюдателей, Россия на улице Наций представлена не была. Там стоял павильон Финляндии, которая была колонией России.

Где была Россия? В известном парижском парке, там были представлены колонии или экзотические страны (например, Китай). В этом месте находился огромный павильон азиатской России. В павильоне были представлены огромные экспозиции, посвященные Сибири, в частности Транссибирской железной дороге. Был также отдел Северного Кавказа и Средней Азии. Никакой репрезентации собственно европейской России на выставке не было. Трактовка этого явления была абсолютно разной, от разных, в том числе и российских наблюдателей. Одни говорили, что Россия представляет себя как собственную колонию, другие говорили — Россия представлена самым большим павильоном. И это была единственная страна, про позиционирование которой на выставке писали по-разному.

Я сейчас пересказываю одну из статей этой книги, написанную американским историком культуры Ириной Шевеленко. Этот небольшой эпизод является окошечком к пониманию российской истории. Россия на протяжении многих веков фактически действовала как колониальная держава, покоряя области, которые затем присоединяла к себе. Но при этом покоренные области не воспринимались как колонии. Попытки завести в России министерство колоний наталкивались на серьезное сопротивление со стороны императорского двора. При этом происходила постоянная путаница внешнего и внутреннего. Например, города в Белоруссии, населенные белорусами и евреями, считались традиционно русскими городами. В публицистике было принято обижаться на то, что евреев там слишком много. Причем, много не столько в абсолютном количестве, сколько в процентном отношении. Русских должно быть больше! — и это сетование фиксирует не какие-то специальные экономические интересы России, а, скорее, растерянность. Город, воспринимаемый как исконно русский, таковым по факту не являлся.

В истории России было много таких феноменов, но самым тяжелым был феномен, связанный с крепостным крестьянством и крестьянством в целом. С русским крестьянством государство обращалось абсолютно как с покоренным народом. У либерально мыслящих людей, будущих декабристов в начале XIX века, а до этого и у Александра Радищева, было сравнение русских крестьян с американскими рабами-африканцами. Но американских рабов в Америку специально везли, а русские крестьяне родились и выросли ровно на том же месте, где и русские властители. Фактически в России применялся колониальный метод управления людьми по отношению к тем, кто формально колонией не являлся, но населял внутреннее пространство империи. В то же время, как писал историк Ключевский, в России ось — центр-периферия. Что это значит? Что столица новая была построена Петром I в конце XVII — начале XVIII века на самой окраине империи. Там был центр, а периферия оказывалась всеми странами, входящими в состав империи. Все однородные феномены, о которых я говорю, связаны с феноменом внутренней колонизации.

Теперь позвольте прочитать аннотацию к этой книге. «Внутренняя колонизация есть применение практик колониального управления и знания внутри политических границ государства. Это особый тип отношений между государством и подданными, при котором государство относится к подданным как к покоренным в ходе завоевания, а к собственной территории — как к захваченной и загадочной, требующей заселения и «окультуривания», направляемых из одного центра. Такой тип господства использовался многими империями и особенно характерен для России. Поэтому изучение внутренней колонизации позволяет увидеть в новом свете важнейшие особенности российской политики, общественной жизни, литературы и искусства XVIII–XXI веков».

Этот способ управления применялся в различных европейских державах. Большинство европейских держав складывались как полиэтничные. Франция в ходе своего развития поглотила (и только потом опомнилась) бретонцев и многие другие небольшие этносы. Тем более крестьяне с большим опозданием были признаны такими же французами, как управляющие и дворяне. Существует классическая работа, которая называется «Из крестьян во французы». С другой стороны, существует классическая работа британского историка Майкла Хечтера, которая и дала новый импульс пониманию того, что есть внутренняя колонизация в европейской истории. Эта работа про то, как Англия управляла своими территориями, населенными другими представителями других культур. Хечтер показал, что Британия в истории осознавалась как традиционная колониальная империя, в которой в одном месте метрополия, в другом — колония.

Понятие внутренней колонизации становится все более популярным в истории европейских стран. Однако существует важное отличие России от этих стран. Оно связано с тем, что в России эта практика управления существовала на протяжении многих веков, использовалась как инструмент для фокусирования особенностей. Разрыв между управляющими и управляемыми все время форсировался и искусственно усиливался. Напомню опять же известную работу Янни Коцонис «Как крестьян делали отсталыми». Сама идея, что крестьян делали отсталыми, представляли как отсталых, была очень важна. И здесь Россия является для меня как одного из редакторов-составителей этого сборника европейской страной. Просто Россия — это единственная колониальная империя, дожившая до наших дней. Не знаю, сколько еще она продержится в качестве континентальной империи, на уровне с Австро-Венгрией и Османской империями. Континентальная империя — это империя, которая основные свои владения присоединяет к себе и потом не может отличить, где у нее свое, а где — чужое. Вот Австро-Венгрия и Османская империя — это были те страны, которые таким образом и функционировали.

Теперь хочу еще одну важную вещь сказать. Конечно, внутренняя колонизация при Советском Союзе никуда не делась, но была вывернута наизнанку таким образом, который описал канадский историк Терри Мартин в своей книжке, которая неправильно на русский язык

переведена, «Империя положительного действия» — Empire of affirmative action¹, а должна была быть переведена как «Империя положительной дискриминации». Что это означает? С одной стороны, в Советском Союзе было прокламировано равноправие всех народов. С другой стороны, советские элиты занимались усиленным государственным и национальным строительством. Было провозглашено, что у каждого человека есть своя национальность, подобно тому, как у каждого человека есть пол от природы.

С 1938 года в паспортах уже нельзя было выбрать национальность. До этого был указ 1932 года, что человек может иметь только ту национальность, которую имеют его родители. А люди от смешанных браков должны были выбирать национальность одного из родителей. С этого времени началось, возобновилось и усилилось все большее стремление государства к колонизации собственной территории. Это проявилось и в методах управления другими автономными и союзными республиками, также в использовании своего собственного населения для колонизации Сибири — я имею в виду ГУЛАГ. Кроме того, что он был мучением для миллионов наших сограждан, но это был также самый варварский и насильственный из всех возможных способов освоить экономически сибирские пространства.

Практика управления, которая сложилась на протяжении многих веков, продолжает действовать и сейчас. Мы видим сопротивление внутренней колонизации во многих региональных движениях, которые сейчас есть в России. Как правило, они вызывают дикие скандалы и публичные дискуссии, а иногда и репрессии. Само наличие таких сепаратистских движений внутри русских (например, движение за автономизацию Сибири) совершенно не случайно, но эта проблема не решена.

Еще один важный аспект проблемы состоит в том, что внутренняя колонизация в России оказала большое влияние на русскую культуру, потому что русские писатели выступали в роли антиколониальных. Об этом подробно и много в своих статьях и книгах писал Александр Эткинд. Кроме книги, о которой сегодня идет речь, Александр Эткинд написал отдельную книгу, которая называется «Внутренняя колонизация в России». Вышла она в 2011 году. В настоящий момент осуществляется перевод книги, надеюсь, в конце этого года или в начале следующего она выйдет в издательстве НЛО². Антиколониальным писателем можно считать Радищева и многих других писателей, которые часто совмещали в себе апологию империи и равенство, прославляя движение народов против бюрократического и имперского контроля. Это могло совмещаться в одном сознании, даже в одном произведении, например, в «Капитанской дочке».

Я стараюсь показать, что сила противодействия государственной колониальной политике проявляется у русских писателей и писателей, которые отождествляют себя с русской культурой или с другой культурой, но пишут по-русски. Она проявляется вплоть до настоящего момента. Это можно заметить у Фазиля Искандера, который занимал сложную позицию русско-абхазского писателя. А также у русских писателей, которые пишут сейчас и часто еще не слишком известны.

Теперь скажу о составе книги. Она подготовлена на основе конференции, которая прошла в 2010 году, в германском городе Пассау, это самый юг Германии, граница Германии и Австрии, до XIX века город принадлежал Австро-Венгрии. В этом городе состоялась международная конференция. Ее организаторами являются Александр Эткинд и Дирк Уффельманн, профессор, проректор по учебной работе университета Пассау. На этой основе был создан сборник. Кроме того, написали статьи ряд людей, в конференции не участвовавших; потом

¹ Так сказал И. Кукулин; на самом деле на английском она называется The Affirmative Action Empire: Nations and Nationalism in the Soviet Union, 1923-1939 (The Wilder House Series in Politics, History and Culture). Прим. ред.

² Главы из книги: Эткинд А.М. Внутренняя колонизация. Имперский опыт России. — М.: Новое литературное обозрение, 2013 публикуются в этом номере журнала. Прим. ред.

они выразили интерес и приняли участие. Здесь есть работы российских, японских, украинских, немецких, американских ученых и ученых из других стран.

На мой взгляд, здесь очень интересный раздел про Украину и Белоруссию. Потому что в России Украину и Белоруссию на протяжении многих веков отказывались считать отдельными культурами, а украинский и белорусский отказывались считать языками. Зато всячески подчеркивали различия между управляющими и бюрократическими группами России, Белоруссии, Украины, с одной стороны, и подвластными крестьянами — с другой. Это различие оказывалось гораздо важнее, чем различие культурное. В свою очередь, культурные различия форсировались националистическими кругами всех указанных стран. Процесс заслуживает изучения, которое начато в книге.

И последнее, что я хотел сказать. Мне особенно приятно оказаться в Ростове, потому что здесь разворачивался один из интереснейших проектов по внутренней колонизации, захвативший юг России и территорию нынешней Украины. Это так называемый греческий проект Екатерины II, которая планировала юг России и Крым сделать своего рода местным возрождением древнегреческого духа, который свяжет Россию с Грецией, союзницей России, как тогда предполагалось. Реализация греческого проекта повлекла за собой множество разнообразных стихотворений, политических платформ и иных текстов. Она подробно описана в книге Андрея Леонидовича Зорина «Кормя двуглавого орла...», — аллюзия на известную строку Тютчева. Это рассказ об идеологии правящих элит России в конце XVIII — начале XIX века. Описана связь идеологии с литературой, литературные произведения оказывались очень важными для формирования идеологии. В ряде литературных произведений был разработан способ представления юга России и областей, граничащих с Крымом, как новой и одновременно будущей Греции, которая вступит в контакт с культурой Средиземноморья. Таков был способ культурного оправдания, затушевывания и одновременно объяснения внутренней колонизации. Я надеюсь, что ростовские исследователи внесут свою лепту и скажут свое собственное слово в исследование этого процесса.

(Продолжительные аплодисменты; в них чувствуется душевный подъем аудитории, искренняя благодарность и солидарность большинства аудитории с докладчиком).

А.М. Старостин: У меня такой вопрос. По-моему, в 2011 году приезжал к нам Л.Д. Гудков. Да, Виктор Павлович?

В.П. Макаренко: Да, вместе Борисом Владимировичем Дубиным.

А.М. Старостин: Он интересный доклад делал по разным социологическим замерам. Меня заинтересовала его теоретико-методологическая база, на основе которой все описывалось. Он отвечает — концепция тоталитаризма. Сейчас я вас слушаю, вы затронули другую тему, тему колониализма. Колониализм — это некий трансфер: насильственный ненасильственный, добровольный. Позволяет ли концепция колониализма вскрыть некие внутренние факторы саморазвития в России?

И.В. Кукулин: В вашем вопросе скрыт целый комплекс вопросов. Первый аспект состоит в том, что вы употребили слово «колониализм», он предполагает некоторые учения...

В.П. Макаренко: Доктрины...

И.В. Кукулин: ... доктрину, которая оправдывает колонизацию. Я говорю скорее об управленческих практиках, которые описывались всегда традиционными колониалистскими доктринами. Сейчас они более затушевывались, чем в представленном мною проекте. Что касается саморазвития России, то именно в случае России слово «саморазвитие» является особенно соблазнительным в старом смысле этого слова. Оно скорее закрывает от нас некоторую картину, чем открывает ее. Я сейчас объясню, почему. Потому, что Россия — это страна, в которой на протяжении многих веков по целому ряду особых причин складывались конфликтные отношения между государством и обществом. И эта конфликтность также исторически затушевывалась. Более афористично одну из причин этой конфликтности описал мой научный руководитель Михаил Леонович Гаспаров, который сказал: «На том месте, где у Европы

находится эпоха Возрождения, в России находится Иван Грозный». Я думаю, что под развитием России (подчеркиваю: не саморазвитием, а развитием), скрываются два процесса.

С одной стороны, насильственные процессы трансформации страны, которые предпринимали государственные и бюрократические элиты. С другой стороны, это процессы саморазвития общества, которые блокировались постоянным процессом «социоцида», как его назвал социолог Алексей Левинсон. Речь идет о блокировании любых самостоятельных, независимых от государства движений. На протяжении многих десятилетий и даже столетий граждан старались делать полностью подконтрольными и управляемыми. Напомню вам замечательный фельетон М.А. Добролюбова, который в 1860-е годы был напечатан в альманахе «Свисток». Он описывал, как администрация боролась с крестьянскими добровольными (подчеркиваю это) обществами трезвости, боясь, что это рассадник какой-нибудь секты.

В.П. Макаренко: Сегодня то же самое происходит с волонтерством.

И.В. Кукулин: Конечно. Процесс социоцида исходил от государства и чрезвычайно затруднял саморазвитие общества, потому что трава пробивалась сквозь асфальт. При этом трава наружу вылезала чахлая и, к сожалению, не вся. Такая довольно грустная история.

Что касается методологии, то разные участники сборника придерживаются разных методологических установок. Я говорю сам за себя. Для меня очень важным является составление репрезентации практик. С одной стороны, того, что происходит в литературе, как она моделирует действительность; с другой стороны, того, что происходит в нетекстовой реальности и как происходит постоянное взаимодействие смыслами, процессами смысловыделения между практиками и реальностью. Но лично для меня (я не отвечаю за других авторов сборника) более близка историческая концепция позднего Мишеля Фуко 1970-х-начала 80-х, но с одной существенной оговоркой. Я стараюсь работать со многими процессами на уровне более микроскопическом. Все же Фуко гораздо реже анализировал тексты, гораздо меньше анализировал конкретные практики, а гораздо больше давал общую картину.

Ю.С. Пивоваров: Я не читал этой книги, поэтому мне трудно судить, о чем она. Меня немного смущает само употребление термина «внутренняя колонизация». Это не колониализм, а внутренняя колонизация. И вы только что сказали, что речь идет об управленческих практиках, не более того. Но если мы сравниваем русскую историю с историей Австро-Венгрии и Османской империи, мы увидим различный смысл управленческих практик и отличие от того, что вы говорили.

Во-первых, начнем с того, что едва элита российской империи задумалась о том (и вы это знаете наверняка), как управлять новыми территориями, то сразу (в конце 1810-х годов) вышла книга о колонии, ее написал маркиз Прадо, испанский государственный деятель. В книге были сформированы будущие принципы управления колониями, которые в XIX веке были развиты британцами и французами. Когда они переносили свои системы власти и культурные стандарты на народы, подчиненные им на время. Сперанский тогда был генерал-губернатором Сибири. В 1819 году ему прислали книгу Прадо, и Российская империя отказалась от применения колониальных практик. Она этим не занималась. С момента присоединения Сибири там оставались собственные способы управления. Более того, когда в XIX веке среди латышского и эстонского крестьянства начались движения за переход из протестантизма в православие, с тем чтобы уйти из-под власти немецких баронов, которые командовали ими, Николай I воспрепятствовал этому. Россия никогда не переносила способы управления на подчиненную Среднюю Азию, на Область Войска Донского, во все казачьи регионы. Не переносила также на управление крестьянское, Малороссию правобережную, там раньше начались процессы эмансипации. В этом смысле неверно отождествлять положение американских рабовладельцев и чернокожих в Америке с положением русских бар и крепостных. Потому что это был один этнос, одна культура, возможно, и расколота. Но речь не шла именно о колониальных управленческих практиках. Здесь возникают другие темы.

К чему я веду? Мне кажется, что эта очень красивая и что-то, видимо, открывающая концепция, может и навредить. Здесь было иначе. Например, в Тифлисе никогда не запрещали говорить по-грузински, как в Праге запрещали говорить по-чешски. Мне кажется, что Россия как империя или некий субъект, который колонизирует нечто, — это иное, чем Османская империя, Австро-Венгрия, Британия, и процессы в России имеют свой характер. Таков мой вопрос.

И.В. Кукулин: Ответ на вопрос обещает быть длинным, поэтому прошу меня остановить, если я выйду за положенное время. Во-первых, по поводу рабов в Америке. Это все претензии к декабристам, это они сравнивают. Я не сказал, что я сравниваю. Я сказал, что реакция на внутриколониальные методы российского правящего класса, российских правящих элит выражалась именно в этом сравнении. Поэтому критика со стороны будущих декабристов в адрес крепостного права шла именно по тому же пути, по которому предлагаете идти вы.

Теперь следующий момент. Я говорю о том, что очень важно одновременно смотреть и на практики и на то, как они осмыслялись культурными и политическими элитами. Вы сначала сказали, что я говорю о практиках управления, не более того. «Не более того» я не говорил. Это практики управления, которые очень многое определяют, их специфику только предстоит выяснять, потому что они действовали по-разному в разных регионах России. С одной стороны, они были различны, с другой стороны, страшно экстраполировались на другие. Теперь о колониальных моментах управления. Повторяю еще раз: от них Россия декларативно отказывалась много раз и не только в лице Сперанского, но и в лице более поздних администраторов. Однако, как показал кавказовед Владимир Бобров, он был заведующим сектором Кавказа Института этнографии Академии Наук, методы управления на Северном Кавказе очень часто были скопированы с методов управления во французском Алжире. В Тбилиси не запрещали говорить по-грузински, но вот в Украине запрещали печатать по-украински. Известное выражение: никакого украинского языка не было, нет, и, я надеюсь, не будет.

Что же касается переноса практик управления, то он иногда бывал довольно неожиданным и требует внимательного междисциплинарного исследования. Например, меня в свое время страшно впечатлил факт: как Россия управляла алеутами на Аляске, которая долгое время была колонией России, потом она была уступлена США? Брала заложников — аманатов. Аманаты — это тюркское слово, обозначающее не только «заложник», но и «доверенный на хранение». Изначально это слово пришло на Русь из Орды. Брать заложников — таков был способ ордынского управления Русью. Потом это слово постоянно использовалось в кавказской политике России. Того, кого брали в заложники, называли аманатами. И такая же практика управления диким народом (как полагали администраторы — диким) была перенесена и на Аляску. Более того, даже с использованием того же самого слова, которое на Аляске вовсе было неизвестно.

Безусловно, в России было огромное разнообразие практик, вероятно, большее, чем в Османской империи и в Австро-Венгрии. Часть из них была самородной, а часть — импортированной. Все это разнообразие сейчас предстоит осмыслить заново. Свести своего рода если не периодическую систему, то, по крайней мере, каталог.

По поводу внутренней колонизации: что она что-то открывает, что-то закрывает... Подобно любой сильной научной метафоре она позволяет что-то открыть, а что-то закрыть. Наша задача, действительно, чтобы мы владели метафорой, а не метафора нами. Мы еще не вышли сильно за ее границы, и мы в книге специально уделили этому место.

А.Г. Дружинин: Во-первых, мне показалось очень интересным выступление нашего московского коллеги. Книги я тоже, к сожалению, не читал, но я знаю взгляды моего коллеги Родомана, который писал о колониализме, о московской неоколониальной войне. Действительно, очень интересно сфокусировано в этом исследовании данные. Проблематика, на мой взгляд, универсальная, масштабная, очень хорошо иллюстрирующая наши практики: полити-

ческие, территориального управления не только России, но и мира в целом. Я исследую эту проблематику тоже параллельно, здесь в Ростове. Я использую другое понятие — метрополизации. Я понимаю под этим концентрацию политической власти и экономического потенциала в крупнейших городах и их способность навязывать свою волю, свои интересы остальной периферии. Это немного другое, но фактически о том же.

Что касается самих идей, которые были здесь озвучены. Мы с вами все здесь представители интеллектуальной элиты, обществоведы. Мы говорим сегодня об осмыслении советского прошлого. Нам как-то очень навязчиво навязывают понимание России как империи. Территории, которые у нее находятся — это колонии. Это идет не только из наших обществоведческих центров, это идет из заграницы. Я очень часто общаюсь с зарубежными коллегами, в частности, французские политологи это тоже говорили относительно ситуации на Кавказе. В том числе Жан Радвани, которого Юрий Сергеевич хорошо знает. Он соседствовал с ним три года на его территории. Что здесь существенно и мне кажется важным? Проблема дезинтеграции России как таковой; это уже не научный концепт, не дискуссия в узком кругу. Мы пережили с вами распад СССР, по-разному можно относиться к той системе, но распад единой страны для многих, в том числе и за границей России, это по-настоящему трагедия, это надо пережить, огромная потеря для русского народа и русской культуры. С точки зрения россиеведения, это тоже надо признать.

Как-то на досуге я задался вопросом: посчитать, каковы экономические последствия выделения Ростовской области из состава России. Много сейчас говорят о том, что есть некая территориальная несправедливость, что валовый региональный продукт приближается к уровню Калифорнии, а мы с вами находимся на уровне Сербии. Что получилось в результате этих расчетов, когда я просуммировал все побочные эффекты? А то, что мы провалимся в своем экономическом развитии на уровень где-то между Албанией и Египтом. Вот представьте! Потери приблизительно в 50% того, что мы сейчас имеем. Я не беру даже сейчас во внимание деперераспределительные эффекты, которые существуют в нынешней России, повышающие уровень жизни. Вот экономическая только цена. Не культурная, не психологическая, не какая-либо иная того, чего стоят эти наши разговоры по поводу колониальной сущности современной России и колонизации. Необходимо другие слова использовать, вот они могут воплотиться в какие-то практические решения. Конечно, Россия не та колония, которой была Великобритания, Швеция. К нашей истории, нашей географии нужно относиться тонко, понимая нашу исключительность, как у любой другой территории, как и любой другой культуры. Вот что я хотел сказать.

И.В. Кукулин: В этом высказывании меня косвенно обвиняют за то, что я один из адептов понимания России как империи. Поэтому скажу о своих резонах: почему я об этом говорю. Мне представляется чрезвычайно важным то, о чем мы говорим. Это не только разговоры, это некоторая общественная работа. Я совершенно не знаю, как и все присутствующие здесь, что день грядущий нам готовит. Мне кажется, вопрос не в том, хорошо или плохо распался СССР. Важно зафиксировать иное: распад был неизбежен при тех практиках управления, которые в нем существовали. С одной стороны, хорошо, что СССР не распался так, как Югославия, со стрельбой. С другой стороны, плохо, что сам процесс его распада породил большое взаимное психологическое, культурное отчуждение, которое препятствует налаживанию связей на новом уровне — горизонтальном. Я думаю, то, что мы обсуждаем, чрезвычайно важно. Что нас в будущем может спасти, независимо от того, что будет с Россией? Я думаю, возможность наладить взаимные связи в обществе по горизонтали, минуя власть, сосредоточенную в Москве для многих людей, которые живут за пределами Москвы. Надо наладить процессы самоорганизации в обществе, при котором и московские ученые не являются гостями от начальства, а равноправными контекстуальными партнерами. Такого рода общественная и научная работа позволит нам понимать наше пространство как интеллектуаль-

ное и культурное, но не интимное, не унифицированное, а внутренне связанное, в котором разные интеллектуальные, культурные узлы нужны друг другу.

Именно такая работа позволяет нам выйти из наследства империи, которой была Россия, которой, к сожалению, остался СССР. Именно такая работа позволит нам воспринимать друг друга в качестве независимых личностей. И независимых научных центров, имеющих право на собственное мнение, которые будут работать по-разному. Мы все разные, и это важно. Вот что я хотел сказать.

А.М. Старостин: Коллеги! Вначале маленькая реплика, а потом к Юрию Сергеевичу у меня будет вопрос. Реплика относительно соотношения управленческой практики и концептов теоретических, которые мы предъявляем. Мне кажется, что мы не находимся на той стадии, когда мы уже можем предъявить некие законченные концепты или практики управления. Пока еще процесс не завершен, пока все варится на «кухне», то есть, еще не готово. Но уже есть группы, которые берут и запускают ту или иную версию. Мы в итоге движемся неэффективно, а как называется такой исторический эксперимент?

И.В. Кукулин: Процесс, о котором вы сейчас говорите, независимо от того, как к нему относиться, в первую очередь связан с тем, что в нашем интеллектуальном сообществе принято фетишизировать практики управления как таковые. Потому что до сих пор в России «все зависит от начальства». Я думаю, было бы гораздо важнее, чтобы плоды нашей научной работы влияние не на практики управления, а на общественную жизнь. На ту самую траву, которая лезет из-под асфальта. На процессы осознания обществом своих возможностей, чтобы управленческие практики уже взаимодействовали не с массой атомизированных индивидов, телезрителей, а с массой людей, которые осознали друг друга, что они друг другу нужны и могут друг другу помочь. Вот почему они друг другу нужны, в силу разности того, что их объединяет, какие они смыслы могут вместе рождать. На понимание этого влияет научная работа.

А.М. Старостин: В связи с вашим обзором и дополнением — вопрос к обоим докладчикам. Теоретическая физика 70 лет занималась поиском единой теории. И, в конце концов, она к ней приблизилась...

В.П. Макаренко: Я думал, физики уже бросили эту затею...

А.М. Старостин: Нет, физика приблизилась к решению задачи, поставленной А. Эйнштейном. Затем четыре типа взаимодействия, которые были потом выделены, их стали попарно как-то группировать. И стандартная теория всего сформировалась. Физики еще не уверены, что это окончательный результат, но его уже можно каким-то образом накладывать на объективную реальность. Если проводить аналогию с историческим процессом, мы видим, что когнитивно процесс исторического познания далек от единой теории. Хотя мы чувствуем, что без единой теории мы этот процесс не будем до конца понимать.

У вас и у вашего работника или сотрудника, руководителя центра, был тезис о том, что мы находимся в такой парадигмальной ситуации и в области теории, и в области эмпирических фактов. Есть ряд направлений, которые трудно состыковать. То есть, они могут рассматриваться как дополняющие друг друга по принципу соответствия, могут быть и другие версии. Наблюдаете ли вы в руссиеведческих исследованиях конвергентные процессы, то есть сближение тех или иных парадигм? Или сам материал, который с этой позиции изучается, не готов? Вот мы сейчас слушали сообщение. В нем представлен один из любопытных подходов, но это, скорее всего, западоцентричный подход. Он имеет право на жизнь как инструментальный. Готов ли материал, чтобы доказать этот факт? Состыкуется ли этот подход с теми, которые есть параллельно?

Ю.С. Пивоваров: Вы знаете, я, скорее всего, не смогу ответить на ваш вопрос. Он задан таким образом, что мои мозги не в состоянии состыковать то, о чем вы говорите. Я не шучу, я это серьезно говорю. Во-первых, я думаю, что общей большой теории всего не может быть по одной простой причине. Общая теория может быть в мире неживой материи. Исто-

рия, общество зависит от свободной воли человека. Гуманитарные и социальные науки, в первую очередь, изучают поведение человека, а человек — существо свободное, в том смысле, что есть свобода воли. В этом смысле таких законов в гуманитарных науках нет. Есть традиции, культурные коды, хотя это уже метафора. Есть свобода воли. И как такая общая большая теория может объяснить, учитывать свободу воли...

В.П. Макаренко: Отклонение...

Ю.С. Пивоваров: Да, ... и неожиданность ее. Вот уперлись русские люди в декабре 1941 года под Москвой, немцы не взяли Москву. А не уперлись бы — немцы взяли бы Москву. Вот это есть свобода воли. В 1917 году сдали все командующие фронтами Николая 11 — и началась революция... Конечно, были закономерности, которым нас еще в школе учили. Но многолетний опыт историка показывает (мне показывает, я никому не навязываю свою точку зрения): никакой общей теории быть не может. Я очень далек от этого. Само представление об этом — какие-то позавчерашние попытки посмотреть на мир. Если вы спросите меня «кто ты?», я отвечу: я — либерал, государственный, почвенник, западник, славянофил, христианский демократ и социал-демократ одновременно. Мироззрение современного человека строится как-то по-другому. Я не могу сказать: я за парламентскую республику или за монархию. Мне кажется, что сознание человека (особенно исследователя) построено каким-то другим образом.

Зато я уверен, что современное почвенничество приведет к русскому национал-социализму. Я в молодые годы сам был почвенником. Занимался славянофилами, и верил во все это. Я прошел через это искушение, на себе понял, в конце концов, что это приведет к какому-нибудь варианту русского национал-социализма. Тупое западничество — перенос американских экономических моделей на русскую экономику — тоже сорвалось. Перенос марксизма на русскую почву тоже взорвался, пришлось что-то менять. Эти вещи уже давно опробованы, но они не могут быть кодами для будущего, ключами для будущего...

В.П. Макаренко: Указующими перстами...

Ю.С. Пивоваров: Вообще наука не занимается подобными указующими перстами. В этом смысле я не знаю, что ответить. Вот что очень интересно, не знаю, обратили ли вы внимание. Илья Владимирович цитировал великого русского ученого Гаспарова, по крайней мере, выдающегося. Что в Европе было Возрождение, у нас — Иван Грозный. Здесь, при всем моем уважении к Гаспарову, заложена тенденция, неправильные ноты. Да, конечно, у нас не было Возрождения. Возрождения нигде не было, кроме Европы, ни в одной другой культуре. Это сугубо европейский феномен. Поэтому мы не можем, хотя бы в мягкой, вежливой форме сказать русскому прошлому, что у него не было Возрождения. Да, русская культура не выработала Возрождения, она выработала что-то иное. Мы можем попытаться ответить на вопрос: почему не было Возрождения и почему был Иван Грозный? Этот вопрос мы можем адресовать целому ряду исследователей, которые хотят понять русский исторический ход путем выявления неких дефицитов. Русская культура — это не каталог дефицитов, это каталог своих нормативных особенностей эпох. К Ивану Грозному как человек и историк я отношусь глубоко отрицательно. Но это был в известном смысле возможный переход русской истории. Из него очень многое вычитывается дальше. Скорее нужно понять это, нежели провозглашать: в России не было Возрождения.

Или ваша метафора: трава из-под асфальта. Значит, власть — это асфальт, а общество — трава? Я думаю, это не так. Власть такой же органический продукт общества, как и культура. То есть, сейчас, хм-м (*с иронией*) мы будем дискутировать до ночи. (*Обращаясь к А.М. Старостину*): Это вы спровоцировали, господин профессор. Пусть за меня ответит Илья Владимирович.

И.В. Кукулин: Поневоле приходится использовать такие лобовые метафоры. Я асфальтом называл не собственно власть, а результат воздействия власти на общество. С другой оптикой, безусловно, власть неотделима от общества. Та концепция, которая описана в нашей

книге, показывает, какие методы общество противопоставляло власти. В результате этого противопоставления и происходит такой же силы столкновение, столкновение живого и неживого, травы и асфальта. Что же касается каталога дефицитов, для меня то, что вы, Юрий Сергеевич, говорите, является серьезной научной проблемой, она очень актуальна. Мне кажется, мысль, что в России не было Возрождения, достаточно значима и неотделима от другого вопроса: что было? Вот, безусловно! И что в истории России позволяло тому, что все-таки современную русскую культуру мы можем считать либо европейской, как я думаю; либо равнозначной европейской, как считают другие коллеги? Что привело к тому, что современная русская культура оказалась настолько сильной?

Я полагаю, что запреты не способствуют развитию культуры. Мне кажется, это произошло за счет некоторых ресурсов развития культуры и общества, которые были, которые до сих пор не изучены. Существуют только отдельные фрагменты. У меня, например, одним из таких фрагментов в изучении является ранняя работа В.О. Ключевского «Добрые люди древней Руси». Абсолютно классическая работа, всем здесь известная. Но как элемент, такое исследование того, что у нас было. Элемент очень значимой парадигмы, который, может быть, актуален сегодня.

В.П. Макаренко: Разрешите высказаться по общему вопросу. Одна из целей деятельности нашего Центра состоит в том, чтобы привлекать в Ростов-на-Дону возрастную когорту 40-45-летних ученых. Илья Кукулин — блестящий представитель той крохотной части поколения, которая в 1990-е годы в сфере гуманитарных наук, одной из самых махровых советских сфер, — когда в там называемом «российском обществе» возник полный швах и полный крах — за 10-15 лет сумела выйти на международный уровень. Здесь несколько раз был Антон Олейник — российско-канадский и канадо-российский экономист, социолог, политолог. Илья Кукулин также принадлежит к этой когорте. Независимо от обстоятельств эти люди сделали себе имя в международной науке. Они пробивались сквозь асфальт. Эти крохотные былинки уже стали деревьями. Мне чрезвычайно приятно, что я могу здесь сослаться на то, что в армии называется принцип сержанта: «Делай, как я». На мой взгляд, все присутствующие здесь (особенно молодежь) должны учиться у этих 40-45-летних коллег, поколение которых представляет Илья Кукулин. Мне это чрезвычайно радостно, это вдохновляет. Мы можем только восхищаться, когда приходит другое поколение, когда видишь таких зубастых, энергичных, прекрасных, интеллектуальных ребят. Ведь в Ростове (как и везде) махровой публики с претензией на интеллектуализм тоже хватает. А коллегам из моего поколения я хотел бы напомнить строчки Ильи Сельвинского:

К чему нам ум церковных старост,
Рачительных и грузных бирюков?

Большое спасибо, Илья Владимирович! Одновременно обращаю внимание на совпадение ума церковных старост с поведением волков...

А.Н. Ерыгин: Начавшаяся презентация работ интересна сама по себе. Необходимо вникнуть, внимательно изучить эти работы, это само собой ясно. Но я соединил выступление Ирины Игоревны с выступлением Юрия Сергеевича, поскольку они представляют россиеведческий подход. Они дают один взгляд и представляют другое поколение. Действительно, международные и новые имена молодого поколения — это хорошо и просто замечательно. Но хорошо бы не забывать и замечательное старое. Потому что оно также имеет свой международный и всякий иной вес. А в науке, по хорошему счету, не имеет значения, сделано или не сделано имя в науке в официальных структурах. Сегодня оно предстоит в скромном каком-нибудь мальчике, который что-то здесь скажет, а нам всем: и старым, и средним, и совсем молодым; придется к этому отнестись иначе.

Ситуация приобретает проблемный, теоретический характер двух представленных различных новаций в области изучения России. Подход Юрия Сергеевича и Ирины Игоревны представляет нам некоторый наднациональный, надцивилизационный подход, в рамках которого Россия мыслится как целое — исторически и во всех своих проявлениях. Мне особенно импонирует у Юрия Сергеевича тот аспект, где свободная человеческая воля показывает себя как основное направление, которое в человеческой жизни все-таки есть. Есть оно — есть и человеческая история. Нет ее — все объективные наши процессы можем бросить на свалку, нам они окажутся ненужными.

Илья Владимирович говорит очень интересно о внутренней колонизации России. У него были предшественники в области исторической географии, исторической науки. Я в данном случае говорю о нем как представителе этой группы. Но возникает вопрос. Есть новые неиспользованные модели, близкие к тому, о чем он говорил. Виктор Павлович будет делать доклад, не знаю, скажет он о них или нет. Напомню о модели первичной географической экспансии, которые использовал М.К. Петров. Он не использовал слова «колонизация», зато приоткрыл немного большее понимание. Стоит убрать слово «внутренняя колонизация» и сказать о каких-то миграционных процессах и темах управленческих практик. Соотношение высших и нижних, попыток восстановить империю, вооружиться против нее, — они как-то повисают в воздухе. Но главное — повисает в воздухе та исходная модель, в силу которой Россия берется не как целое, а как фрагмент, часть, например, как внутренняя колонизация. А потом от нее плясать, выходить на Англию, Францию, на что-то другое колониальное; сравнивать, противопоставлять, говорить о разнообразии. О том, что впереди много возможностей для изучения. Все прекрасно, кроме одного.

Возьмем простой факт, который уже прозвучал. Юрий Сергеевич раньше прореагировал на слова Гаспарова о России без Возрождения, но России с Иваном Грозным. Во-первых, даже России с Иваном Грозным менее полутысячи лет. Если вся концепция, которую мы увидели в этой книге, полезна и ценна в своих частных проявлениях, представляет нам эту Россию, то так и надо говорить. Что это взгляд на какую-то Россию, избранную, отделенную от России. А другая Россия насчитывает более полутысячи лет. И эта Россия не фигурирует. Стыковка как раз-таки этих двух России и происходит в эпоху Грозного. Но как блестяще показал Леонид Баткин, и в Европе Возрождения не было. Настоящее Возрождение было только в Италии. Весь комплекс его работ и работ его школы направлен на обоснование этой идеи. Я хочу напомнить, что не только у России не было Возрождения, его не было и в Европе. Если его не было и в Европе, то это уникальный исторический тип. Если это уникальное явление, то как мерить такие же уникальные вещи посредством этого? У России не было такого Возрождения. Но давайте пригласим сегодня специалистов по истории, истории русской философии, специалистов по древнерусской культуре. Если хотя бы один из них услышал, что здесь говорится, они бы ахнули от научной необразованности всего того, что здесь звучит. Как это в России не было Возрождения? Много работ показывает, что возрожденческие элементы, тенденции, линии были и в Белоруссии и в Украине. Это, так сказать, внешняя привязка, не надо жестких радикальных высказываний. Не было — было; в какой степени — в слабой. Но было, это в науке доказано. А было ли что-то аналогичное Возрождению в смысле значимости культурного социального мировоззренческого явления в России? Это Возрождение иного рода. Разве этого не было? И разве соответствующая культура, разве Рублевская троица не появилась? Так чем же это Возрождение хуже того, которое было в Италии? Да ничем. Оно не хуже и не лучше. Оно — наше русское Возрождение с восточно-христианским оттенком, восстанавливающее личность в ее полноте и ценности.

Из двух подходов, в этих книгах обозначившихся, мне явно импонирует россиеведческий общетеоретический подход, очень мягкий, очень научный в строгом смысле этого слова, допускающий множество всяких вариаций, без жесткого настаивания на каких-то восточных, западных, евразийских вариантах. Он больше обеспечивает наднациональный, надцивилиза-

ционный взгляд на Россию как целое в ее исторически-временной и содержательно-культурной полноте, чем подход фрагментарный, выбирающий из России что-либо и выставляющий его как важную метафору. Она ценна и многое здесь было сказано великолепно, под многим можно подписаться. Но как крупная теоретическая модель для понимания России — это явно вещь другого рода, не допускающая общего взгляда на Россию.

В.П. Макаренко: Юрий Сергеевич, Илья Владимирович, вы будете отвечать на эти возражения?

Ю.С. Пивоваров: Нет. Главное, чтобы другие говорили.

В.П. Макаренко: Прекрасно, что все завязалось и заполыхало. Надеюсь, это превратится в ровный пожар, на который стоит посмотреть. Турецкий писатель Орхан Памук пишет, что он любил смотреть, как полыхают ветхие дома старого Стамбула. Это было целое культурное явление в этом городе — ходить любоваться на пожары. Но как говорил мой студент: «А нищим пожар не страшен, взял котомку и пошел в другую деревню». Разрешите предоставить слово Сергею Алексеевичу Денисову, Екатеринбург, Россия, Гуманитарный университет. Должен сказать, что мы с Сергеем Алексеевичем коллеги. Он тоже занимается изучением бюрократического или административного общества, написал интересную книжку, которую я целиком, к сожалению, еще не проштудировал, но непременно это сделаю, спустя некоторое время. Хочу также напомнить, что в ноябре месяце у нас из Екатеринбурга была Елена Германовна Трубина — главный докладчик на семинаре «Город как объект теории». Постепенно завязываются теплые связи с Уралом.

С.А. Денисов: Я вынужден сделать маленькую поправку, мы с Виктором Павловичем не очень договорились. Я не смогу представить издания в сфере гуманитарных наук Урала. Расскажу о трех книгах, которые написал. Первая называется «Административизация правовой системы. Влияние обособленных управленческих групп на правовую систему общества». Вторая — «Общая теория административного государства», обе вышли в 2010 году. Все издано в Екатеринбурге, в нашем гуманитарном университете, который я представляю. Хочу пояснить, зачем они нужны. Я юрист по образованию, в юриспруденции есть теория государства и права. Объект ее исследования самый широчайший, происхождение правовой системы государства, начиная с самых основ до современных явлений. Отсюда ясно, какое разнообразие обществ, государств, правовых систем надо оценить. Ни один историк с этим не справится. Это такой очень абстрактный и поверхностный подход, когда все огромное многообразие надо очень сжато описать. И возникает проблема: как мерить будем?! Какими единицами будем измерять все это многообразие, чтобы его описать и структурировать? Я хотел вспомнить старый советский мультфильм, там удава мерили слоненками либо попугаями. И я бы хотел обратить внимание на то, что само измерение имеет ценность. Помните, удаву понравилось мерить себя в попугаях, он сказал — «я буду гораздо длиннее так, в попугаях». Всем известна старая советская попытка поделить все многообразие по формациям — рабовладельческой, феодальной, буржуазной и социалистической. При таком делении получалось, что советское общество, о котором мы сегодня говорим, гораздо длиннее. Она оказывалось на вершине цивилизации. Такое измерение имело идеологический вывод. Когда формационный подход зашел в кризис в 1990-е годы, возник опять вопрос: как мерить? Историки сказали, что великих рабовладельческих государств не бывает, все это выдумки марксизма.

Здесь я начинаю впадать в психологизм. Как говорят женщины, «я отдала тебе лучшие годы своей жизни». А я лучшие годы своей жизни был чиновником — в армии и после армии. То есть, в лучшие годы моей жизни я был чиновником, всегда представлял этот социальный слой. В науку я пришел в 1980-е годы, когда появилась работа Виктора Павловича о бюрократии. Это соединилось: моя классовая принадлежность к чиновникам и его книга. И я подумал: а давайте попробуем померить все это многообразие по тому, какое место в определенном обществе и в правовой системе государства занимает управленческий слой. Получилась примитивная дихотомия. Бюрократия — это социальная прослойка, которая служит бур-

жуазии, что наше поколение хорошо знает. Другая противоположность получается там, где управленческий слой возвышается и превращается в самодержавный. Жалко, что нет доски, я бы представил эту дихотомию. Я делю это пополам. С одной стороны, у нас управленцы превратились в господствующий класс, выше их нет ничего. А в западном обществе управленцы всего лишь социальный слой. Дальше я использую диалектико-материалистический подход, воспитан на марксизме. И буду достраивать эту систему. Откуда она берется? Берем экономику: за счет чего господство управленцев у нас? За счет государственной собственности. А в западном обществе господствуют частные собственники. У нас в административном обществе получается распределительная система; в капиталистическом — рынок, конкуренция и т.д.

У юристов есть понятие народ, который не может быть сувереном как субъект власти. В административном обществе нет народа, есть население, занимающее определенную территорию. Это масса, которую ведет управленческая элита. При капитализме появляется гражданское общество, которое контролирует бюрократию через политиков, через выдвиженцев, и подчиняет ее себе. Следующий показатель: административное общество порождается административным государством, которое всегда недемократическое. Оно не может быть демократическим, потому что над всеми и ведет всех. Мы говорим, что современный Запад — это частнособственническая демократическая система. Но я думаю, это необязательно. Пиночет показал, что частнособственническая система может быть недемократической. Тут различия в надстройке уже получаются. Административное общество порождает административную и правовую систему, которая служит управленцам. Юристов здесь, наверное, нет, я не буду рассуждать о ней. Общими чертами в романо-германской правовой системе были частное право и публичное право. В административном обществе развито публичное право. Если кто-то помнит ленинские слова в письме, которое юристы наизусть изучали раньше: нет ничего частного у нас, все публичное. Вот одна сторона. С другой стороны, в частнособственнических системах, наоборот, развито частное право, гражданское право. Публичное там в подчинении у частного права. Вот такая дихотомия получилась.

Понятно, что это веберовские модели. Это не реальность, это дихотомия, черное и белое, север и юг получается. С помощью этой дихотомии можно описать весь окружающий мир, неважно — Китай, Голландия или еще что-нибудь. Оно либо черное, либо белое; либо административное либо частнособственническое. В этом многоцветном мире могут быть какие-то пропорции, присутствовать та или другая модель, усиление одной из них. Если мы возьмем сегодняшнюю Америку, то там, в первую очередь, сильны частнособственнические моменты, но административные элементы тоже присутствуют. А если возьмем Россию, то все согласится, что здесь всегда будет дихотомия. Но за исключением истории, тут уже нужны факты. Что было с Киевской Русью? Какой там элемент присутствовал — частнособственнический, купеческий, которому надо было караваны водить по рекам или княжеский? Я не историк, но все-таки думаю, что частнособственнический элемент там присутствовал. А если верить сведениям, что князей пригласили для того, чтобы они просто помогали решать частнособственнические вопросы? Потом получается усиление княжеской власти, явный пошел уклон в административную сторону. Новгород и Псков откололись и представляли частнособственническую систему, то есть, там были все элементы. Московская Русь уже административная, мы сейчас говорили о колонизации, об особом положении управленцев, которые уже ведут страну. И Ключевский говорил, что они строили под себя свои княжества, приглашали население с юга. Господство административного элемента явно усилилось. Если кратко пробежать по истории России, то с помощью этой дихотомии легко сказать, что февраль 1917 года — это попытка уйти в частнособственническую систему. Далее большевики создают классическую и даже развитую административную систему и советское общество. Что такое Ельцин? Как можно сказать сейчас, это неудачная попытка перейти к частно-

собственнической системе. Что такое путинское государство? Попытка вернуться к административной системе.

Модификации подвидов этой системы могут быть самые разнообразные. Я читал выступления докладчиков на предыдущих конференциях, Ирина Игоревна говорила там о «дворцовом обществе». Она сравнивала его с петровским государством. Петровское государство — это для меня административное государство, которое мобилизует все население на решение задач. А дворцовое государство имеет тенденцию к частнособственническому государству. Когда дворяне превращаются из служивых людей в частных собственников, хозяйственников.

Дальше обращаю внимание на следующее. У меня внутри две тенденции. С одной стороны, я как гражданин имею определенное мировоззрение и какое-то чувственное отношение, а как исследователь я считаю, что ни в коем случае нельзя сказать, что одна система хорошая, а другая — плохая. Если вспомнить идеи Маркса об азиатском способе производства, то это фактически административное общество. Административное советское государство, особенно 1960-70-х годов напугало весь мир и показало, что административная система может модернизироваться, а не является застойной. Маркс сказал, что с административным обществом и государством можно покончить. А оно вылезло в большевистской модификации, под прикрытием марксизма. И напугало весь мир. В 1960-70-е годы американцы испугались, пол Азии было на стороне СССР. Фукуяма говорил о «конце истории», что закончилось административное государство. Но посмотрите сегодня на Китай, которого уже опять все боятся. Китай — это административное общество и государство, он всегда был таким, никогда частнособственническим не был. До ХУІ века Китай показывал свою экономическую эффективность и мощь. И сейчас известно, чем закончится. Конечно, мы говорим: у них кризис будет, им плохо будет. Это нам так хочется, посмотрим, как на самом деле будет.

Фактически получается, что история дает как бы две модели, борющиеся между собой, которые по-разному решают одни и те же проблемы. Например, Запад решал проблему индустриализации своим экстенсивным путем, через частную собственность; Россия — своим путем, путем давления на крестьянство, мобилизации всех и вся на решение данной проблемы. И для того периода это решило проблему. Китай сегодня тоже решает своими гибридными методами, когда на административное общество прививается частнособственническая система. Под колпаком у компартии, пожалуйста, занимайтесь своим предпринимательством. Голову мы отрубить в любое время можем, как курице.

Подхожу к завершению. Я административные общества иногда сравниваю с фермерским хозяйством. Вот ферма, которая с утра пашет на свиней и коров, заботится о них, убирает за ними навоз и несет им пищу. Кто здесь хозяин, кто кому служит? — непонятно. В административных системах также сложно понять, кто кому служит. Видимо, я не очень понятно рассказал, но я думаю, будет повод почитать. Все эти книги я отдаю Виктору Павловичу, они будут в библиотеке, а Виктор Павлович мне что-нибудь свое подарит.

(Продолжительные аплодисменты)

В.П. Макаренко: К нам пришла Марина Александровна Боровская, наш уважаемый ректор (*Аплодисменты*). Пожалуйста, Марина Александровна, как вам удобно, сидя или стоя.

М.А. Боровская: Большое спасибо! Я стоя, потому что с большим почетом и уважением отношусь к сегодняшнему мероприятию. И знаю, что сегодня день политолога, да?

В.П. Макаренко: Не исключено...

М.А. Боровская: Правда же? Сегодня с утра в новостях по радио «Маяк» было сказано, что сегодня день политолога. Честно говоря, я впервые слышу, не знала.

В.П. Макаренко: Значит, впервые празднуют.

М.А. Боровская: Правда?! Вот видите. Я тоже очень удивилась, в первый раз слышу. Понимаю, что сегодняшнее мероприятие было запланировано и укладывается в этот день. Наверное, будет и задача поддерживать этот праздник регулярно. Надеюсь, что сегодняшняя

конференция сможет обрисовать для научного сообщества те задачи и идеи, которые мы могли бы реализовывать на практике. Мы понимаем, что советский период жизни России имеет целый ряд системных важных и серьезных решений. В результате длительного советского периода развития нашего государства поменялась не только система управления, но и система организации. Это позволило изменить подходы в мировом сообществе. Поэтому то, что делают коллеги сегодня, обсуждая этот опыт и пытаясь выбрать для изучения и анализа те подходы в социальных системах и в управлении социальными системами, — мне кажется, что это серьезное, хорошее, комплексное исследование. Не надо забывать достижения и завоевания, которые в разные периоды жизни были в экономике и в социальной системе нашей страны. Формируя и развивая опыт для решения новых задач, мы должны опираться на системные решения, которые были в нашей стране. Я хочу сказать сегодня, что и система образования, проходя новый путь модернизации, тоже нуждается в качественном и грамотном отборе тех решений, которые были в советской системе высших школ. Этот отбор заставляет серьезно задуматься о том, как решаются сегодня проблемы качественного образования. Действительно, пришедшие в систему российского образования методы ЕГЭ и другие методы, — улучшили ли они систему российского образования? Мы понимаем, что попытка примерить на себя опыт других систем — это не лучшая практика. Нам важно осознавать это. Любая модернизация и обновление должно начинаться с серьезного изучения опыта прошлого, чтобы действительно улучшать эту систему. Помимо научных заслуг и успехов вы связаны с подготовкой молодых кадров. Поэтому надо внимательно относиться к системному представлению знаний, которые мы доводим до молодежи. Я надеюсь, что во всех сферах науки и образования научные коллективы постепенно подойдут к тому, что учебно-методическое обеспечение тоже должно быть системным. Мне бы хотелось, чтобы учебники, по которым будет обучаться молодежь, были сформированы мощным научным коллективом и научным сообществом, которые действуют в соответствующей сфере. Я надеюсь, что решения вашей конференции будут исполнены в течение года. Хочу пожелать вам такого совместного системного изучения, которое можно будет ввести в учебный процесс. Может быть, историкам есть смысл сделать историю Юга России, которая будет основываться на научных фактах? Думаю, в обществе социологов и политологов такие решения тоже не помешают. Неплохо было бы взвесить весь советский опыт и совместно изложить его в учебно-методических трудах и изданиях для молодежи. Мне кажется, это будет серьезным результатом вашей сегодняшней конференции и вашего комплексного опыта. Я благодарю Александра Георгиевича Дружинина и Виктора Павловича Макаренко за приглашение на эту конференцию и ее организацию. К сожалению, я не смогла услышать пленарную часть докладов, но надеюсь, что я смогу познакомиться с материалами, которые у вас появятся. Благодарю всех, желаю вам успешной работы и хочу, чтобы ваши решения были ориентированы на процветание и развитие нашего будущего. Спасибо!

(Аплодисменты)

Ю.С. Пивоваров: Очень важную вещь сказала Марина Александровна по поводу истории Юга России. Я председатель экспертного совета ВАК по истории. Президент РФ тоже поставил перед нами — людьми, имеющими отношение к исторической науке, — задачу написать учебник. Сейчас идет дискуссия, я не буду касаться этой темы. Наверное, учебник будет создан. С одной поправкой, безусловно, регионы России, республики должны иметь то, о чем говорите вы. Один единый учебник истории будет сначала касаться школы, а потом, надеюсь, и до ВУЗов дойдет. Но один общий учебник от Владивостока до Калининграда не работает. Так что ваш ректор высказывает очень важную точку зрения. Я буду ссылаться на мнение ректора одного из семи федеральных университетов *(Аплодисменты)*.

Н.С. Авдулов. Виктор Павлович, вы очень ценные рекомендации высказали. Как нам надо учиться и подходить к изучению нашего прошлого. К вашим рекомендациям я всегда прислушивался. Но есть еще рекомендации. Для меня лично важными являются подходы и

работы по истории советского периода Вадима Кожинова. Прежде чем изучать прошлое, надо хорошенько изучить источники, подвергнуть их критическому анализу. У нас в университете этим занимается известнейшая школа профессора Пронштейна. Я думаю, что такого подхода и наследия больше нет нигде. Полагаю, что эту школу забывать нельзя. Второй этап — это историография. У Кожинова дается перевод всех известных на то время течений, школ, направлений, мыслей по этому вопросу. Разбор этих направлений детальный, с чем он согласен, с чем не согласен. Затем он на основе источников формирует свое понимание, не претендуя на абсолютную истину. Когда мы обсуждаем ту или иную тему, то складывается впечатление, что здесь больше игры ума. И мы представляем продукты игры ума, а не результат изучения источников вчерашнего дня, других концепций, из которых вырастает какое-то приближение к истине. Поэтому такие встречи полезны, нужны, необходимы. Пусть даже здесь много игры ума, но они обостряют наш ум (*Аплодисменты*)

В.П. Макаренко: Конечно, Кожинов — авторитет, но стулья ломать не надо. Здесь есть профессиональные историки, которые смогут мастерски возразить тем концепциям, которые развивает Кожинов. В том числе сказать о его способе анализа источников и выводах из этого анализа. Пусть об этом скажут сами историки в своих докладах. Большое спасибо за одно из предложений, толкающее нас в сторону концепций Кожинова и подобных ему «спецов». Но на таких «спецов» надо завести племя своих «спецеедов», если воспользоваться жаргоном сталинского времени. Есть же различные подходы, о чем прекрасно говорит и пишет Илья Владимирович в своих выступлениях и статьях.

Теперь разрешите приступить к **первому заседанию**. Посоветовавшись между собой, мы определили следующий порядок: вначале выступает Виктор Макаренко, затем Илья Кукулин, а затем Юрий Пивоваров. Такой порядок. Но мы постараемся несколько его...

А.Н. Ерыгин: ...нарушить...

В.П. Макаренко и Ю.С. Пивоваров (в унисон): Наоборот! (*Общий смех*)

В.П. Макаренко. *Эффект ретроспективы и проработка советского прошлого: эвристический потенциал концепции М.К. Петрова.*

Термин «эффект ретроспективы» принадлежит М.К. Петрову, а термин «проработка прошлого» выработан в дискуссиях германских мыслителей и историков для описания определенного отношения к нацизму. Начну с Петрова.

В 2011 году я выпустил книжку «Научно-техническая контрреволюция: идеи М.К. Петрова как источник мысли». В феврале 2012 г. было обсуждение книжки. Я работаю дальше. Написал новые главы. Фрагменты из них образуют содержание моего доклада.

Если верить Маяковскому, проблема проработки советского прошлого наступила на второй день существования советской власти. В поэме «Хорошо» есть строчки:

Ленты по мосту вызмеив
Гонку свою продолжали трамы
Уже — при социализме.

Поэт описывает ситуацию, которая сложилась на следующий день после штурма Зимнего дворца. Значит, Маяковский работал в предположении, что смена всего социального бытия следует за переходом власти из одних рук в другие. Хотя многие свидетели этих событий писали, что никто не заметил перехода власти из рук в руки. Присутствующие здесь историки могут это подтвердить. Есть и особая проблема: насколько поэт Маяковский был искренен в своем восприятии этого события десять лет спустя, т.е. тогда, когда советская власть уже укрепилась?

Но я на этом останавливаться не буду. Здесь сидит литературовед, пусть он выскажется, если сочтет это достойным внимания. Историография прошлого, в том числе советского,

неисчерпаема. И в обозримом будущем она будет пополняться. Ждать единомыслия или надеяться на него бесполезно. В этом я вполне солидарен с Ильей Кукулиным. Но без определения позиции в этой бесконечной дискуссии не обойтись. А поскольку я — патриот Ростова-на-Дону, постараюсь положить свой кирпич в углубление творческой связи между ростовчанами и москвичами.

Михаил Константинович писал об эффекте ретроспективы, который существует во всех очагах культуры на любых уровнях и в любых формах знакового общения. Эффект ретроспективы — это комплекс ограничений человеческого знакового общения, которое относится к объяснению или социализации. Акт общения не обладает однозначностью и вероятностью восприятия нового именно в том смысле, в котором ему хотел сообщить объясняющий. Вот Илья Владимирович вынужден был разъяснять, что он имел в виду. Этому было посвящено определенное время. Возникло как раз то явление, о котором писал Петров. Прошлое не обладает однозначностью, это современники пытаются приписать ему это качество. При анализе эффекта ретроспективы надо искать опоры на слова-предшественники, включая всю глубину текста и учитывать глубину оперативной памяти (7 плюс минус 2 знака, больше мы не в состоянии запоминать). Все истории пишутся с ориентацией на пики цитирования. Революции завершаются переписыванием истории в рамках новой парадигмы и в ее терминах. Интерпретация истории дисциплины видит в прошлом то, чего там не было. Все дисциплины накапливают знания, не считаясь с ментальными ограничениями человека. Таковы основные моменты эффекта ретроспективы.

Моя задача — выявить в творчестве Петрова сюжеты, важные для применения эффекта ретроспективы в проработке советского прошлого. При этом я буду исходить из иронического определения Петровым философии как иллюзии эффекта ретроспективы. Философия — это неиссякаемый и слабопарадигматизированный фонтан меняющихся слов вокруг неизменных и вечных проблем. Вот этот «фонтан слов» я превращаю в рабочую метафору анализа.

Прежде всего сошлюсь на недавно опубликованные записки известного писателя-ростовчанина Виталия Семина. Как-то мы затрагивали эту тему, когда ехали в автомобиле с Юрием Романовичем. Повесть Семина «Семеро в одном доме» мало уже кто помнит. Когда она была опубликована в «Новом мире», я служил в армии. Тогда же я ее прочел в первый раз и навсегда этого писателя полюбил. Сергей Чупринин, бывший выпускник РГУ, а теперь главный редактор журнала «Знамя», в предисловии к запискам Виталия Семина пишет, что в советской провинции жилось гаже, чем в столице. Он имеет в виду Ростов-на-Дону как раз в то время, когда здесь работал Михаил Константинович. Чупринин пишет: «Удушать таланты здесь умели так, что никто даже и предсмертного хрипа не услышит». И вот В. Семин описал вонючую среду в ростовской писательской организации, а также разбор персональных дел в партбюро КПСС РГУ. Попутно дал портрет Ю.А. Жданова, который вы (*обращаясь к С.А. Кислицыну*) почему-то не учли в своей книжке о Жданове. Интересна характеристика известного советского философа Ю.А. Жданова не менее известным советским писателем В. Семиным. Я ее воспроизводить сейчас не буду, это займет много времени. А резюме сообщу.

Ю.А. Жданов принадлежал к советскому идеологическому аппарату. В постсоветское время он упорно защищал все сталинские шаблоны мысли и поведения. Чтобы убедиться в этом, достаточно хотя бы один раз прочесть книжку Жданова «Взгляд в прошлое: воспоминание очевидца». Кто-то из университетских мне сказал: «Это не взгляд в прошлое, это взгляд из прошлого». В этом есть большая доля правды. Поэтому я думаю, что стоит прислушаться к Виталию Семину, его характеристике Жданова. К тому же Жданов многократно заявлял и писал о себе как о гегельянце. Но вдвойне интересно, как советский писатель воспринимал советского философа. Жданова приглашали в Ростовскую писательскую организацию, он там делал доклады, проводил какие-то беседы. И вот восприятие писателя, причем это было на-

писано по свежим следам. Писатель Виталий Семин определяет ум философа Жданова как множество свойств.

Первое — отсутствие чувств, второе — машинный язык, третье — повествование с апломбом о банальных вещах. Четвертое — квалификация высказываний советских вождей (в данном случае изречений Сталина) как гениальных истин. Пятое — использование анекдотов или, как я их называю, историй из бюрократической рутины, для убеждения слушателей. Шестое — отрицательная квалификация писателей и поэтов (Жданов имел в виду Солженицына и Мандельштама), репрессированных советской карательной машиной, а также продуктов их творчества и героев их произведений. Седьмое — злопамятность под видом идеологической чистоты. Восьмое — дегуманизация трудов классиков мысли и философских категорий. Девятое — пренебрежение к людям и бытовым условиям их жизни. Наконец, стремление выгладеть демократом.

Думаю, каждый может согласиться или не согласиться с этой характеристикой, дополнить ее или пожать плечами. Но вряд ли стоит недооценивать значимость высказываний Сергея Чуприна, Виталия Семина и Юрия Жданова для извлечения нехитрого следствия: общие типы советских людей (описанные в работах Левада-Центра) существовали и в Ростове-на-Дону, в РГУ и среди коллег Петрова по философскому цеху. Такова первая предпосылка.

Вторая предпосылка для ответа на вопрос является творчество самого Петрова³. В его повести «Экзамен не состоялся» скрыта главная идея повести: советская идеологическая система в три раза хуже идеологии Победоносцева. Возникает вопрос: не являются ли члены этой системы трижды Победоносцевыми? Этот вопрос ориентирует на определенную оценку, как минимум, трех явлений: идей самого исторического Победоносцева; идей советской философии; моды на ностальгию за советским прошлым, которым переполнены нынешние средства массового оглушения. Так бывший консультант ЦК КПСС и выпускник РГУ А. Бовин предлагает называть нынешние средства массовой информации.

В этом смысле повесть Петрова злободневна, поскольку позволяет описать ряд явлений сегодняшнего дня (*Аплодисменты*).

И.В. Кукулин. Методологические проблемы применимости термина «проработка прошлого» к обсуждению советской истории.

Термин «проработка прошлого» — это перевод немецких слов *Vergangenheitverarbeitung*, которые выработаны для другой ситуации, для оценки прошлого в послевоенные годы в Западной Германии. Когда мы говорим о переносе данного термина, возникает процесс коррективга. Подобные вопросы возникали много раз. Например, когда российские ученые или ученые из других культур обсуждали с помощью аппарата теории феминизма ситуацию с положением женщин, женскими репрезентациями в современном российском обществе и т.д. Это не раз порождало реакции такого рода: «Выработанные на Западе методы неприменимы к российской действительности, ибо Россия совсем другая». Я думаю, иллюзия полной инаковости России весьма преувеличена из-за долгой принудительной научной изоляции. Причем, изоляция не была полной, но достаточной для того, чтобы затруднить методологический обмен.

Существуют обширные дискуссии о том, применимы ли выработанные в англоязычной среде методологические подходы к Франции и Британии. Эти дискуссии плодотворны, так как помогают понять меру универсальности понятий и методов. Я имею в виду первую часть сегодняшнего заседания, когда обсуждались те ассоциации, которые влечет за собой применение английского термина *state* к немецкому *Staat*. Именно поэтому в последние годы большое значение приобрела история понятий, разработанная великим немецким историком Райнхартом Козелеком и его учениками. Мне кажется намного плодотворнее обсуждать его

³ Дальнейшее содержание доклада В.П. Макаренко уже опубликовано в журнале. См.: <http://politconcept.sfedu.ru/2013.2/10.pdf>

разработку, чтобы не ругаться о применимости или неприменимости к России концепций, выработанных в других странах. Надо вести именно разговор о том, в чем применимы, а в чем неприменимы эти понятия к России. И таким образом корректировать концепцию Козелека. Это позволит нам, российским исследователям, включиться в международный диалог о жизненно важных вопросах современного мира. Включиться не только научно, но и социально-нравственно.

Концептуальной основой моего сегодняшнего доклада являются две концепции: 1. Работы французской исследовательницы Барбары Кассен по историко-политической риторике. Они не переводилась на русский язык. Но появилась первая ласточка — перевод ее небольшой статьи на сайте gefter.ru. 2. Работы современного германского историка Лутца Нитхаммера, одного из пионеров устной истории в Германии и во всем мире. Я искренне рекомендую всем присутствующим — историкам, политологам и социологам его работу «Вопросы к немецкой памяти».

В настоящее время в научном сообществе обсуждается вопрос о том, что делать в научном и нравственном смысле с травматическими, шокирующими или катастрофическими эпизодами советского прошлого, с памятью о репрессиях, ГУЛАГе. Сама постановка этого вопроса встречает сопротивление со стороны нынешних политических элит. Например, министр культуры не раз высказывался о том, что не надо было его ворошить. Правда, до назначения министром он был депутатом Государственной думы. И высказывался в том духе, что «вы еще вспомните, что было при Иване Грозном». Президент России Владимир Путин тоже не раз говорил, что не надо нам навязывать комплекс вины. В этом и проблема: что происходит с комплексом вины, зачем вспоминать про травматические эпизоды, как работать и как не работать с термином «проработка прошлого»?

Я бы хотел поставить эпиграфом такого обсуждения строфу из давней песни барда Ю. Кима.

Зачем былое ворошить?
Кому так легче будет жить?
Новое время по нашим часам!
Пойдем лучше в гости:
У наших соседей
Родился чудный мальчик!
Назвали — Чингисхан.

Прежде чем непосредственно обсуждать применимость термина «проработка прошлого» надо проговорить терминологические и методологические ограничения. Использование или неиспользование тех или иных терминов всегда имеет методологические коннотации. Я предпочитаю не использовать слово «народ» иначе как в этнографическом смысле, так как в российском политическом языке оно слишком мифологизировано и принудительно наделено возвышенными коннотациями. Они были хорошо спародированы в стихотворении Дмитрия Александровича Пригова

Народ он делится на не народ
И на народ в буквальном смысле
Кто не народ — не то чтобы урод
Но он ублюдок в высшем смысле
А кто народ — не то чтобы народ
Но он народа выраженье
Что не укажешь точно — вот народ
Но скажешь точно — есть народ. И точка

Еще один опасный термин — «свидетель эпохи». Это специально анализирует Нитхаммер. В его книгу включено интервью российской исследовательницы Щербаковой, члена общества «Мемориал». Нитхаммер говорит: сам термин «свидетель эпохи» лишает нас права на критическую оценку. В большинстве передач на историческую тему то, что было на глазах очевидцев, подается как непреложная истина. Специалист-историк оказывается как бы и не нужен. Телевидение вечно все упрощает, но меня не оставляет ощущение, что выпихивание на первый план очевидца мешает нашей работе. Потому что в результате такой человеческой памяти предстает в весьма примитивном виде. В наших исследованиях мы всегда стремились показать, что память по своей природе не обладает единством. Что у нее много разных функций, помимо собственно запоминания. Что при работе с ней некоторые функции памяти следует рассматривать комплексно, а в некоторых случаях даже противопоставлять друг другу. Значит мы имеем дело не со свидетелем эпохи, а с участником истории, взгляд которого всегда опосредован теми событиями, теми поступками и той самооценкой, которую он давал себе именно как участнику событий. И сейчас важно об этом говорить, потому что мы видим, почему не верна мысль о неких «свидетелях эпохи».

Прошлое имеет свойство не кончаться, оно рядом с нами. Подобные явления есть и в Германии, а в России мы их видим на примере споров о Сталине. Например, когда общественный фонд, организованный крайне правым политическим деятелем Виктором Логиновым, запустил в разных городах России «сталинобусы» — автобусы с изображением Сталина. Или когда ставится вопрос о переименовании находящегося здесь неподалеку Волгограда. При этом опросы Левада-Центра показали, что респонденты, которые даже высказывают положительное отношение к Сталину, не хотели бы жить при Сталине. Очевидно, Сталин выступает здесь в роли фигуры, интегрирующей некие смыслы. Какие? Это требует исследования. Но уже ясно, что эта символически интегрирующая фигура влечет за собой и определенное представление о том, как можно людьми управлять, что можно с людьми делать в интересах той или иной идеологии. Поэты-шестидесятники много говорили, чтоб Сталин не встал, но за Сталиным прошлое (Стихотворение Евтушенко «Наследники Сталина»).

Он лишь отдохнуть прикорнул.
И я обращаюсь к правительству нашему с просьбою:
удвоить,
утроить у этой плиты караул,
чтоб Сталин не встал
и со Сталиным — прошлое.

О том же писал Чичибабин. Но сейчас ассоциация такого рода менее актуализирована в общественном сознании.

В.П. Макаренко: Сейчас, наверно, уже никто не знает Чичибабина. (*Обращаясь к аудитории*) Не знает? Где он родился и жил?

Ю.С. Пивоваров: В Харькове.

В.П. Макаренко: Вот видите, только мы с вами, наверно, и помним...

И.В. Кукулин: Существует очень важный тест, который, скорее, известен специалистам в области истории психологии, нежели истории политической мысли. Это интервью знаменитого немецкого психолога Густава Юнга, которое он дал через три дня после капитуляции Германии. Оно было опубликовано в газете *Die Weltwoche* 11 мая 1945 года. Это интервью вызывает сегодня смешанные чувства. Ведь Карл Густав Юнг на протяжении многих лет поддерживал германский нацизм, и только в конце войны начал его резко осуждать. Несмотря на такой поворот позиций, в этом интервью он высказал глубокую мысль. Его спросили, что будет с Германией. Что будет с обществом? От отвечал так: У меня лечатся два больных невротика, они явные антинацисты, и говорят, что за всей благопристойностью еще жива нацист-

ская психология со всей ее насильственностью и жестокостью. И он говорит, что предстоит изгнание бесов из послевоенной Германии. Что такое изгнание бесов? Дело в том, что — говорит он — нацистская пропаганда описывала русских и вообще противников Германии как людей невероятно жестоких и иррациональных. Действительно, работал такой механизм психоанализа, как проекция. Это приписывание противникам Германии тех, как выражался Юнг, «демонов», которые существовали в общественном сознании. Сейчас очень важно, говорил Юнг в этом интервью, избавиться от ощущения немцев как жертвы. Оно стремительно формировалось в последние годы войны из-за того, что на территории Германии уже шла война. С востока — советские войска, с запада — войска союзников, а сверху непрерывно бомбила авиация. От этого возникло ощущение жертвы, причем жертвы невинной. Немцы считали, что виновата партия, а не армия и не немецкое государство. Предстоит изгнание бесов и признание себя связанными со всем тем, что произошло, говорит Юнг. Эта связь должна нам помочь и только через эту связь, через это понимание того, что все общество оказалось поражено этой виной, мы можем как-то исцелиться.

Но что тут важно? Виктор Павлович упомянул работу Карла Ясперса «Вопрос о виновности». Это курс лекций, который был прочтен в Гейдельбергском университете в 1945-1946 годах. Самое главное, что интервью Карла Юнга и некоторые другие тексты такого рода были обращены к тому поколению, которое привело к власти Гитлера. А также к тем, кто пришел с фронта, потерпев поражение. Это непосредственное предъявление претензий высказано в пьесе «За закрытой дверью» выдающегося немецкого прозаика и драматурга Вольфганга, который написал ее в 1947 году. Главный герой унтер-офицер Бекман обращался к генералам, которые проиграли эту войну. Он жаловался: мне постоянно являются во сне сестры, жены, дети тех солдат, которые были убиты под моим началом. Они спрашивают: Где мой муж? Где мой брат? Где мой сын, унтер-офицер Бекман? А вы теперь мне ответьте на этот вопрос. Вот эти люди, вернувшиеся с фронта, и подраставшие дети тех, кто голосовал за Гитлера, они все больше и больше предъявляли им претензии. Однако это происходило не сразу. После войны этот призыв поддержали только интеллектуалы, но не все германское общество, несмотря на старания, в первую очередь, американских оккупационных властей, продемонстрировать, что произошло.

В американской зоне оккупации была такая социально-воспитательная мера: постоянные экскурсии всех слоев общества в концлагеря. В зоне советской оккупации была создана ГДР, жители которой были обеспечены, так сказать, доктринальным антифашизмом. Было сказано, что фашизм остался в прошлом, которое никогда не должно вернуться. ГДР была застрахована тем, что там у власти находятся социалисты, связанные с СССР. При этом на уровне повседневного сознания жители ГДР ощущали себя захваченными и эксплуатируемыми СССР. В частности, когда советский космический аппарат спустился на Луну и выбросил там вымпел с красным знаменем, тогда среди жителей ГДР, при перешептывании на кухнях использовалось фольклорное двустишие:

Ohne Butter, ohne Sahne
Auf der Mond die rote Fahne
Без масла, без сливок
А на луне — красный флаг⁴.

В ФРГ вопрос о памяти фашизма, памяти о коллективной вине был на время отеснен вопросами физического выживания, надо было отстраивать страну. Все это поразило ощущение, казалось, что ужасы фашизма остались в прошлом. На этот вопрос бывшие жители Гер-

⁴ В статье Корей Росс «Восточные немцы и берлинская стена: общественное мнение и социальные изменения до и после закрытия границы в августе 1961 года» подробно описана эта частушка.

мании в 1950-60-х годах не отвечали. Что они не покупали вещи казненных евреев. Что никто не имел отношения к перераспределению собственности, награбленной германской армией в оккупированных странах. Об этом написана замечательная книга двух (жаль, не переведенная на русский язык) немецких психологов, супругов Митчерлих «Неспособность скорбеть» (*Die Unfähigkeit zu trauern. Grundlagen kollektiven Verhaltens* Александр Митчерлих и Маргарета Митчерлих-Нильсен). В значительной мере ощущение расставания с прошлым началось в 1968 году со студенческих волнений, которые частично отражали волнения во Франции. Они проходили и в Германии, но совсем под другими лозунгами.

В России при советской власти жило несколько поколений. Когда мы говорим про «проработку прошлого» России, мы обращаемся к ныне живущим людям. Они — наследники нескольких поколений, которые поддерживали советскую власть пассивно или ругали начальство про себя, но считали, что против лома нет приема. Это порождает ощущение коллективной исторической пассивности, которая выражается в формулировках: «Мы тогда не жили, мы не можем судить...пожили бы вы тогда, поняли бы...» Здесь нужен очень важный поворот в «проработке прошлого, который является частью истории уже не в Германии, а Израиля. Сколько у меня еще времени?

В.П. Макаренко: Я не фиксирую, а слушаю.

Ю.С. Пивоваров: У всех по два часа!

И.В. Кукулин: Возможно, некоторые из присутствующих знают, что в 1961 году в Иерусалиме проходил судебный процесс над одним из палачей еврейского народа Адольфом Эйхманом, который после войны скрылся в Аргентине. Он был выдан израильской разведке и привезен в Иерусалим. Надо сказать, что в России мало известно, насколько тот процесс был важен именно для Израиля. Потому что очень многие евреи, спасшиеся от уничтожения нацистами, не могли об этом разговаривать вслух. Это была слишком тяжелая травма, они старались про все забыть. Процесс над Эйхманом был первым масштабным мероприятием, многое было проговорено вслух. Во время процесса постоянные репортажи из зала суда для ведущего журнала *Time* вела Ханна Арендт. Она написала об этом книгу «Банальность зла». Но кроме того, что вошло в книгу, есть еще ее полемика о юденратах с выдающимся философом и историком культуры Гершомом Шалемом, жившим в Израиле. Юденраты — это еврейские советы, созданные в гетто для управления евреями. В их состав входили евреи, которые были готовы сотрудничать с немцами за то, чтобы прожить немного подольше. По принципу: ты убит сегодня, а я — завтра. Ханна Арендт очень резко высказалась о членах юденратов, даже более резко, чем следовало говорить о людях в безвыходной ситуации. Гершом Шалем сказал ей, что мы не можем поставить себя на их место, и слава Богу. Они были в невыносимой ситуации. В ответ на это Ханна Арендт сказала важные слова. «Если не брать на себя ответственность за суждения, мы не можем вступить в диалог с прошлым, мы окажемся от него отрезанными». Мы обязаны взять на себя право давать нравственные оценки поведения людей в прошлом, понимая, что мы такие же люди как они. Мы могли бы оказать-ся на их месте. Иначе мы не можем вступить в этот диалог.

В беседе с Лутцем Нитхаммером Ирина Щербакова сказала: «Вы представляете очень объемный взгляд на немецкое прошлое». Он, действительно, единственный человек, — даже лучше сказать не единственный, а первый, кто попытался сравнить память о нацистской эпохе у жителей ФРГ и ГДР. Он старался понять, как вообще люди, которые были апологетами нацизма, жили после нацизма и чувствовали себя. Он сказал: «Я никогда не думал, что я не смог бы стать нацистом. Всегда помню, если бы я жил в это время, я мог бы поддаться всеобщему увлечению и этими экстремистскими идеями». Мы тоже могли бы быть такими же.

Одна из важнейших предпосылок «проработки прошлого» в германском случае — это Нюрнбергский процесс. Его материалы широко публиковались. Они и по-русски изданы в 1957 г.

Но в России состоялась иная история. Еще со времен Ленина палачи уничтожали других палачей. От этого в памяти репрессии воспринимаются как природный катаклизм или повторение абстрактного или абсолютного зла. Еще одна важная вещь состоит в том, что в России, как и в Германии, в действиях палачей могли быть совершенно разные мотивы. Сейчас это необходимо исследовать. Были люди, которые все сваливали на начальство. «Это была моя работа». Были палачи, которые были движимы (как они тогда полагали) высоким освободительным пафосом. Пример тому — известный деятель Михаил Мясников, один из участников убийства царской семьи. Потом он бежал за границу, работал в Париже. После войны был выманен советской разведкой в Москву и казнен.

Самая большая проблема связана с многопоколенческим процессом прошлого. Он устроен вот как. Фактически с основания СССР советская пропаганда отождествляла общество и государство, а интересы общества отождествлялись с интересами государства. Сделать это удалось благодаря такой конструкции сознания, которую Гефтер называл «завет с историей». Подобно союзу библейских иудеев с Богом, советское общество заключало завет с историей. Предполагалось, что это приведет в рай советское общество, все народы Советского Союза. Материальным воплощением такого прогресса является большевистская партия и лично товарищ Сталин. Из-за этого насильственная модернизация многократно объявлялась «успехами общества». Поэтому объявление партии антиобщественной и нелегитимной вызывает вопрос, который, как я полагаю, является некорректным, хотя распространенным. Зачем жили три поколения при Российской власти, если все, что они построили, в определенном смысле не нужно?

Мне кажется, игнорирование этого вопроса в 1990-е годы привело к тяжелым психологическим последствиям, которые мы пожинаем до сих пор. Я полагаю этот вопрос некорректным, потому что насильственная модернизация — все эти построенные заводы и пароходы — вовсе не была «успехом общества». То были достижения государства, а не общества. Достижения общества заключались в другом: обеспечение семьи, устройство быта, сохранение горизонтальных связей, хотя в извращенной форме. Но были и потери в обществе, не связанные с государством: постепенное размывание трудовой этики, — не трудовой дисциплины, а именно трудовой этики. Отношение к результату собственного труда, сохранение патриархальной модели семьи, которая сейчас оказывает влияние на российское общество и вызывает истерические протесты несуществующей в России справедливой юстиции. Постоянная надежда на блат и ксенофобия. Эти моральные потери во многом вынужденные. Частью они унаследованы от имперского прошлого и законсервированы с того времени, но от того не менее болезненные.

Еще один важный вопрос. Многолетнее существование в условиях репрессивной власти вызвало явление, которое историки и политологи называют «самовиктимизация» (комплекс жертвы). Этот вопрос хорошо изучен на примере восточно-европейских народов, а не России. Он связан с особенностями возникновения восточно-европейского национализма: чешского, венгерского и т.д. Указанные общества ощущали власть как не свою. Они требовали создания своего моноэтнического государства. В условиях такой самовиктимизации говорить о том, что люди должны вспоминать о том, что они были не правы — очень трудно.

Приведу свежий пример, не российский, а польский: дискуссия вокруг книг живущего в Америке польского историка еврейского происхождения Яна Гросса. Он много пишет и публикует в Польше книг, подчеркивая, что его книги не научные, а этико-публицистические. Он пишет о сотрудничестве поляков и нацистов во время второй мировой войны в деле истребления евреев. В частности, он описал страшный эпизод, — как поляки вырезали все еврейское население в польской деревне Едвабне. Нацисты к этому не имели никакого отношения. Очень важная дискуссия по книге Яна Гросса состоялась в газете «*Речь Посполитая*» — одной из главных польских газет.

Польский историк Анна Скибинська — гораздо сдержаннее по тону, чем темпераментный Ян Гросс — отвечает на важный вопрос корреспондента. Почему Ян Томаш Гросс не может рассказывать об этих вещах так, как это делаете вы? Вам не кажется, что он делает серьезным историкам неблагодарную услугу? Он пользуется вашими исследованиями ради того, чтобы на их основе делать свои преувеличенные выводы и вызывает у поляков отторжение. Нет! — отвечает Скибинська — я очень ценю Гросса. Благодаря ему об этих серьезных проблемах спорит все общество, о них пишут многотиражные газеты, снимают телевизионные программы. Благодаря Гроссу книги о польско-еврейских отношениях публикуются тиражом не в 500 экземпляров и не ограничиваются дискуссией узкого круга специалистов.

У меня нет претензий к Гроссу — говорит корреспондентка — потому что он хотя бы пишет. Речь идет о том, как он пишет. Его радикальные выводы не побуждают поляков к размышлению, а возбуждают и вызывают только возмущение.

Это метод, на который он имеет полное право — говорит Скибинська — в наших условиях только то, что вызывает споры, совсем не обязательно может вызвать широкую общественную дискуссию.

Зачем нужна такая дискуссия? Те, кто читал газеты в период перестройки, — я обращаюсь к людям, которые постарше, — помнят, что тогда много обсуждали сначала фильм «Покаяние», потом быстро переехали на то, что покаяние по-гречески обозначается термином метанойя, что означает изменение ума. В 1990-е годы об этой терминологии говорить перестали. И здесь я возвращаюсь к началу своего выступления, а именно: действительно ли нам навязывают комплекс вины?

Есть замечательная книга английского религиозного писателя Клайва Льюиса «Письма баламута». В ней описана переписка двух чертей, в буквальном смысле слова. Находящийся в аду старый черт пишет письма своему племяннику, который работает на земле персональным чертом-искусителем. Как поработить душу молодого человека, который выдан ему в качестве подопечного? Там есть замечательный эпизод, где этот молодой человек совершил простительный грех. Дальше черт-инструктор пишет ему: «Пусть эта свинка повалится в своем раскаянии». Что это означает? Человек должен черту внушить представление о раскаянии как навязанном действии, не требующем никаких индивидуальных реакций.

Теперь перехожу к размышлениям Барбары Кассен. «Проработка прошлого — пишет она, — связана с учреждением нового политического сообщества». Подчеркиваю: не новой политической элиты, а осмысления себя как сообщества граждан, которые требуют нового гражданского самопонимания. Связано это с тем, что память об общих проблемах и катастрофических эпизодах прошлого является коммуникативным процессом, который может существовать как коммуникативное поле, а не как индивидуальные воспоминания. Однако в случае России это достаточно сложно. Потому что Россия — и я настаиваю на этом — является имперской множественностью обществ. Упомяну эпизоды, которые обсуждались в дискуссиях об общероссийском учебнике истории в различных медиа. А именно: в Татарстане память о завоевании Казани Иваном Грозным неизбежно будет совсем другой, чем в Москве. Я вижу из этого другой выход, чем создание единого общенационального учебника, какими бы благими намерениями не руководствовались его авторы.

Я полагаю, что учебник должен представлять память именно как коммуникативный процесс, открывающий множественность и конфликтность видов памяти о прошлом. Конфликтующие памяти имеют право на сосуществование, потому что это сосуществование не является шизофренией и не плюрализмом, как любили говорить в 1990-е годы. Необходим постоянный диалог, в котором выясняются не только взаимные претензии, но и то, что народы дали друг другу в результате долгой и мучительной притирки.

И еще одна важная вещь. На мой взгляд, проработка прошлого не связана ни с каким обещанием внутреннего экономического процветания. Но не исключено, что в будущем проработка прошлого может принести какой-то социальный или экономический успех. Многие

общества отказались от проработки прошлого. И они являются вполне благополучными. Япония минимизировала проработку прошлого после второй мировой войны. Турция до сих пор отказывается признать вину правительства...

В.П. Макаренко: За исключением Орхана Памука...

И.В. Кукулин: Не только за исключением Орхана Памука. Недавно в Турции убили армянского журналиста. На следующий день десятки молодых турецких интеллектуалов вышли на улицы со значком «Я — армянин!». Однако турецкое общество и государство до сих пор отказываются признать вину за геноцид армян и ассирийцев (не будем их тоже забывать) в 1915-1916 годах.

Повторяю, все это общества достаточно экономически процветающие, особенно Япония. Но здесь я хотел бы обратиться к недавнему письму, которое опубликовано на сайте телекомпании ВВС. Японская женщина-историк получила образование в Австралии. В Японии история XX века изучается так, как в России литература XX века. В конце 11 класса часто вообще эта тема съедается, поскольку все готовятся к экзаменам. И на весь учебник истории XX века, на историю поражения в войне Японии отводится всего несколько страниц. Хотя там все написано. Это приводит к тому, что японские политические элиты часто совершенно неадекватно оценивают бурную реакцию стран, против которых действовала японская армия во второй мировой войне. Аналогичные истории происходят в Австрии, которая после второй мировой войны выставила себя как «страна-жертва нацизма». Однако на сохранившихся фотографиях, когда нацистские войска торжественно вступают в Вену, мы видим огромные толпы людей, вздымающих руки в нацистском приветствии. Короче говоря, отказ от проработки прошлого ведет к отложенным воздействиям, которые внешне не являются катастрофическими, но приводят ко все более тяжелым последствиям общественных ситуаций. Австрия — это устойчивый успех ультраправых на выборах, который пугает всех приезжающих в эту страну людей ксенофобской риторикой.

Мне кажется, для России крайне важна проработка прошлого, хотя Россия будет явно отличаться от Германии. В России травмы имеют многослойный характер, копились десятилетиями. Помимо собственно ГУЛАГа существует катастрофическая проблема Гражданской войны, во время которой фактически половина людей стреляла в другую половину и наоборот. Травмы Гражданской войны можно видеть и в Ростове. На библиотеке Южного федерального университета висят две таблички: здесь находился штаб белых; здесь находился штаб большевиков. То есть, это все было на узком пяточке. Люди готовы были истреблять друг друга до последнего. Эти травмы до сих пор не проговорены.

И последнее. Я замечаю сейчас, что советское в среде молодежи воспринимается как нечто безвозвратно утраченное. Оно становится виртуальным представлением о России, которую мы потеряли. Для людей 1980-х годов виртуальной утраченной историей была Россия, которую мы потеряли до 1913 года. Если даже мы будем восстанавливать представление о русской истории как непрерывной, то она все будет равно изборождена кровавыми ранами, метафорически говоря. Их придется исцелять, но по-другому. Реальную историю своего общества пересоздать невозможно. Благодарю за внимание! *(На последних 5-7 минутах в зале слышен гул и брожение. Бурные овации).*

В.П. Макаренко: Большое спасибо, Илья Владимирович! Юрий Сергеевич сам назовет название своего доклада.

Ю.С. Пивоваров: Я без названия. Буду краток, потому что чувствую — зал устал. Слишком много уже было сказано. Хорошо, что выступаю последним, потому что Виктор Павлович и Илья Владимирович говорили совершенно о другом.

Вначале скажу о проработке советского прошлого. Если дословно переводить этот термин с немецкого языка *Vergangensheilverarbeitung*, то он означает переработка прошлого. Что касается проработки, то я вспоминаю проработку на комсомольском собрании. Перера-

ботка — это что-то другое. Переработка — это какая-либо перерабатывающая промышленность.

Теперь по поводу советского и по поводу прошлого. Во-первых, я считаю советское не прошлым, а настоящим. Мы находимся в советском: в советской системе, в советском режиме, как угодно. Речь не идет о прошлом, речь идет о настоящем. Здесь возникает серьезная проблема.

И.В. Кукулин: Да!

Ю.С. Пивоваров: Теперь по поводу немцев, их проработки прошлого. Я просто хочу вам напомнить, в какой ситуации это было. В Германии тогда стояли американские, английские и французские войска. Немцы проиграли войну, комплекс вины, комплекс поражения — это все понятно. В 1942-ом году было принято окончательное решение по еврейскому вопросу, они решили ликвидировать европейское еврейство. После этого начались массовые бомбардировки Германии американскими и английскими летчиками, у Сталина тогда не было такой авиации. Советские войска были далеко на Востоке. Наши союзники бомбили детские дома, родильные дома, то, что у нас называется детские сады. Я знаю ряд немецких профессоров, родившихся в те годы. Они выжили в этих бомбардировках. То, что сделали союзники с Германией, не менее чудовищно, чем фашистские зверства. Я не апологет. Просто мы должны понимать, что такое бомбардировка Дрездена, одного из самых красивых городов. И надо иметь в виду, что удар был нанесен по восточной Германии. До войны она была более развита, чем Западная Германия. Это уже после войны западная Германия ушла вперед. Там все было сложно.

8 мая 1985-года президент ФРГ Рихард фон Вейцзеккер произнес речь о том, что 8 мая не только день поражения Германии, но и день освобождения. Это вызвало многолетнюю полемику. Уже в 1985 году западные немцы были не готовы согласиться. А между тем Вейцзеккер — это христианский демократ, либеральный просвещенный человек. По сегодняшний день у меня есть немецкий знакомый профессор. Он говорит: «Юрий, хватит говорить, что немцы против евреев, давайте о чем-нибудь другом поговорим. Сколько мы, немцы, спасли евреев от Гестапо?». В Германии на эту тему написаны книги. А как повели себя западные немцы, когда воссоединили Германию? Весь комплекс вины они перенесли на восточных немцев. Это тоже очень серьезные проблемы. С ними надо быть крайне осторожным.

Франция до сих пор не решила вопрос о коллаборационизме начала 1940-х годов. Ведь сами французы, а не немецкое Гестапо, арестовывали евреев и направляли их в германские концлагеря. А ситуации во французских колониях? Короче говоря, ни в Париже, ни на оккупированной немцами территории никакого саботажа не было. Французы стыдливо прикрывали свой коллаборационизм.

Я хочу сказать, что проблема переработки прошлого страшна и деликатна. Всегда, когда мы сравниваем СССР с Германией, надо помнить — немцы потерпели поражение в войне и были оккупированы. Советский Союз не потерпел поражение в войне и не был никем оккупирован. Советский Союз сам распался и народы Советского Союза сами сбросили с себя коммунистическую стену. Это принципиально иная ситуация.

Теперь о том, почему я говорю, что мы живем в советской системе? У меня есть статья, которая называется «Советская посткоммунистическая Россия». Мы живем в посткоммунистической России. Оказалось, что коммунизм, коммунистическая идеология иллюзорна, ненадежна и всегда кончается везде одним и тем же. Это сформулировал русский поэт Бродский:

Пролетарии всех стран
Маршируют в ресторан.

Все кончается примерно этим. Ни один политический эксперимент не удался. Сейчас мне скажут: а в Китае можно проводить... Я не китаец, но думаю, что и там все закончится примерно тем же. Что я имею в виду, когда говорю: советское существует и сейчас?! Что такое советское для меня? Это прежде всего вопрос: каковы были главные цели у коммунистической или социалистической революции? Я их кратко перечислю: отказ от религии (предполагалось, что к 1936 году будут ликвидированы все религии и церкви), собственности, права, семьи, государства в любом смысле этого слова. СССР — это название несуществующей страны, это не слово Россия или что-либо подобное. Первая советская Конституция 1924 года впервые в истории человечества закрепила государство, не имеющее границ. Потому что там прямо сказано: любая республика в Африке или где-то еще готова войти в состав Советского Союза. Связанность государства территориальными границами — основа любого национального государства. Значит, отмирание государства связывалось с некой неслыханной и невиданной в истории человечества цивилизация. Причем, для меня главное в этом советском — безрелигиозность.

Что же значит не религиозное и не христианское государство? Отказ от идеи первородного греха. Может это вам покажется странным или диковинным. Мы — обществоведы, а не теологи. Но это отказ от того, что зло коренится во мне тоже. Это то, что лучше всего сформулировал философ Сартр: «Ад — это другие». Виноваты они — буржуи, жидомасоны, Антанта, вредители — не важно. Такова построенная на этом цивилизация. Это цивилизация, построенная на насилии — чуть ли не единственном решении всех вопросов. А также цивилизация, построенная на упрощении. Плеханов не зря назвал Ленина гением упрощенчества. Что такое минимализм? Это упрощение ситуации до предела. Весь мир поделен на красных пролетариев и белых буржуев, поскольку пролетарии — это носители прогрессивной истины. Я окарикатуриваю, конечно. Но!..

На мой взгляд, советское пережило два принципиально различных этапа развития. Первый советский режим я называю «Коммунистический режим-1 (один)». КР-1 — здесь своеобразная аллюзия. Что это такое? Это ленинско-сталинский режим всеобщей переделки. Когда все вещи, о которых я говорю, были вброшены прямо в общество вброшены. Виктор Павлович упоминал работы Александра Эткинда. В одной из них Эткинд приводит потрясающую вещь, хотя я нигде не могу найти подтверждение этого. У большевиков был опыт создания не только Института Крови для выведения нового состава крови (опыты Богданова). Они действительно положили Ленина в Мавзолей потому, что хотели его потом оживить. Надежда Константиновна приходила в Мавзолей и говорила: «Я в старуху превратилась, а ты все такой же молодой. Когда мы встретимся, ты не узнаешь меня». Это не слухи, это известные вещи. Они хотели оживить Ленина, для этого положили его в Мавзолей. И даже велись работы где-то на Юге, в обезьяньем питомнике...

И.В. Кукулин: Сухуми!

Ю.С. Пивоваров: ...в Сухуми пытались скрестить человека с обезьяной...

В.П. Макаренко: Это у Шишкина прекрасно описано...

Ю.С. Пивоваров: И Эткинд об этом тоже пишет. Курировал все эти проекты Троцкий. Самым важным до атомного проекта был проект переделки природы человека. Хотели город и деревню соединить, мужчин и женщин. Это был режим — полный передел. Мой тезис таков: КР-1 погиб, не выдержал ударов нацистов, в 1941-42-ом гг. То были годы фактического разгрома Красной армии. Сегодня нашли документы, что в ночь с 30 ноября на 1 декабря 1941 года немцы выбросили десант в Нескучном саду в Москве, это 4 км по прямой до Кремля и на Воробьевых горах — 7 км. Задача была войти в Кремль, арестовать Сталина и на этом кончить войну. Пошел полк НКВД с Лубянки и разгромил немецкий десант. Ситуация была на волоске. Все могло кончиться тогда, потому что Сталин мог находиться в этот момент в Кремле и все могло закончиться на этом. Я считаю, что ленинско-сталинский режим не выдержал испытаний войны.

Но в его недрах располагался другой режим, который я называю «Коммунистическим режимом-2» (КР-2). Для меня Великая Отечественная война является не только подвигом русского народа, который уничтожил нацизм и спас Родину. То была эмансипационная, самоэмансипационная война для русского народа от тотального режима переделки всего и вся. Благодаря войне возродилось какое-то самосознание. Оно укреплялось в течение восьми послевоенных лет. После смерти Сталина окончательно стало ясно, что режим изменился. Здесь говорили, что в России не было Нюрнберга. Да, но зато в России был XX съезд. Я думаю, что это одно из самых замечательных событий в русской истории за ее тысячелетие. Причем, в моих устах эта похвала звучит странно, поскольку я никогда не был связан с КПСС. Но для меня здесь нет противоречия.

XX съезд не стал русским Нюрнбергом. Можно сказать: «Как можно сравнивать?!» А все же можно. Дело в том, что Нюрнберг провели союзники. Никакие немцы никогда бы не провели никакого Нюрнберга. В Германии после Нюрнберга начался ряд процессов, когда судили МИДовцев, людей из министерства промышленности, врачей и т.д. Немецкие адвокаты очень жестко защищали, немецкое общество защищалось. Здесь неважно, по какой причине руководство КПСС решило действительно заняться покаянием. Почитайте выступление Хрущева — это покаяние, насколько это было возможным. Открытие лагерей — это отказ от массового террора как основной меры политики, экономики и т.д. И это также заявление о том, что мировая война закончилась. Они по существу закончили горячую войну. Война стала холодной, все менее и менее опасной. Я должен сказать, что с научной точки зрения затею XX съезда очень точно определил известный американский исследователь Мартин Малия...

В.П. Макаренко: Абхазского происхождения...

Ю.С. Пивоваров: Он говорит, что десталинизация означала защиту партии от произвола любого первого секретаря. Когда Хрущева сместили, номенклатура как коллективная единица превратилась в нового высшего руководителя системой. Была уничтожена сердцевина сталинской системы — Сталин. Начался новый период — период номенклатурного господства, но и не только. Что такое 1950-60-е годы? Это не только господство номенклатуры и отказ от массового террора как основного способа управления обществом, это также зачатки и попытка воссоздания российского гражданского общества. Это подъем русского искусства, кино, театра, поэзии, литературы; подъем диссидентского и правозащитного движения и многие другие элементы, которые можно описывать.

А что такое номенклатура? Это то, что создал Сталин в 1920-м году, когда провел реформу управления страной, и были созданы так называемые учетно-распределительные отделы. После этого родилась система номенклатуры. В чем же ее суть? В том, что впервые в истории человечества появился класс управляющих, который не обладал собственностью. Класс, который не опирался на собственность. Номенклатура была пролетарием, в этом смысле победил пролетариат. Как вы понимаете, такая ситуация долго продолжаться не могла. Дело в том, что коммунистическая идеология не поняла двух важных вещей. Первое: в обществе должна быть правильно организованная система трансляция власти. От одного человека власть переходит к другому. У коммунистов не было никакого закона о трансляции власти, поэтому смерть каждого генсека была маленькой гражданской войной.

Второе — тема трансляции собственности. Собственность должна передаваться от одного к другому. Как? Большевики сказали, пусть собственности вообще не будет, она общенародная. То есть, этой темы вообще нету. Знаете, был такой Каданников, который создал автомобиль ВАЗ и был зампред Совмина. Он в своих воспоминаниях пишет, что когда он работал на FIATe, он подумал: «Я создам такой же завод fiat у себя. Они вот свой завод передадут внукам, детям; а мой сын не будет этим владеть. Я подумал, это неправильно». То же самое пишет Черномырдин. В России на рубеже 1980-90-х годов прошла номенклатурная революция. Номенклатура, отбросив мешавшую ей коммунистическую систему, по существу пришла к власти окончательно, овладела собственностью и разделила ее. Но в период 1990-х го-

дов, когда вторгались Березовские, Абрамовичи, их поставили на место. И по существу советская система сохраняет все эти качества и сегодня.

Например, не случайно нынешние властители говорят, что главное историческое событие — это война. Они не скрывают этого. Они безразличны к революции, коллективизации. Хотя Молотов говорил, что для нас победа в коллективизации была важнее, чем победа в войне. Сегодняшний режим не случайно видит свои корни в Великой отечественной войне, именно тогда сформировался, по моей терминологии, КР2. Но это не тот режим, который Ханна Арендт и вслед за ней сравнивали с нацистским режимом. В этом и заключается проблема. Если нацистский режим был таким и мы его описали, то мы его знаем; а советский, не погибнув в войне, превратился в иной. По существу, мы являемся наследниками этого иного режима. Который, безусловно, советский.

И еще один момент. Дело в том, что в рамках советской системы произошло превращение России из сельской страны в страну городскую. Россия стала поголовно грамотной урбанистической цивилизацией. Россия вступила в *modernity*, современность. Человек переходит в города. На днях в Центре Россияведения ИНИОН выступал известный режиссер Кончаловский. И он мне сказал: «Да какие это города? Плохие это города». Но не в этом дело. Плохие в том смысле, что не очень уютные. Дело не в этом. Человек уже живет в новом социальном времени, живет как современный человек, а не как человек традиционного общества. В этом смысле проработка советского прошлого для меня является проблемой.

Я убежден в том, что современный русский человек, рожденный советской системой, и в целом советская система означают нечто совсем другое, чем нацизм для немцев. Гитлеризм продержался всего двенадцать лет, и мы не знаем, что с ним делать. А здесь семьдесят четыре года — и нет никакого поражения. При Гитлере не была отменена частная собственность. Частная собственность была. Наоборот, если ты был членом нацистской партии, ты фактически, когда началась война, не мог быть руководителем. Численность Гестапо по отношению к численности НКВД была в сотню раз меньше. На деле в нацистской Германии было больше свободы, чем у нас. В 1943 год один из немецких профессоров получил премию Прусской академии наук (это типа нашей академии наук СССР) за опровержение основ арийской физики. Мог ли в 1948 году какой-нибудь Вавилов, которого к этому времени убили, получить золотую медаль Академии наук СССР за то, что он опроверг основы советской науки? Тот же Ясперс, о котором сегодня говорили, потеряв кафедру, у себя дома устроил семинар. Мог ли Бердяев или Флоренский устроить такой семинар в СССР? Понятно, этого не могло быть. Было нечто схожее — террор, господство партии и прочее.

В этом смысле я считаю, что мы продолжаем жить в советском. Это не прошлое. Я не оправдываю и не радуюсь. Я хочу сказать, что это не прошлое, а настоящее. То, что происходит сегодня, это реализация очень многого, что накопилось в 1950-е, 60-е, 70-е и продолжается до сих пор. К сожалению — для людей либерального толка. В том виде, о котором говорил предыдущий оратор, для переработки или проработки прошлого я сейчас просто не вижу ни возможности, ни оснований. Дело в том, что советское — это создание современной урбанистической России. Другой, к сожалению, нету. И нам не к чему апеллировать. Вот в чем проблема. Я совершенно в этом смысле не пораженец. Нужно поднять руки и катиться по рельсам, на которых сейчас находится Россия. Как ученые, мы должны иметь это в виду. У нас все-таки особый случай. Нацизм не был процессом осовременивания человека; советский коммунизм стал им. Конец 1960-начало 70-х годов вообще в истории России были самым благоприятным временем. Происходит рост экономики, рост науки, постепенная эмансипация общества. Мы не должны недооценивать эффект потенциала гражданского общества. В этом смысле я с трудом представляю, как мы все вслед за немцами этим займемся. Я не представляю, что и немцы бы этим занялись, если бы их не поставили в эти условия, а потом не интегрировали в Европу. Вопрос заключается в том, что нас никто никуда не хочет интегрировать. Мы по-прежнему одиноки. Без союзников на Востоке и на Западе. В России от-

вратительная антизападническая риторика. Но я вам должен сказать, что есть и высокомерие Европы по отношению России и неуважения Запада к национальным интересам России. Тем не менее нас никто никуда не берет и в ближайшее время не возьмет.

А что касается единого учебника, то это учебник для 12-летних детей. Если мы им будем давать концепции, они сойдут с ума и ничего не поймут. Студенты, может быть, школьники 16-17 лет уже поймут, но сейчас речь не об этом. Я не сторонник инициатив В.В. Путина, вообще не его дело лезть в преподавание, президент должен заниматься другим делом. Но такова русская традиция. С другой стороны, я не могу себе представить огромную страну, где будут абсолютно разные учебники. Тогда на чем будет базироваться консенсуальность общества? Я не сторонник единого учебника, но и то, что все будет отдано на откуп властям, регионам — Уфе, Москве, Ростову... Тогда не будет общероссийской идентичности (*Овации*).

Н.С. Авдулов: Илья Владимирович, наш президент говорил, что хватит навязывать вину нашему народу за прошлое. Один деятель первой половины XX века одного государства, как помнится, говорил: «Я освобождаю вас от химеры по имени совесть». Эти утверждения идут в одной плоскости и по одной линии...

И.В. Кукулин: Мне кажется, нужно развести и сопоставить то и другое. Сходство состоит в том, что один человек является главой страны и берет на себя полномочия выносить нравственные суждения от имени всей страны, которой он руководит. В дальнейшем начинаются отличия. Потому что освобождение от химеры, называемой совестью — это индульгенция на будущие преступления. Как писал Высоцкий в песне от лица нацистского солдата:

Не надо думать — с нами тот,
Кто все за нас решит.

Что касается нынешних высказываний по поводу чувства вины — тут ситуация иная. Впрочем, сейчас и оппозиционные деятели (например, журналист Олег Кашин или Герман Садулаев) говорят, что не надо копаться в прошлом потому, что сейчас гораздо важнее решить, как идут дела в настоящем. Один из аспектов этой проблемы осветил Юрий Сергеевич. Настоящее — это и есть наше прошлое, в котором мы должны разбираться. Они неотделимы друг от друга.

Вторая проблема заключается в том, что мне кажется очень важным то последнее, что сказал Юрий Сергеевич. Я думаю, не в школе и не посредством школьных учебников определяется идентичность. Хотя этим словом я стараюсь не пользоваться при анализе отношения общества к прошлому. За учебниками и даже за некоторыми политическими решениями стоит общественный консенсус или отсутствие одного по отношению к истории. В России сейчас консенсуса нет. Его отсутствие не может быть компенсировано учебником и даже множеством учебников. Оно все равно остается отсутствием консенсуса. Необходима общественная работа.

Я позволю себе одну реплику по поводу того, что сказал Юрий Сергеевич. Мне представляется, что эта работа необходима не для того, чтобы нас приняли в Европу или не приняли в Европу. Она необходима в первую очередь России, независимо от того, есть ли у нее союзники или нет.

Ф.Г. Камкия: Хочу выразить благодарность участникам, организаторам конференции, особенно докладчикам. И у меня вопрос скорее ко всем. Возможен ли консенсус относительно истории, если общество не определилось в консенсусе относительно образа будущего? Мне кажется, эти вещи должны быть связаны.

И.В. Кукулин: Я полагаю, что ситуация устроена наоборот. Общество не определится относительно образа будущего, пока не разберется с прошлым, если (как сказал Юрий Сергеевич) оно настоящее. Мне кажется, одна из важнейших общественных проблем современно-

сти такова: под воздействием политических элит происходит чрезвычайное сворачивание горизонта планирования. То есть представления о будущем, как это сказать...

В.П. Макаренко: Я это называю отсутствие перспективного мышления.

И.В. Кукулин: Я бы сказал — минимизация представлений о том, что может быть в будущем. Минимизация любого планирования. Переход от стратегических решений к сугубо тактическим. Отказ от обращения к памяти как к коммуникативному процессу, от разноречивости взгляда на прошлое. Только после того, как будет налажена демократическая дискуссия, станет возможным планирование будущего, потому что планирование будущего не есть дело единое. В обществе всегда существует рынок проектов будущего. Эти занимаются партии, футурологи и фантасты. Люди должны выбирать. И эти проекты будущего применяются и на выборах и в характере движений. Такова проблема всего современного мира. Но в России она усилена благодаря разного рода неблагоприятным политическим условиям.

Ю.С. Пивоваров: Я тоже отвечаю на этот вопрос. Хочу продолжить то, о чем говорил Илья. Вот вы говорите о будущем. Сегодня вся борьба вокруг исторического материала и все споры о Сталине — это только разговор о будущем. Споры идут не о Сталине. Сталин — это некий псевдоним определенных поступков побед, поражений, но не более того. Речь идет о том, какое у нас будет национальное будущее. Был такой англо-американский поэт, он получил Нобелевскую премию, который сказал: «Не только настоящее является под воздействием прошлого, но и прошлое находится под воздействием настоящего». И это вовсе не кокетливая фраза. Дело в том, какое прошлое себе Россия выберет. Что она скажет по поводу сталинских репрессий, что она скажет по поводу 1930-40-х годов. Я не говорю, хорошо это или плохо. Важно, что именно скажет. Здесь есть два опасных момента: 1. Закрывать на все глаза и сказать: я не виноват; так было; я тогда не жил. 2. Но есть и вторая опасность. Есть довольно известный поэт Юрий Кублановский. У него был более известный друг Иосиф Бродский. Однажды Кублановский написал Бродскому стихотворение, там есть такая фраза:

Друг, я спрошу тебя самое главное
Друг, я спрошу тебя самое главное:
Ежели прежнее все — неисправное,
Что же нас ждет впереди?
Скажешь, мол, дело известное, ясное.
Красное — это из красного в красное
В стынущей честно груди.

Вот есть такая опасность, которую поэтически передал Кублановский. Если мы скажем, что все советское неисправное, — это конец всему. Вот такое и будет будущее, если наша история все время догоняющая, опаздывающая, неправильная. Если же мы прочтем русскую историю по-другому, другими глазами, прочтем ее как историю нормативную... Было или не было Возрождения — не в этом даже дело, можно спорить, но это наша история, наша тысячелетняя история и другой быть не может. Я не вижу другого подхода. Бросание из крайности в крайность ни к чему не ведет. Нельзя все ставить на точку постоянного самобичевания. Здесь нужно быть в высшей степени осторожным. Как говорил ваш ректор, все мы здесь с вами преподаватели и в преподавательском процессе, конечно, должна быть золотая середина. Иначе, — а что получится тогда иначе, я не представляю.

В.П. Макаренко: У меня есть вопрос. Моя жена Тата, когда я ей зачитываю отрывки исторических книг, убегает от меня как черт от ладана. Как я могу относиться к нашей истории иначе, — например, к той истории России, которая написана князем Петром Долгоруковым?

Ю.С. Пивоваров: Зависит от того, как смотреть на историю — через «Двенадцать стульев» или тексты Салтыкова-Щедрина. Да, конечно, метко, хлестко сказано, но это далеко не вся правда. К тому же это очень однобоко.

И.В. Кукулин: Я бы хотел несколько возразить, мне кажется, что это разговор об очень важных вещах, поэтому я позволю себе вклиниться. По поводу того, что прошлое все неисправно. Вот был мальчик, поэт Леонид Киселев, погиб совсем молодым. В десятом классе поместил в «Новом мире» подборку, где были строки:

За долгую историю России
ни одного хорошего царя.

Ему отвечал кто-то из академиков наших исторических, что все не так плохо. А вот то, что прошлое все неисправное, возникает от ощущения того, что самое главное из всей истории России и вообще всего, что происходит в истории — это решения начальства. Может, сейчас я спровоцирую дискуссию, значит, у меня такая судьба. Я полагаю, что с начальством в России действительно не повезло. По какой причине? Сейчас это обсуждать не буду. Этот предмет разговора интересный, но, к сожалению, не для нас. Я полагаю, что в истории России было много хорошего, связанного не с политическими решениями и не с политическими репрессиями. Полезно провести инвентаризацию того, что у нас есть. Я повторяю еще раз, что работа Ключевского, опыт Древней Руси, хотя и давний, был началом такой инвентаризации. В России всегда была много хорошего, связанного с культурой, наукой. Иногда это процветало, иногда подвергалось таким репрессиям, которые описаны в известной повести Лескова «Левша». Я думаю, что истории талантов, которые оказались частично загублены, а частично расцвели, еще не собраны и не изучены.

В.Ю. Попов: Вопрос к Юрию Сергеевичу Пивоварову. Советский период — это осовременивание России и русского человека, но можно ли считать его отчасти демодернизацией? Возьмем идею колхозов. Она восходит к идее больших агропромышленных комплексов, которая возникла в США в конце XIX — начале XX века. Ваш тезис каким-то интересным образом входит в конфликт с трендом, который можно назвать ликвидацией современности в России. Это совокупность идей архаизации, традиционализма, сохранения традиций. И надо еще разобраться, что именно понимается под традициями. Я ощущаю перспективу конфликта сторонников идеи ликвидации, а в их лагере часто есть люди, которые оценивают позитивно именно советское прошлое. Вот этот конфликт идей советского как осовременивания и идеи советского как традиционного. Об этой перспективе вы могли бы что-либо сказать?

Ю.С. Пивоваров: Я понимаю, что вопрос принципиальный. Но так случилось в русской истории, что именно через страшный сталинский режим и гораздо менее страшный и даже приемлемый хрущевский, брежневский периоды произошло рождение русской modernity, русской современности. Это значит, что произошла варварская модернизация. Осовременивание действительно произошло в отрыве от высокой культуры. Мы собственную культуру практически полностью уничтожили, убили, выслали, запретили. Оно произошло вне религиозных рамок. Я могу вам сказать, когда спрашиваешь западных профессоров, которые преподают: в чем отличие между студентом из бывшей ГДР и бывшей ФРГ? Ум и талант примерно одинаков. Но студентов из бывшей ГДР называют «Те варвары с востока». А почему? Мы 40 лет жили в нерелигиозной ситуации. Речь не идет о том, что верующие практикующие католики или протестанты не жили в контексте христианском.

И современный русский человек тоже каким-то образом складывался. Конечно, его мировоззрение чудовищное, это обрывки каких-то устаревших представлений, и в этом смысле это демодернизация. Я говорю об ином, о вещах более массового типа. Массовое поголовно грамотное урбанистическое общество — таков результат советской системы. С всеобщими социальными и медицинскими гарантиями, пусть низкого качества. Недооценивать

это нельзя. Недооценивать не в том смысле, что как здорово это было, что мы должны все это учитывать. Сейчас, напротив, это разрушается, идут какие-то другие процессы. Конечно, все гораздо сложнее, чем предложенная мной схема, ведь невозможно все это представить.

В этом-то и вся трагедия для нас сегодняшних: назад в прошлое мы не пойдем, но это прошлое является нашим настоящим. Нацизм кончился в Германии, а советское никуда не ушло, оно осталось здесь. Не случайно у власти стоит когорта офицеров госбезопасности, я прекрасно понимаю психологию этих людей. Потому что сам из этого поколения. У меня судьба почти путинская. Мне тоже после окончания учебного заведения предлагали работать в разведке в Германии. Я мог уехать в Германию в Потсдам. Но я отказался и пошел в аспирантуру, понимая ментальность этих людей. И на самом деле: они действительно не знают, что делать. Все может развалиться, ко всему прочему.

Еще один момент, о чем говорит Илья: Европа — не Европа. Германия оказалась в системе европейских и евроатлантических связей, и восстановление шло менее болезненно. Это как если болеть в больнице или болеть в степи. Проблема заключается в чем? Мы одиноки. Мы геополитически оказались заложниками в этой мировой ситуации. Сегодня весь водный ресурс Сибири работает на развитие экономики Китая. У нас нет промышленности, мы уже стали экономическим придатком Китая. Вот где проблема возникает. Запад совершенно не хочет учитывать наши интересы. По всем мелочам нас кусают. Например, тема получения виз. Сейчас не только американцы, но и немцы говорят то же самое. Это все такие мелкие придирки. Главное в том, что в нас не видят партнеров. Не видят людей, с которыми можно разговаривать. Но нам никуда не деться от советского периода. Вот как современная Франция — это детище эпохи Наполеона III: дома были построены тогда, основные законы были приняты тогда. Мы — детище советской России, нам из этого не вырваться в ближайшее десятилетие. Я бы хотел, но не вырваться.

В.Ю. Попов: Вы сказали очень важную фразу: «Я отказался...» Вот если бы вы сказали, почему вы отказались, это был бы узловой момент для всей конференции (*Зал разразился смехом, даже нервным сдавленным хохотом*).

Ю.С. Пивоваров: Могу рассказать. Я родился в 1950-м году в Москве. И к нам после 1956 года стали приходить люди, не родственники, а так — переспать и поехать дальше. Я уже в 8 лет все понял. Абсолютно! Я знал, что никогда не стану членом КПСС. Мы в молодые годы, в МГИМО, где я учился, создали подпольный антисоветский кружок, в который входил нынешний министр иностранных дел Сергей Лавров. Мы хотели заниматься антисоветской деятельностью. Меня арестовывал постоянно КГБ с 1971 по 1988 год. Могу сказать, что я был законченный антисоветчик.

И.В. Кукулин: Есть несколько уровней в дискуссии, которая сейчас завязывается. Я хотел бы прокомментировать: для меня самое важное в этой истории — реакция общества. Потому что безобразные истории происходили всегда. Я решал для себя вопрос: как студентам отвечать? Студенты говорят: Генрих VIII и английская Мария Шотландка, она же кровавая Мэри, погубили кучу народу. А в России Иван Грозный. Почему история отличается, почему в Англии одна, а в России другая? Потому что в Англии это вызвало серьезную политическую реакцию. В России она была подавлена жестокими мерами. Я хотел бы также дезавуировать одно из своих резких высказываний. В России не то, чтобы не повезло с начальством, а для меня чрезвычайно важно отказаться от взгляда на историю, по которому в центре стоит политика и политические решения. Они являются только частью.

Ю.С. Пивоваров: Конечно!

И.В. Кукулин: И еще одна важная вещь, которую я хотел сказать: о модернизации. В отличие от Юрия Сергеевича я полагаю, что в истории России было несколько моделей модернизации. Мы пожинаем плоды большевистской модернизации, но она была не единственной. Есть странная статистика. Надо посмотреть процент неграмотных, но не только при советской власти, но и в конце XIX — начале XX века...

В.П. Макаренко: Это делал Борис Николаевич Миронов в двухтомнике по социальной истории...

И.В. Кукулин: Да-да! Количество неграмотных быстро сокращалось. После революции оно резко выросло. Большевики ликвидировали ту неграмотность, которая была порождена гражданской войной, которую они сами и развязали. И была другая модернизация, чем та, которая происходила до революции. У нас было минимум две модели модернизации, но я полагаю, что неявным образом их было больше. Произвести учет этих моделей модернизации — такова наша задача как историков.

А.В. Лубский: А как вы относитесь к идее о том, что России не повезло с народом?

И.В. Кукулин: На самом деле я не знаю (*Смех и гудение междусобойных разговоров*).

Б.А. Камкия: Меня, как и всех, касается стабильность. Конечно, роль истории в этом громадная. Как бы не впасть в какую-то крайность. Не так давно я общался с англичанином. В разговоре был такой эпизод. Он меня удивил тем, что не сказал, а ведь наша страна пережила еще более страшные трагедии, страшную историю. Возможно, мы сегодня смотрим на свою историю сквозь призму европоцентризма?

Ю.С. Пивоваров: Я думаю, этот англичанин ничего не понял и ничего не понимает. Не то, что англичанин или француз, он конкретно не понимает. То, что произошло с Россией в XX столетии, — величайшая трагедия. Меня уже много раз ругали в разных местах, но это не мои слова, это слова Солженицына, которые он очень точно сказал: «Россия проиграла XX век». Как не крутись, мы, русские, должны признать, что мы проиграли XX век. Сторонники коммунистической идеи вынуждены это признать, сторонники белой идеи, федералы, почвенники, безусловно, все. Но мне хочется ответить на вопрос, что России с народом не повезло...

А.В. Лубский: Это шутка!

Ю.С. Пивоваров: Нет, это не шутка.

А.Н. Ерыгин: Достоевский что сказал?

Ю.С. Пивоваров: По поводу — повезло России с народом или нет. Был такой человек Струве. Мне кажется, он уже упоминался сегодня. Незадолго до своей смерти году в 1939–40-м, в письме госпоже Кусковой. Помните, такая была дама? Он ей написал: У нас привычно ругают кого? у нас можно ругать, кого угодно — церковь, царя, бюрократию, интеллигенцию, офицерство, кого угодно. А так называемое простонародье ругать нельзя. Руки оторвут. Вот, как народ решит. Захотел украсть у барина, не знаю, курицу, сжечь дом — сожжёт. А не захочет — не будет. Сегодня красные — хорошо...Завтра белые? Тоже прекрасно. Почему же у нас тогда никто об этом не скажет? Струве был большой патриот. Не важно, что он этнический немец. Он большой русский патриот. Народ священный...церковь, царя, интеллигенцию — все ругать можно, а народ нельзя. Это серьезная проблема.

А.В. Лубский. *Этическое и идеологическое в интерпретации советского прошлого*

К советской истории применимо модное ныне противопоставление истории как «science» и истории как «art», строгой науки и нарративной логики историописания. История как строгая наука предполагает, что в рассудочном историческом знании не должно быть ничего того, что не относится к предмету познания; в нарратологии, наоборот, историческое знание рассматривается как проекция экзистенциальной интенции и воображения самого историка.

В настоящее время в исторической эпистемологии сформировалось такое направление, как радикальный конструктивизм. Его представители считают, что мир прошлого вне различных социокультурных практик не играет никакой роли в производстве исторических знаний, и поэтому историческое прошлое сводится ими к множеству случаев установления социокультурных конвенций относительно тех или иных исторических событий и ситуаций. Исторические знания, полученные в соответствии с определенными социально санкционирован-

ными понятийными схемами, проходят социокультурный селективный отбор, который осуществляют различные социальные группы, прежде всего группы давления на производителей исторического знания.

В рамках радикального конструктивизма история, лишенная статуса строгой науки, сводится к нарративной логике историописания. В исторической эпистемологии нарратив как особая форма и способ презентации исторической реальности оказался предметом особого внимания, благодаря лингвистическому повороту в историческом познании. Этот поворот актуализировал различия между научным историческим исследованием как производством исторических фактов и историописанием как рассказом, в котором воображение историка на основе конфигуративного замысла упорядочивает исторические факты и наполняет их значением и смыслом, исходя из культурно-символического контекста. В этом плане исторический нарратив, содержащий правдоподобные высказывания фактического характера, является продуктом культуры и языка познающего субъекта, которому заранее известен финал исторического повествования, стягивающий все сюжетные векторы его рассказа в общий фокус. Поэтому исторический нарратив является не столько описанием исторической реальности, претендующим на адекватность, сколько «инструкцией» по определению и пониманию прошлого.

Непосредственно с радикальным конструктивизмом в исторической эпистемологии связано такое течение в нарратологии, как нарративный идеализм. В рамках этого течения исторический нарратив, в отличие от описания и объяснения прошлого, рассматривается, с одной стороны, как его интерпретация, т.е. нахождение единства в разнообразии, с другой — как презентация в виде гештальта, автономного по отношению к исторической действительности. Исторический нарратив как интерпретация и презентация, обращаясь к прошлому, не корреспондирует с ним, а обозначает его с помощью языка познающего субъекта как средства интерпретации исторической реальности, и добавляет к картине прошлого все то, в чем нуждается историк для его осмысления и представления.

В нарративном идеализме прошлое — это не текст, который переводится историком в нарратив, а повод для создания исторического нарратива как метафорического заявления, служащего связующим звеном между прошлым, которое в нем описано, и структурами, конвенционально используемыми в культуре, для того чтобы наделять значениями и смыслами незнакомые события и ситуации. Поэтому исторический нарратив относится не к прошлому, а к историческому дискурсу по поводу конкурирующих исторических интерпретаций. В рамках нарративного идеализма различные интерпретации истории согласуются не через соотнесение их с фактами, а с аргументами текстов нарративов, и поэтому допускается, что исторический нарратив обладает своего рода правом насилия над исторической реальностью. В этом смысле исторический нарратив как конструктор исторической реальности — это образ возможного прошлого и его концептуальное предпочтение.

В условиях нарративизации советской истории особое влияние на конструирование ее образов в настоящее время оказывают различные риторические и идеологические стратегии, используемые авторами для усиления «эффекта объяснения». При этом можно выделить четыре риторических стратегии объяснения советского прошлого посредством построения сюжета: героизация, драматизация, трагизация и демонизация; посредством идеологического подтекста — три стратегии: консерватизм, национализм и либерализм. Риторические и идеологические стратегии способны возбуждать массовое историческое сознание значительно сильнее, чем академические исторические изыскания, придавая ему конфронтационный характер.

Кроме того, образы возможного прошлого и их концептуальные предпочтения складываются как проекции различных исторических дискурсов: метафорического, метонимического, синекдохического, иронического. Метафорический дискурс представляет текст как мифологическую структуру. В метонимическом — текст понимается как отражение реальной дей-

ствительности. Синекдохический дискурс рассматривает текст как фрагмент более общей системы, а иронический — как возможность стилизации и пародии другого текста.

В связи с этим исторические знания о советском прошлом могут быть всегда «размонтированы» и преобразованы в другие интерпретации. При этом существенное влияние на производство знаний и отбор «истинных описаний» оказывают насилие, власть, деньги, авторитет, репутация ученых, их способность пойти на сделку с властью и собственной совестью, множество существующих конвенций, убеждение, уговоры, внушение, риторика. Этим обусловлена актуальность понимания этических и идеологических акцентов в интерпретации советского прошлого.

В последнее время история как как «art» и нарративная логика историописания становится, с одной стороны, «опиумом для народа», с другой — «идеологией, обращенной в прошлое». Это касается и современной России, в которой интеллектуалы, не договорившись о будущем страны, продолжают бескомпромиссно спорить о ее прошлом. При этом они стремятся не только спорить, но и приватизировать историю России, создавая различные ее «коллективные образы» прошлого, поскольку, как говорил Дж. Оруэлл, кто распоряжается прошлым, тот распоряжается будущим. Любой «коллективный образ» прошлого — это паттерн условный и абстрактный. Но эта абстракция воплощается во вполне конкретных вещах: в публичных политических и нравственных оценках исторических событий, государственной политике, межнациональных отношениях.

В советское время история СССР рассматривалась с научной точки зрения как формационный прорыв к вершинам социального прогресса, с нарративной — как героическая эпоха. Для самосознания большинства граждан постсоветской России история Советского Союза неотделима от ее собственной истории, правда, без особых претензий на то, что СССР был «вершиной» прогрессивного развития человечества и эпохой героических свершений. Российское государство объявило себя правопреемником СССР, и отчасти поэтому оно оказалась удобным объектом для ряда соседних стран, на который можно возложить историческую ответственность за все свои исторические и современные «беды». Для этого достаточно отождествить сегодняшнюю Россию со сталинским СССР и указать на нее как на источник своих национальных трагедий.

Россия, со своей стороны, нашла особый способ облегчения ноши, возложенной на нее историей. Вместо попыток научного осмысления истории XX в. происходит ее нарративизация, в рамках которой наблюдаются две крайности: с одной стороны, возрождается, с небольшими изменениями, советский державно-патриотический миф об отечественной истории как череде славных героических свершений, а с другой — происходит либеральная демонизация советской истории.

В связи с этим возникает проблема этического и идеологического в интерпретации советского прошлого. При этом можно выделить две сферы взаимодействия истории и этики: первая связана с использованием результатов деятельности историков (исторических знаний) прежде всего в политике и повседневной жизни; вторая — с производством исторических знаний и поведением историков в академическом сообществе.

Рассматривая проблему этического и неэтического в той сфере, которая связана с использованием исторических знаний следует отметить, что этические императивы существуют не сами по себе, они дают о себе знать, когда встречаются два или более субъектов. Уже то, что этические императивы актуализируется только в «местах встречи» субъектов, делает их относительными, ибо то, что безнравственно для одних, очень даже нравственно для других

Отечественные историки, утратив топику «советского марксизма», сохранил и прагматику, и стилистику его интеллектуальной работы. В свое время В.И. Ленин считал, что «нравственно все, что служит построению коммунизма, делу революции». Надо полагать, что «все» включает и научную деятельность историков. Поэтому сегодня, например, для некото-

рых историков нравственно «все», что способствует этнической мобилизации (национализму), великодержавному патриотизму (консерватизму) или выходу России на цивилизационный путь развития (либерализму).

Кроме того, следует подчеркнуть, что сами по себе научные исторические знания не бывают нравственными или безнравственными. Они становятся таковыми (в русле конкретных этических ориентаций), когда их начинают использовать в определенных целях. Так, боевой темой современной российской историографии является сталинский режим в СССР. Одни (с позиций радикальных либеральных ориентаций) считают, что неэтично историкам писать о Сталине в «хороших» тонах, имея в виду аморальность сталинского режима. Другие (с позиций прагматически консервативного этатизма), наоборот, считают неэтичным писать о Сталине в плохих тонах, имея в виду превращение СССР в мощную индустриальную державу.

Сейчас на Западе этическим императивом и признаком хорошего тона является говорить об идентичности тоталитарных режимов в Германии и СССР. При этом западные интеллектуалы и политики исходят из либерального понимания тоталитаризма и его универсальных признаков, сформулированных еще в 50-х гг. прошлого века. При этом они не обращают внимания на разную природу тоталитаризма в СССР и Германии, на то, что в нашей стране был — используя модное выражение — «суверенный» тоталитаризм. Не берется в расчет и историческая судьба тоталитаризма в СССР и Германии: Германия проиграла войну, и искоренение тоталитарного наследия в ней носило не столько органический характер, сколько было навязано победителями. Этим во многом объясняется менее негативное, например, отношение к Гитлеру в Австрии или Восточных землях Германии, а также позитивное отношение значительной части современного российского общества к Сталину, хотя большинство россиян не хотело бы жить в сталинскую эпоху. В таких ситуациях этично, неэтично — это проблема индивидуального выбора и прагматических оценок сталинского режима.

Неэтичность в другом: неэтично игнорировать «чужую» историческую память, делая вид, что ее не существует вовсе, огульно объявляя ложными те факты и толкования, которые за ней стоят. Не этично превращать страдания и несчастья собственного народа в род нравственного преимущества перед другими народами, якобы (или в действительности) не так сильно пострадавшими, использовать эти страдания как политический капитал, конвертировать их в списки претензий к соседним странам и народам.

Рассматривая проблему этического и неэтического в той сфере, которая связана с производством исторических знаний и поведением историков в академическом сообществе, отметим, что неэтичным выглядит в историческом познании методологический сепаратизм. Этот сепаратизм сопровождается, с одной стороны, гносеологическим ригоризмом, т.е. решительным неприятием представителями той или иной парадигмы других возможных способов познавательной деятельности, а с другой — признанием в качестве универсального только своего способа изучения исторической реальности.

В результате историческая наука начинает походить на коммунальную квартиру, а научное сообщество — на «интеллектуальных пауков в банке», которые не хотят понимать друг друга и отчаянно сражаются, доказывая научную несостоятельность соперника. При этом борьба концепций трансформируется в борьбу личностей, их самолюбий, и тогда в ход идут отнюдь не моральные средства, такие как напрасные обвинения, ложь, клевета, высокомерная издевка. Практикуется также замалчивание результатов, полученных «противной стороной», игнорирование ее успехов. Сторонники одной концепции насмеются над аргументами другой, изображают идеи своих оппонентов, да и их самих в неприглядном свете, величая их фальсификаторами или лжеучеными. При этом стороны очень часто начинают апеллировать к вождям и президентам как арбитрам в научном споре.

В этом плане неэтично отказывать другим, кто мыслит иначе, в праве на стремление к истине. Не этично навязывать свою версию советской истории, даже если она «проверена и

одобрена» государством в качестве единственно правильной и не подлежащей научной фальсификации.

Неэтично также специально производить исторические знания для их использования в далеких от науки целях. В этом плане неэтична деятельность историков, связанная с осознанной фальсификацией прошлого.

Осознанная фальсификация в деятельности историка — это сознательный отказ от поиска истины в историческом познании или сознательное искажение исторических фактов и их тенденциозная трактовка в целях, не имеющих отношения к исторической науке. Мотивы осознанной фальсификации в историческом познании могут быть самыми разнообразными: 1) политическими и идеологическими, связанными с легитимацией политических режимов или идеологических проектов; 2) личностно-психологическими, основой которых выступает желание самоутвердиться, получить общественное признание путем подготовки сенсационных «разоблачений» или «открытий» в исторической науке, способных перевернуть существующие представления о советском прошлом; 3) коммерческими, обусловленные стремлением приобрести не только славу, но и деньги.

Можно выделить также внешние и внутренние причины осознанных фальсификаций в «проработке» советского прошлого. Внешние причины осознанных фальсификаций, или когнитивных измышлений, заключаются в том, что в условиях политизации или этнизации советской истории спрос на научную историю в локальных сообществах всегда значительно меньше, чем спрос на исторические мифы, выступающие средством национальной интеграции или этнической мобилизации. Фальсификации советской истории и связанные с ними разного рода сенсационные «открытия» в историческом познании, закрашивание «белых пятен» в истории привлекают обывателя своей доступностью и анти-академическим шармом.

Кроме того, различные фальсификации советской истории очень часто становятся политическим ресурсом: политики то и дело используют отдельно взятые исторические факты и их пристрастные интерпретации для обоснования своих популистских амбиций и политических действий. Поэтому неэтично превращать историю советского общества в инструмент для достижения сиюминутных политических целей, «дубинку» в руках людей, которым, в сущности, нет дела ни до национальной памяти других народов, ни до трагедий, пережитых их собственными народами, ни до прошлого вообще.

Внутренние причины осознанных фальсификаций истории обусловлены такими негативными, в том числе и с этической точки зрения, тенденциями в современном историческом познании, как: 1) ангажированность, 2) антрепренерство, 3) нашествие «околонаучного маргинала».

Историческое познание всегда носит ангажированный характер, поскольку еще ни одному историку не удалось, как говорил М. Вебер, избавиться от идолов собственного сознания, или, как сейчас говорят, фреймов восприятия прошлого. Однако существует другая ангажированность исторического познания, которая проявляется в предвзятом отношении к историческому прошлому, обусловленному сознательно выбранной идеологической или политической позицией.

Ангажированность исторического познания сопровождается производством исторических знаний, носящих идеологическую или политическую окраску. В результате история превращается в первом случае в проекцию идеального будущего, а во втором — в «политику, опрокинутую в прошлое». Такая ангажированность формирует порой диаметрально противоположное отношение к советскому прошлому.

Советский период некоторым представляется вообще выпадением из человеческой истории и лакуной в культуре. «Я воспринимаю то, что произошло с этой страной в результате Октябрьской революции 17 года как выход из времени, из истории и из жизни», — говорил известный советский интеллектуал М.К. Мамардашвили 1990 г. на французском радио. Другим советская история представляется органическим периодом российской истории, матери-

альными и духовными достижениями которого надо гордиться. Третьи предлагают сделать советскую историю предметом открытой национальной дискуссии. Четвертые — поводом для коллективного покаяния. Пятые рассматривают советскую историю как предмет произвольных толкований или сырье для непрерывных фальсификаций.

Среди российского руководства, стремящегося использовать различные интерпретации советского прошлого в качестве символического капитала власти, также нет единства в понимании советской истории. Так, на встрече с делегатами Всероссийской конференции преподавателей гуманитарных и общественных наук в 2007 г. Президент РФ В.В. Путин, предлагая державно-патриотическую интерпретацию советской истории, отмечал: «Что же касается каких-то проблемных страниц в нашей истории — да, они были. Так они были в истории любого государства! И у нас их было меньше, чем у некоторых других. И у нас они не были такими ужасными, как у некоторых других. Да, у нас были страшные страницы: давайте вспомним события начиная с 1937 года, давайте не будем об этом забывать. Но и в других странах было не менее, пострашнее еще было. Во всяком случае, мы не применяли ядерного оружия в отношении гражданского населения. Мы не поливали химикатами тысячи километров и не сбрасывали на маленькую страну в семь раз больше бомб, чем за всю Великую Отечественную [войну], как это было во Вьетнаме, допустим. У нас не было других черных страниц, таких как нацизм, например. Да мало ли чего было в истории каждого государства и каждого народа! И нельзя позволить, чтобы нам навязывали чувство вины, — о себе пускай подумают. Но мы для себя должны не забывать об этом — и мы не будем об этом забывать».

Спустя год, Президент РФ Д.А. Медведев, сторонник либеральной интерпретации советской истории, в «Послании к Федеральному собранию» подчеркнул: «В России на протяжении веков господствовал культ государства и мнимой мудрости административного аппарата. А отдельный человек с его правами и свободами, личными интересами и проблемами воспринимался в лучшем случае как средство, а в худшем — как помеха для укрепления государственного могущества. Повторю, так было на протяжении веков... Поэтому принятие в 1993 году Основного закона, провозгласившего высшей ценностью человека, его жизнь, его права и собственность, стало беспрецедентным событием в истории российской нации».

На следующий год в «Послании к Федеральному собранию» Президент РФ Д.А. Медведев подчеркнул, что «престиж Отечества и национальное благосостояние не могут до бесконечности определяться достижениями прошлого». «Вместо архаичного общества, в котором вожди думают и решают за всех, станем обществом умных, свободных и ответственных людей. Вместо сумбурных действий, продиктованных ностальгией и предрассудками, будем проводить умную внешнюю и внутреннюю политику, подчиненную сугубо прагматичным целям. Вместо прошлой построим настоящую Россию — современную, устремленную в будущее молодую нацию, которая займет достойные позиции в мировом разделении труда».

М. Джилас, говоря об идеологической ангажированности истории, отмечал, что идеолог, если и не пишет непосредственно в пользу власти и движения, всегда держит в уме их «высшие интересы». К этому его обязывает сама природа идеологии — ее действенная роль в изменении чуждого мира, в усилении своего течения и сохранении своего устройства. Вот почему в идеологически написанной истории значительное место занимают интерпретации — прошлое «загоняют» в «истину» движения и потребностей власти.

Об идеологической ангажированности наглядно говорят, например, названия разделов в ряде современных российских учебников истории: «Поиски обретения свободы»; «Крестьянство на Голгофе»; «Партийный диктат и культура»; «Партия — ядро тоталитарной системы»; «Промышленная модернизация в тоталитарном исполнении»; «Крах плановой экономики»; «Мировая революция и мировая война»; «Советско-германский сговор»; «Советская тюрьма народов». Идеологический компонент здесь обнаруживается со всей очевидностью: это — идеология либерализма. У государственников-консерваторов названия другие: «Русь», «Россия», «Российская империя», «СССР», «Новая Российская государственность».

Большую роль в «проработке» советского прошлого играет политическая ангажированность. При этом в зависимости от развития политического режима в России возможны различные варианты интерпретации советского прошлого. В случае усиления авторитарных тенденций, неизбежным будет глорификация Сталина и его режима, как вершителю индустриализации и победы. В случае либерализации нынешнего режима, возможно сосуществование двух радикально отличающихся версий оценки советского прошлого (государственнически-консервативной и радикально либеральной).

В связи с этим государственная историческая политика в России, скорее всего, будет сохранять некий привкус амбивалентности, когда курс на реставрацию советской героики и великодержавного патриотизма будет сопровождаться непринципиальными идеологическими реверансами и уступками в адрес тех общественных групп, которых не устраивает ни «хороший Сталин», ни «Великая Победа», приведшая к экономическому триумфу побежденных.

Антрепренерство в историческом познании связано со стремлением некоторых историков братья за решение любых познавательных задач и искажать полученные результаты в угоду заказчику. Антрепренерство часто обусловлено «этосом» государственной или этнической сервильности, определяющим институциональные каноны познавательной деятельности историков. В этой деятельности на первый план выходит не стремление к истине, а удовлетворение запросов со стороны государства или этнических групп в ракурсе исторического «прозелитизма», т. е. стремления «обращать других в свою веру».

В связи с этим следует указать на некоторые черты современной государственной исторической политики в России, которая базируется на четырех политических/идеологических постулатах, артикулируемых ее авторами и промоутерами: во-первых, история является объектом политической борьбы (в том числе, и международной), значит, ее нельзя оставлять только историкам; во-вторых, поскольку «все делают это», то проводники исторической политики, разными средствами (от финансовых до административных), маргинализируют негодных им историков и поддерживают выгодную им версию прошлого; в-третьих, эксплуатируется тезис о внешней угрозе, перед лицом которой «наши» историки должны сплотиться и мобилизоваться на защиту «нашей» истории, которая является объектом нападок извне; в-четвертых, используется тезис о «недостатке патриотизма» в школьной истории и учебниках, что ведет к необходимости пересмотра содержания школьной истории, ее унификации именно с целью гражданского воспитания; в-пятых, поскольку нам нужны не бездумные патриоты, а думающие, то изучая советскую историю, школьники должны знать разные точки зрения и учиться думать.

«Нашествие околонучного маргинала» — это появление в сообществе историков дилетантов без специальной профессиональной подготовки, но жаждущих признания и претендующих на «переворот» в исторической науке. Типичным примером их продукции является «фолк-истори» — своего рода номинация для обозначения претендующих на научность литературно-публицистических трудов, а также идейно-теоретических концепций на исторические темы, созданных с позиций негационизма как разновидности исторического ревизионизма, при котором «новая» концепция строится на полном отрицании предшествующих теорий и выборочном использовании подходящих фактов.

В связи с этим историки обращают внимание, например, на сенсационные разоблачения В. Суворовым агрессивных планов Сталина накануне Великой Отечественной войны, которые появились в России в начале 90-х гг. XX в. «Ошарашивающая истина» преподносится автором в гипертрофированной, экзальтированной форме. Если «неготовность», то обязательно «полная», «нехватка» — «чудовищная» и «катастрофическая», «трусость» — «всеобщая», «академии, ученые, учебники, эксперты» — обязательно «все в мире». Книги В. Суворова проникнуты весьма специфическим отношением к источникам, которое можно выразить формулой: «что надо, то и вижу». Соответственно, все то, что не укладывается в заданные концепцией рамки, этим автором просто не замечается. Тенденциозный отбор фактов, потре-

бовались автору для иллюстрации уже готового и сформулированного им еще до начала «исследования» вывода: коммунистический Советский Союз — самая агрессивная страна в мире, готовившая насильственное распространение коммунизма по всему демократическому миру. Если бы не превентивный удар Гитлера, пожертвовавшего судьбой Германии в неравной борьбе с колоссальным монстром РККА, весь мир был бы поработен Сталиным.

Представьте себе российского обывателя. Все знают, что была тяжелейшая Великая Отечественная война, что Германия являлась агрессором и Советский Союз лишь через полтора года смог переломить ход военных действий, а затем одержать победу. Однако нюансы — удел специалистов. И вдруг на обывателя, как обухом по голове, сваливается «открытие» — неудачи советских войск в 1941–1942 гг. связаны с тем, что СССР готовился к нападению на Европу и не ожидал превентивного удара. Все эти «открытия» снабжены ссылками, цитатами из авторитетных источников и т.д. Как быть обывателю? Ошарашивающая «истина», переворачивающая систему привычных представлений, — обязательный атрибут такого рода концепций.

Разумеется, у каждого автора не только может, но и должен быть свой взгляд на советскую историю. Но он не должен строиться на «понравившихся» фактах и навязываться остальным в качестве истины в последней инстанции. В противном случае борьба за историческую Правду превращается в войну идеологий и политических языков, в которой не может быть победителей и побежденных. Стремление к исторической Правде должно стать полем порождения смыслов, расширяющее пространство intersубъективных значений. Современная историография советского прошлого должна заниматься не столько его «проработкой», сколько стать пространством intersубъективных значений, открытым для новых смыслов.

А.М. Старостин. *Метод М. Ферро и проблемы изучения советской истории*

Проблемы, представленные на обсуждение конференции «Проблема проработки советского прошлого» вызвали у меня интерес не только как у ученого, философа, претендующего на новации в философско-методологической сфере («философская инноватика»), но и как у эксперта в области политики, который, работая в Президентской академии, должен предлагать определенные рекомендации в политико-управленческой сфере. А также как у гражданина, погруженного в очень сложный, конфликтный социально-исторический ценностно-смысловой контекст усилиями СМИ, политтехнологов, партийных идеологов и общественных деятелей нашего времени — Времени, как долгое время говорили, транзита. А ныне социально-политическая лексика обновляется и говорят не о трендах, а о турбулентности и лиминальности.

Сразу же хочу напомнить, что известным русским поэтом Александром Полежаевым применительно к нашему Отечеству, которое время от времени попадает в зоны турбулентности и лиминальности, уже 200 лет назад были высказаны поэтически образные, но очень точные, касательно отношения к нашему историческому прошлому, слова:

Была страна под небесами,
Была великая страна –
Страна чудес, ... но времена
Враждуют страшно с чудесами!

Понятное дело, что ностальгическое представление о «стране чудес» значительно усиливается и охватывает большие массы людей в периоды разорительных и мучительных социальных преобразований и сразу после них. В XX веке эти потрясения накрывали Россию трижды: страшная волна Первой мировой, Гражданской войн и иностранной интервенции; не менее опустошительная волна Второй мировой и изматывающей «холодной» войны; и, наконец, современный период, начавшийся с Перестройки и все еще идущий по сценарию — тра-

ектории, которые в конце 80-х годов метафорически были обозначены как: «перестройка — перестрелка — переключка». В каждом таком водовороте вряд ли уцелело бы какое-либо еще государство. А Россия была в центре, в воронке. Еще в начале 20-х гг. XX в. знаменитый Герберт Уэллс, много размышлявший о прошлом и будущем человеческой цивилизации, писал: «К 1920 г. Россия являла собой еще невиданное до сих пор зрелище современной цивилизации, пришедшей к полному краху». И еще, о конце периода, связанного с Первой мировой войной: «Вследствие ее было убито множество людей. Мир обеднел, все страны пришли в расстройство, а Россия была совершенно разорена». А впереди были еще не менее двух разрушительных потрясений. В итоге все «скелеты в шкафу», которые в развитых странах хранят, а то и лелеют столетиями, в России выбрасывались на общее обозрение по меньшей мере трижды. Перемешались все их кости и имена их хранителей. Неоднократно злодеи становились героями, а герои объявлялись злодеями. По много раз переименовывались города, улицы, да и страна в целом. Менялись праздники. Горели и исчезали по несчастью или умыслу архивы и миллионы документов и свидетелей. А смысловые ключи к пониманию множества документов утеряны или находятся на грани утери. И это не меньшая проблема, чем ключи к пониманию древних культур.

Я говорю об этом постольку, поскольку число идеологизированных и политизированных историков у нас не стало меньше. И хотя мы за короткое время смогли освоить немалое число новых для нас доктринальных и документальных исторических источников, но историческое профессиональное и массовое сознание не поднялось на новый уровень. Даже известные авторы, претендующие на объективность, слишком спешат с итоговыми выводами, не давая себе труда «отремонтировать» старую машину по производству исторических знаний. Вот небольшой фрагмент из научно-популярной 700-страничной книги известного историка Роя Медведева. Резюмируя сказанное на этих страницах, он подчеркивает: «Одни авторы перечисляют только достижения, другие только пороки советской модели социализма. Следует быть более объективными. Советский союз был уникальным государством с необычной общественной системой. Многие цели и задачи, которые ставились перед нами в программах КПСС, были не только разумными, но и благородными. Однако этими целями нельзя было оправдать примененные лидерами КПСС порочные или даже преступные средства. Такие средства не только дискредитировали цель, но и делали ее недостижимой».

Интересное суждение, в особенности относительно преступности средств. Особенно интересное, если более четко соотнести в историческом времени благие намерения и «преступные» (с чьих-то оценочных позиций — чьих спрашивается?) средства. Получается, что периоды наибольшего задействования «преступных» средств давали наиболее существенное продвижение к благим целям. Иными словами, можно доказывать (и это, разумеется, делается другими, не менее известными историками) противоположную теорему. Но самое главное, что ни те, ни другие, не предлагают новые фундаментальные концепции, которые помогли бы углубить наше понимание собственной (и не только) истории. Гораздо ближе к истине стоят представители науки, опирающиеся на ироничный фольклор, например, такой:

Первое правило переходного периода истории: на каждого историка найдется историк такой же величины с противоположным мнением.

Второе правило переходного периода истории: и оба они неправы.

Но какая же дорога ведет к «Храму исторической истины?» — Ответ на данный вопрос не прост, и он связан с реконструкцией эволюции системы исторического познания. А коль скоро мы выходим на вопросы, связанные еще и с историческим образованием и распространением исторических знаний, то — с углубленным их изучением, причем сопряженным с развитием исторического познания.

Вспоминая работы профессора А.В. Потемкина по истории философии и эволюции философского знания, правомерно говорить и о диатрибической традиции не только в философии, но и в историческом познании.

Реконструкция эволюции системы исторического познания и сознания в первую очередь опирается на исследования в области философии истории. Ибо здесь прежде всего обращается внимание на основания главных парадигм в познании истории. В их числе субстанционалистская трактовка, релятивистское понимание истории, экзистенциальное вопрошание о смыслах истории.

В качестве парадигмальных новаций, которые выявляются с помощью инструментария философской инноватики, следует указать на историческую диатропику в рамках глобально-эволюционного подхода, а также применение синергетических и математических моделей к анализу социально-исторических систем. Впрочем, и возможности уже известных парадигмальных подходов могут быть углублены и дополнены. На наш взгляд, следовало бы также реконструировать концепцию социального — информационного кодирования М.К. Петрова, обещающую выход на более существенные обобщения в области социально-информационной картины мира, что обещает и реализацию идеи ноосферы и так же, в свою очередь, перевода исторического развития и исторического познания в глобально-эволюционный контекст.

Существенным дополнением понимания сложности и многомерности исторических процессов (политическая история, экономическая история, социальная история в глобальном, региональном и локальном преломлении) и их погруженности в социально-информационное пространство выступает изучение эволюции исторического образования и исторического массового сознания (включая и проблему «исторической памяти»). В этом аспекте я бы подчеркнул значимость «метода М. Ферро». Как известно, Марк Ферро — известный французский историк, представитель знаменитой историографической школы «Анналов» и соредактор одноименного журнала. Специализировался в 60-е гг. XX в. на советской истории, защитив докторскую диссертацию о русской революции 1917 г. С начала 80-х гг. XX в. широко известна его книга «Как преподают историю в разных странах мира» (В нашем переводе — «Как рассказывают историю детям в разных странах мира» — издание 1992 и 2010 гг.). Он показал исключительную роль исторического образования и деятельности СМИ в формировании этих феноменов. В частности, применительно к историческому образу недавнего прошлого, который изучался М. Ферро в более чем 50 странах мира, с помощью «Метода М. Ферро» установлено существенное влияние на образ прошлого страны, нации, крупной общности таких ценностных факторов, как: этноцентризм, идеоцентризм, лидероцентризм, событийный центризм. М. Ферро показал на примере, в том числе преподавания истории в ряде бывших республик СССР, наличие тенденций аберрации (искажений) исторической памяти в виде существенного преувеличения исторической значимости «успешных» событий (военно-политические победы, экономические и социальные достижения) и преуменьшение или исключение из событийного поля поражений, потерь, большой цены успеха. А также подчеркивание решающей роли страны, нации, этноса в «Большой истории», что иногда в нашей культуре обозначают в виде ряда ироничных метафор («Глобус Украины», «Россия — родина слонов» и т.п.).

В частности, в Предисловии к указанной книге М. Ферро указывает на несколько примечательных примеров:

«Все общества Юга деколонизируют свою историю, и часто теми же средствами, какими пользовались колонизаторы, т.е. конструируют историю, противоположную той, что им навязывали прежде. Сегодня у каждой нации есть несколько историй, накладывающихся одна на другую и сопоставляющихся одна с другой».

И далее: «Истории, независимо от ее тяги к научному знанию, присущи две функции: врачевание и борьба... Что касается функции истории как борца, то тут на ум приходят прежде всего манипуляции, практиковавшиеся в СССР. Долгое время предавался забвению Троцкий, а говорилось только о Сталине. Затем имя Сталина исчезло или почти исчезло, а Троцкого стали цитировать часто, но лишь для того, чтобы осудить. С началом перестройки вновь

появился Бухарин, стали мягче писать о Троцком, вспомнили Мартова... Еще более радикальна эволюция образования в США. Она состоит в переходе от идеологии *melting-pot* (Америка, как «плавильный котел», в котором перемешиваются народы, превращаясь в единое целое) к идеологии *salad-bowl* («салатница»), согласно которой каждая культура сохраняет свою самобытность. Однако несмотря на все изменения, существует своего рода матрица истории каждой страны: это доминанта, запечатленная в коллективной памяти общества. И очень важно знать суть этой матрицы».

Тенденции исторического образования, показанные М. Ферро еще в 80-е гг., мало поменялись к нашим дням. Показательны в этом плане материалы большой дискуссии о преподавании истории Второй мировой войны в разных странах мира. Здесь, в дополнение к уже известным со времен М. Ферро феноменам, отмечались такие вещи, как заметные проявления фальсификации истории. К примеру, в докладе известного финского историка Йохана Бекмана подчеркивается: «Фальсификация истории имеет определенную географию. Такие страны, как Финляндия, Польша, Эстония, Латвия, Литва и Украина искажают историю Второй мировой войны сообразно собственным интересам. К тому же относится непрерывная психологическая война против России и русских. Цель этих действий заключается в стремлении уничтожить всё, что может напоминать о Советском Союзе, — т.е. уничтожить Россию. Агрессивные атаки против русских имеют прежде всего психологический смысл, поскольку их объединяет одна задача — заставить русских испытывать вину, растерянность и гнев против руководителей своей страны».

Что касается острых проблем отечественного исторического образования, то наиболее характерные из них — это: работа по «заемным» когнитивным лекалам (соросовские программы); безмерное расширение числа рекомендуемых для преподавателей и учащихся учебников; а также ничтожное число учебных часов, отводимых на изучение Второй мировой войны (4 часа за все годы обучения) и других наиболее значимых исторических событий. Например, федеральный перечень учебников, рекомендованных и допущенных к использованию в образовательном процессе общеобразовательных учреждений, утвержденный Минобрнауки РФ (список действует до 2014 г.) насчитывает 108 учебников.

Понятна озабоченность Президента РФ и его рекомендации о значительном сокращении подобных списков и выработке более четких, сбалансированных подходов к историческому образованию и ориентации на более четко сформулированные цели образовательного процесса в области отечественной истории, включая и советский ее период.

Заключая сказанное применительно к реконструкции советского прошлого, подчеркнем, что образы его задевают интересы ряда влиятельных социальных и политических групп, которые лоббируют действия, направленные на аберрацию восприятия и фальсификацию недавней истории.

Своеобразным «противоядием» против подобных исторических аберраций выступает метод полицентричной подачи в репрезентации исторических образов, основанный на информировании (в политкорректных формах) массового субъекта о существовании параллельных и альтернативных образов одних и тех же процессов и событий.

Привычки и навыки полицентричного исторического восприятия позволяют снизить эмоциональный накал в историческом восприятии и сформировать более сбалансированное, взвешенное отношение к прошлому.

С.А. Кислицин. *Инакомыслие и оппозиция в советскую эпоху*

Я сделаю доклад по моей свежей книге. В ее основе лежат взгляды трех человек: Юрия Андреевича Жданова, Михаила Александровича Шолохова и Сергея Сырцова о реалиях советской жизни. Однако на момент написания своих произведений Шолохову было не так много лет. Поэтому крайне сомнительно, чтобы столь юный человек мог обладать достаточным объемом информации и умением ею оперировать, не говоря уже о жизненном опыте. Я

придерживаюсь здравого скептицизма и считаю, что даже гениальность может иметь свои пределы. Поэтому надо сделать попытку разобраться с вопросом: не стоял ли за спиной юного писателя кто-то ещё (и кто именно) кем может данная личность(-ти) являться, или всё же дело обстоит в писательском таланте автора «Тихого Дона»? Такой подход не является новаторским, поскольку указанный факт был подмечен уже давно.

В.П. Макаренко: Насколько точна дата рождения Шолохова?

С.А. Кислицын: Никаких неточностей или ошибок быть не может. Именно поэтому создается впечатление, что за фамилией Шолохова скрывается какой-то другой человек, старше и опытнее. Тем самым создается своеобразное «наложение биографий». Тем не менее, следует отметить тот факт, что Шолохов был в советской России очень влиятельной фигурой. Он был фактическим «главой Дона», занимал достаточно высокий партийный пост на «всесоюзном уровне». Я хотел бы сделать автобиографическое уточнение на основе воспоминаний одного из доцентов, с которым я в советское время работал на одной кафедре. Он говорил: «Влиятельнее Шолохова на данный момент на Дону нет никого». Поэтому любые возникающие замечания и любая критика в адрес донского писателя пресекались на корню. В ответ на любую попытку «усомниться» в законности и компетентности Шолохова один из партийных секретарей сказал: «Таких, как вы у нас тысячи, а Шолохов один». Разговор на этом закончился.

Безусловно, это было связано с тем, что помимо «Тихого Дона» Шолохов зарекомендовал себя как ярый коммунист, приверженец и последователь советских идей. Причем, последователь искренний и яро увлеченный, а не подхалим. Именно поэтому советское руководство было к нему столь благосклонно. Но несмотря на это Шолохов был всё же инакомыслящим человеком, правда, в рамках советской системы. Одним из доказательств служит тот факт, что писатель очень уважал Н.С. Хрущева, но почти в открытую презирал Брежнева.

Начну с того, что роман «Тихий Дон» — один из первых фактов инакомыслия Шолохова. Как известно, автор не скрывал (и даже не делал попыток) скрыть «подвиги» Красной армии и всей советской верхушки, а иногда от имени своих героев позволял слова критики в их адрес. За что сам был нещадно этой самой верхушкой раскритикован.

Итак, первый факт инакомыслия: роман «Тихий Дон», который если не являлся прямой критикой советского режима, то уж явно не способствовал укреплению позиций власти, ибо представленные в нем персонажи-коммунисты если и не выглядели нелепо, то уж явно не способствовали, как говорят сейчас, «поднятию рейтинга» советской верхушки.

Второй факт инакомыслия — письма Шолохова Сталину, в которых он открыто сообщал о бедственном положении крестьянского класса (это явление впоследствии будет названо «голодомором») и критиковал процесс коллективизации. На что Сталин, в свойственной ему резкой манере, ответил: «Не лезь не в своё дело, это политика».

Третий факт инакомыслия — Шолохов едва не стал жертвой «чисток» 1930-х годов (лучше всего данные события описаны в книге Козлова) из — за того, что выступал в защиту глав некоторых райкомов.

Четвёртый факт состоит в том, что в романе «Они сражались за Родину» писатель снова позволял себя критику сталинского режима, так как не мог согласиться с методами правления Сталина, хотя, безусловно, уважал его как выдающегося политического лидера.

Пятый факт — открытое осуждение расстрела протестной демонстрации новочеркасских рабочих. Причем выступил в гневной, открытой форме: «Какое право вы, как партия рабочих, имели для расстрела этих людей?».

Но в конечном счете Шолохов не был оппозиционером. Он был представителем писательской фронды и не имел желания менять советскую систему.

Теперь о Юрии Андреевиче Жданове. Я категорически не согласен с тем, что Жданов был сталинистом. Жданов не был сталинистом потому, что он избирательно критиковал сталинский режим, но вслед за Шолоховым отдавал должное исторической роли Сталина. Жданов

нов также не был согласен с некоторыми аспектами деятельности вождя всех народов. За что изгнан в Ростов, где он был назначен ректором Ростовского госуниверситета. Данное назначение благотворно повлияло на наш ВУЗ: в скором времени РГУ стал пятым лучшим университетом страны. Его нововведения также благотворно повлияли на работу философского факультета, который при нем был создан. Жданов был партийным человеком. Он отрицал свою принадлежность к либеральной диссидентской мысли, активно выступал за партийность «настоящую», за «партийность как материалистическое понимание истории», «партийность как экономический детерминизм». Выступал за социалистическую культуру во всей широте данного понятия.

Иначе говоря, Жданов придерживался более «левого политического курса», чем современная ему партийная верхушка. Жданов был диссидентом «левого толка». Инакомыслие его заключалось в следующем. Его сталинские взгляды носили более личный характер, то есть не годились для массового употребления, как взгляды Шолохова. В отношении науки он придерживался взглядов В.И. Вернадского. Однако Жданов столь же критически относился и к современной демократической власти в России. Он находился с ней в открытой морально-нравственной оппозиции, но, как и Шолохов, не считал необходимым вступать с ней в деятельный конфликт по причине своего возраста.

Сергей Иванович Сырцов — представитель политической интеллигенции, «политический импрессионист». В отличие от Жданова и Шолохова он находился в открытой оппозиции к власти, за что впоследствии был расстрелян. Кроме того, он был одним из персонажей «Тихого Дона» в первой версии романа, что неудивительно, так как во времена Гражданской войны он активно занимался рассказыванием на Дону. Однако в своем манифесте в 1925 году, который был посвящен данной проблеме, он попытался расставить все точки над «i». Именно поэтому я считаю, что неправильно утверждение о геноциде казачества. Такие предпосылки действительно имели место, но как раз-таки данное выступление Сырцова доказывает обратное.

Один из аспектов инакомыслия Сырцова заключался в том, что он в своей партийной деятельности придерживался линии Рыкова, а не Сталина. Сырцов почти в открытую выступал против верхушки власти. Например, в вопросах коллективизации Сырцов практически параллельно возражал Сталину. Когда Сталин призывал ускорить процесс, Сырцов говорил совершенно противоположные слова. В узком кругу этот политический деятель призывал сменить политический курс и даже сместить главу партии с его поста. Его весьма революционное заявление заключалось в том, что Сырцов открыто заявил о невиновности Зиновьева в убийстве Кирова. Разумеется, за такие слова он был арестован, подвергнут пыткам и расстрелян. Я думаю, самым печальным является тот факт, что Сырцов впоследствии так и не был реабилитирован. О нем отзывались крайне негативно. А по сути дела он был человеком своего времени и совершил не больше и не меньше ошибок, чем любой другой советский политический деятель.

Из всего сказанного вытекает общий вывод. Описание жизни и деятельности трех героев доказывает, что есть некая общая основа в формировании оппозиционного и инакомыслящего течения и взглядов. Следует также иметь в виду, что формирование подобных взглядов является процессом творческим, мало уловимым и потому не всегда поддается должному осмыслению в силу выше перечисленных факторов. Не следует рассматривать революцию как «войну всех против всех» и относится к её современникам, как к «паукам в банке». Как и в любом другом историческом событии там были свои герои, «антигерои», но они были прежде всего людьми, поэтому нет необходимости сталкивать их лбами, навешивая на ярлыки «хороший», «плохой» и пр.

Т.А. Марченко: В любую эпоху есть свои пауки в банке. Поэтому нет необходимости в оценочных суждениях, необходимы исследования, и данный доклад является примером тако-

го исследования. В нем были представлены соответствующие факты. Я думаю, доклад был социологически осмыслен.

Ю.С. Пивоваров: Большевики намерено уничтожали население страны. Не имея возможности грабить колонии, они занимались грабежом собственного народа. Ленин, Сталин и все остальные были палачами собственного народа. Они вели политику криминала, уголовщину.

С.А. Кислицин: Я думаю, не совсем правильно говорить, что большевики издевались над собственным народом. Подобные прецеденты были и в других странах. Ленин был не палач, а скорее фанатик собственных идей. Независимо от того, кто пришел к власти, всё равно были бы применены насильственные меры: у противоборствующей «белой» стороны были точно такие же планы расстрела и высылки семей большевиков и других, несогласных с ними. Позицию гражданской войны надо рассматривать с её же позиций, а не с позиций современности.

Ю.С. Пивоваров: Я отношусь к гражданской войне с позиции «белых». Я думаю, невозможно сравнить Троцкого и Деникина. В 1930–40-х годах не было никакой войны и предпосылки для расстрелов и ссылок.

В.П. Макаренко: Надо сменить тему беседы, перейти от оценок личностей к анализу концепций, соответствующих теме дискуссии. Я думаю, докладчик совершил серьёзную методологическую ошибку, вовлекая нас в обсуждение вопросов, не относящихся к теме проработки советского прошлого. Ошибочно переносить концепции истории КПСС на почву современных реалий. Короче говоря, весь доклад можно определить как апологетику официальной советской историографической концепции. Ясно, что данная концепция обладает политическими следствиями. Не мешает об этом задуматься, в том числе при обсуждении судеб трех фигурантов советской истории, о которых рассказал докладчик.

И.И. Глебова. Память против истории: использование советского прошлого в России 2010-х.

Виктор Павлович сказал, что наша дискуссия уходит в песок. Она не нужна и не показательна. В ней мы не достигнем согласия. Действительно, то, что происходит здесь и происходило после обсуждения, — это и есть актуализация той проблематики, которую называют проблематикой памяти. Это и есть срез того, что происходит в нашем обществе. Это и есть «войны памяти», в которых, как показывает опыт, в нашем обществе сейчас примирение невозможно. И это во многом характерно для нашего общества.

Вообще, проблематика памяти не есть история. Память — это не о том, как и что было. Память — это не о вчера, память это о сегодня. Память — это диагностика современного общества, его болезней, травм, идентификации, легитимации. Память — это то, как общество представляет свое прошлое, как определяет то, что оно хочет или не хочет знать. Память определяет, травматично прошлое или нет. Прочитую знаменитого историка, который занимается проблематикой памяти: «То, что люди помнят о прошлом, а также то, что они в нем забывают, является одним из ключевых элементов их неосознанной идеологии». И это верно.

Память — это проблема сегодняшнего дня, память находится на стыке собственной истории и общественно-исторических представлений. Память находится на стыке воображения и прошлого, того, как оно представлено в сознании людей, в публичной сфере, в сфере СМИ, политики, искусства. Всё это вместе формирует нашу память, информационные и художественные образы, которые ничем не объяснить. Исследователи говорят, что сейчас произошла телевизация памяти. Память — это вопрос представления, вопрос ценности и идентичности. Татьяна Александровна сказала, что когда мы будем говорить о ценностях, мы тоже не придём к согласию. Это разговор субъективный и ненужный. Это ценностные суждения. Память — это о ценностях и идентичности.

Память — это коллективный проект. Такая идея возникла в середине 1920-х годов, французский историк и социолог М. Хальбвахс придерживался данной идеи. Он сказал, что социальные группы строят свои образы и выстраивают согласованные версии прошлого. Группа образуется этим прошлым. Само общество — это его прошлое, и мы можем говорить, что сообщества нет, если в нем нет консенсуса по базовым ценностям, которые зафиксированы в прошлом. Сейчас мы можем сказать, что в России общества нет. Есть конгломераты обществ, есть большие общества, есть некая среда, которая достаточно индифферентна по отношению к проблемам прошлого. Но есть самоопределение по поводу прошлого, которое отражается в памяти, в этих принятых проектах. Это неизбежно в массовых обществах, потому что в массовых обществах история перестает быть профессиональной. История имеет функцию некоего влияния на память, некой коррекции памяти или некоего оздоровления памяти. И это очень важно, это характеристика коррекции общества. Того, насколько история мыслит за собой эту функцию, насколько эффективно её выполняет, насколько общество позволяет историкам выполнять эту функцию.

Это некие признанные воспоминания, которые рождаются в обществе; это могут быть официальные или теневые воспоминания, которые выдавливаются, уходят. Это стала известно в отношении нашей памяти в 1990-2000-е годы. Выяснилось, что официальная советская картина памяти — война, героизм, отсутствие негативных элементов прошлого — не сходится с той картиной событий, которая присутствует в памяти неофициальной. И она представлена как тeneвая. Когда человек выходит в общество, он начинает мыслить по официальной картине. А как выглядит неофициальная картина?

Первое в сознании людей — это коллективизация как опыт массового террора, опыт массовой репрессии. Здесь 1937 год занимает далеко не первое место и рассматривается людьми как репрессия против элит, как внутриэлитарный и поверхностный конфликт. Главное — коллективизация идет как память о раскулачивании. Такова память крестьянской России, которая в этом процессе была переформатирована, искорежена, разорвана. Эта память воспринимается как травматичная, тeneвая, её нельзя выносить на публику.

Следующее — это война, но не в героически-победном ореоле, а как такой же тяжелый, травматичный опыт. Как опыт лишений, потерь, утрат и выживания, опыт смертей, который тоже не выносится на свет дня.

Существует различные культуры памяти, они отличаются от общества к обществу. Сама эта проблематика возникла при изучении немецкого прошлого, памяти жертв, памяти о Холокосте. Как раз здесь появились термины, о которых мы вчера говорили. Проработка прошлого — это проработка травматического опыта. Это не замалчивание и примирение, а рассказ, вызывающий ужас и скорбь. Это самокритический рассказ, в который вовлекается всё общество, это публичные дебаты о травматическом прошлом. Обществом это было воспринято как травма. Сама проработка есть изобретение обществом вакцины против варварства. Опыт, с которым нельзя примириться, ставит проблемы морально-нравственного выбора: что есть добро и зло?

Есть более высокий термин из арсенала культуры памяти: преодоление травматического опыта. Преодоление травматического опыта — это взгляд, отношение к прошлому как необремененному оправданиями. Этот опыт связан с возникновением понятия стыда, вины, коллективной вины и коллективной ответственности, преодоление себя, но не преодоление прошлого. Именно такую высокую планку предложили немцы. Можно сказать, что планка для них оказалась слишком высока, что они с ней не справляются, они то преодолевают её, то нет, то жалеют жертв войны, то свою нацию определяют жертвой. Эта планка в немецком обществе замкнута.

Память — это социальная функция истории, вопрос социального существования истории, вопрос, с какой именно историей идентифицирует себя общество. Это вопрос о том, ка-

кую историю оно хотело бы иметь. Когда мы говорили сегодня об истории, мы говорили о неких воображаемых проектах, с которыми мы бы хотели солидаризироваться.

Что касается советского прошлого и опыта советской памяти, то, безусловно, это не история как цепь событий, а историческая память, которая сделала советского человека. Можно сказать, что это память власти, с которой солидаризируется советский человек. Отказ от прошлого — такова первая советская традиция.

Вторая традиция возникла в сталинские времена, в 1930–40-е годы. Это конструирование прошлого прежде всего для легитимации системы под нужды власти. Есть несколько терминов для описания этой традиции: монополизация прошлого, национализация, агрессивное подчинение властью прошлого. Пространство памяти — это пространство борьбы общества с властью за свою самостоятельность.

Есть такой термин — политическое использование прошлого. Можно сказать, что в советское время весь опыт работы с прошлым свелся к политическому использованию прошлого. И мы это видим сейчас. Советские традиции все еще живы, они работают и в 1990-е и в 2000-е годы. Сильно сузилась зона публичности. Общество изменилось, в нем есть энергия. И она уходит в зону памяти, прошлого. Это становится способом самоопределения, что традиционно для России. Вспомните западников и славянофилов. Они же определяли повестку дня, а говорили о прошлом. Таков традиционно русский взгляд на прошлое.

Я хочу предложить схему моего представления о том, что происходит в нашем обществе с памятью и по поводу памяти. Если с этой позиции посмотреть на происходившее в 1990–2000-е годы, то очевидно, что мы пережили несколько этапов нашего прошлого. Вначале были 1980-е, это эмансипационный и встречный взрыв: либерализация общества и либерализация власти совпали в этом пространстве. Этот взрыв связан с раскрытием истории, её разгерметизацией, появлением разных сил с разными взглядами. Когда говорят о переработке прошлого, то речь идет о снятии запретов на травматическое прошлое. Оно является таковым, потому что травмирует людей, является опасным для общества. И чем проще мы даем ответы на поставленные вопросы, тем примитивнее становится общество.

В.П. Макаренко: Наше обсуждение входит в регрессивную фазу. Она состоит в том, что будем ограничивать время. Попрошу не выходить за рамки 20-ти минут. Я буду следить за временем и выполнять репрессивную функцию.

С.А. Денисов. *Советское общество как идеальная реализация модели административного общества.*

Я буду говорить о более простых вещах, чем говорилось ранее. Когда я вас слушал, я представлял себя заблудившимся в лесу: куда идти, где восток, где запад, ничего не вижу, всё перепутано, там и здесь страшно, здесь страшно. А я как теоретик пытаюсь всё упростить, понимаю, что это примитивизм, меня можно за это критиковать. Но я воспитывался всё-таки на ленинских трудах и всё время вспоминаю его фразу: «За деревьями желаете увидеть весь лес».

В.П. Макаренко: Но это не его слова, это русская поговорка (*смех*).

С.А. Денисов. Да, я признаю, что вырос именно в той науке, и всё, что здесь говорили, — повторяли Маркса или Ленина! Я постараюсь нарисовать примитивную картинку, о которой начал рассказывать вчера. Я предлагаю дихотомию, в этой дихотомии я вчера нарисовал образ административного общества. Это научная модель, я сочинил модель административного общества, где мой класс, из которого я вышел, стал господствующим. Моя сегодняшняя задача — посмотреть, насколько советское общество соответствует идеальной картине административного общества.

Модель административного общества появляется в Китае. Китай представляет собой общество, в котором успешно реализовалась административная модель. В пользу этого говорит тысячелетняя история Китая, в процессе которой они выжили. Продуктивно данная мо-

дель работает в человеческой истории. Поэтому советское общество можно сравнивать с Китаем и другими странами Востока и говорить о том, что из себя оно представляет. Дальше я иду по пунктам и сравниваю свою модель с советским обществом. Надеюсь, историки меня поправят, если отступлю от фактов.

Первый пункт — форма собственности. Госсобственность обеспечивает как раз господство управленческого класса. Только отличие в том, что такой степени тотальности госсобственности ни одно общество в мире не знало, когда даже невозможно было определить, кому принадлежали квартиры. А ведь в конституции писалось, что это народная госсобственность, может быть, это всё — таки не госбюрократическая, а народная? Я продолжаю верить в построение народной собственности.

Далее. Когда большевики пришли к власти, они пытались создать народную собственность, фабрики были захвачены рабочими. Но вот что получилось: зарплата выросла в несколько раз, производительность и дисциплина упали, и возникли задачи советской власти: хватит советской демократии, вводим диктатуру, хозяйственную бюрократию. Можно сказать, что попытки реализовать народную собственность предпринимались, но показали, что общество не готово к тому, чтобы собственность сделать народной.

Теперь сравним тотальную редистрибуцию (распределительную политику) в СССР с восточным, азиатским типом. Маркс с Энгельсом говорят, что главное ведомство на Востоке — это финансовое, потому что производство организовано общинами, и возник вопрос: как отнять часть продукта, земельную ренту у общины? При советской власти этой проблемы не возникало потому, что производство находилось в руках государства. Процесс отнятия у работника произведенной продукции не представляет никакого труда, поскольку сам работник присоединен к продукту временно. Продукт не переходил в собственность рабочего коллектива или самого работника, а оставался в руках государства. Соединили технику с рабочим и продукт остался в руках государства. С крестьянами было тяжелее. На вопрос: как отнять продукт? — научились отвечать с помощью колхозов. Кроме того, вся редистрибуция была направлена на поддержание господства самого административного класса. Надо защищаться от внешнего агрессора, огромные средства идут на поддержание внутреннего порядка и на пропаганду.

Дальше я хотел бы обратить внимание на то, что характер распределения был основан на интересах самого административного класса. И хотя административный класс жил очень скромно, привилегии были. В отличие от административного общества в древнем Востоке или Средневековье специфика советского периода всячески скрывалась. Специфика советской собственности состояла в том, что она была корпоративной, а не частной. Её распределение шло по должности: чем выше должность, тем выше твой социальный статус. Принцип иерархии распространялся не только на управленческий аппарат, но и на население всей страны. В книге Кондратьевой подробно описано, как распределялись блага внутри самого рабочего класса. Хотя большевики провозгласили равенство классов, фактически были установлены страты: у работников ВПК были одни привилегии, у крестьянства привилегий было меньше всех остальных.

В.П. Макаренко: Самое важное в ее книжке то, что полицейские были приравнены к врачам.

С.А. Денисов: На мой взгляд, советская власть использовала все известные в мире опыты эксплуатации, которые только возможны, но не эксплуатацию человека человеком (за исключением армии). Например, форма эксплуатации крестьян носила характер практически крепостнический. Крестьянину невозможно было уйти со своей земли на фабрику для получения более серьезного заработка. Следующий элемент эксплуатации — способ заинтересовать в труде. Этот элемент был развит при Хрущеве, благодаря косыгинским реформам. Ещё один замечательный способ эксплуатации, который в древнее времена был служением Богу, — это построение коммунизма.

К формам эксплуатации можно отнести также патернализм, который типичен для административного общества. Он тоже хорошо работал в СССР. Фактически этот патернализм воспитал то население, которые мы с вами продолжаем сейчас иметь. Ведь если отвлечься от советского времени, то не Путин захватил власть, а население сказало: хочу хозяина. Люди оказались не способны выживать, они не в состоянии быть свободными. Но разве могут быть свободны люди, которые воспитаны в патерналистском обществе? Я думаю, значительная часть административных обществ выживают за счет природной ренты (как древние империи вроде Месопотамии), к которой можно отнести и рабочих как бесплатную рабочую силу.

Теперь я хочу обратить внимание на то, что везде, где исторически проявлялись административные государства, они выигрывали соревнования с частно-собственничеством за счет мобилизации и кумулятивного эффекта. Если перейти от экономики к социальной опоре, то административное общество держится на административном классе, образованном, организованном, экономически мощном. Но я думаю, что здесь мы преувеличиваем как бюрократоведы. Я полагаю, что известная доля принадлежит тому обществу, о котором мы говорили, которое нуждается в хозяине, опекуне и не способно к самоуправлению. Это население является опорой современного общества, потому что в случае конфликта такое общество будет говорить о том, что безвластие плохо, что свобод нет, но всё равно, дайте нам одного хозяина, пускай правит страной.

В.Ю. Попов: Сергей Алексеевич, я хочу уточнить. Вы сказали, что первоначально большевики хотели создать народную собственность. Мне кажется, здесь неточные данные, что рабочие захватывали сами предприятия. Для меня это было полной неожиданностью. Ведь Ленин в работе «Что делать» говорил партии не сближаться с рабочими, поскольку среди них существуют хаотические настроения.

А.Н. Ерыгин: К 1917 году эту работу закрыли, если вообще знали.

В.Ю. Попов: В 1917 году Ленин написал работу «Государство и революция», в которой именно эту практику рабочих приветствовал. Но этому произведению предшествовала дискуссия Ленина с Люксембург, Коллонтай, которые говорили, что не нужно относиться к рабочим как к массам...

В.П. Макаренко: Подожди, Вадим, ты путаешь. Ты сейчас ссылаешься на работу «Государство и революция», а дискуссия с Коллонтай и ей подобными была в 1920-х годах, при жизни Ленина. Люксембург к тому времени уже не было. Правда, оставалась кобыла Роза Люксембург, но и то в виде героини романа Андрея Платонова (*общий смех*).

В.Ю. Попов: Я говорю о том, что Люксембург написала работу про профсоюзы и стачки, где она говорит, что нельзя относиться к рабочим так, как относился к ним Ленин, то есть как к массе. У Ленина была четкая установка: что мы наверху сидим и контролируем власть.

В.П. Макаренко: Нет, это ты упрощаешь...

С.А. Денисов: Заводы захватывались, другое дело, что это была иллюзия! Я хочу обратить внимание, что мы никогда не поймем, что хотел этот класс, то есть элита. Когда я пришел в 20 лет в милицию, у меня не было стремлений, у меня был инстинкт власти. Когда Ленин захватил власть, неясно, хотел ли он пользу стране принести?! Но инстинкт власти у него был мощный. Никто не думал, что большевики долго продержатся у власти. А они создали мощную структуру, мощный госаппарат, мощную армию восстановили вопреки всем своим обещаниям, и удержали власть.

В.А. Шкуратов. Советский Союз как параллельная языковая реальность.

Коллеги, я психолог, а происходящее дает пищу для размышлений. В немецком языке существует разделение между *Erleben* и *Vergangenheit*, «проживаемым» и «прошлым». Мы здесь проживаем, но не можем отделиться от некоего прошлого, не можем сделать его прошлым. Ещё один немецкий термин *Durcharbeitung*, проработка, является психоаналитическим. Это термин Фрейда. Здесь идет речь о том, что существует некий избыток комплексов, кото-

рый непрерывно воспроизводится. Задача психоаналитика состоит в том, чтобы заставить пациента «отреагировать» — проговорить, а затем выйти из цикла непрерывных повторений, за которыми стоит некий комплекс — перегруженность аффектами нашего опыта. Этот метод применяется к индивидуальным пациентам. Но какая-то модель психоаналитического реагирования применяется и к обществу. Я буду говорить не о клиотерапии, хотя клиотерапия это тоже терапия. В целом исторические концепты двусторонни: они травмируют или наоборот. Я буду говорить о том, что выражается в языке. то есть об СССР как параллельной языковой реальности, но слово «реальность» буду употреблять не по Марксу, а по Жаку Лакану. А реальность там самая непонятная: «-само». Это такой психический регистр, который все имеют в виду, но вкладывают совершенно разные смыслы.

Советский Союз имеет значение как территория и как государство, но порождаемые нашим языком смыслы диверсифицированы. Психоаналитик стал бы анализировать конкретный опыт индивида, но поскольку я не психоаналитик, а занимался историей психологии, то перейду к схемам реагирования и комплексам, которые имеют более универсальный характер.

Здесь необходима двойная оптика: есть языковые средства, которые подходят для проработки современности; есть такие же языковые средства для отражения наших комплексов в плане антисовременности. Это два проблемных дискурса. Поэтому оптика получается объемной. Что такое наши современные дискурсы? Это достаточно понятно. А вот что такое наши несовременностные дискурсы? Я на этом и остановлюсь. Я их назову просто и банально: это Средневековье. Советский Союз как параллельная языковая реальность есть средневековье. Что я понимаю под средневековьем? Это антропокультурная, а не социоэкономическая формация. Она дуалистична. В ней существует верх, жесткий идеологический верх религиозного или квазирелигиозного характера. И в ней существует низ. А низ — он народный, это тело. Он отчасти фольклорный, карнавальный. Они сообщаются, но все же весьма жестко разделены.

В.П. Макаренко (*обращаясь к В.А. Шкуратову*): Володя, я смотрел на тебя, вспоминал-вспоминал, на кого ты похож. Наконец, вспомнил — на Бальмонта.

В.А. Шкуратов: Спасибо! Но я вспоминаю Бахтина. И перейду к персоналиям, но начну не с Бахтина, а с Люсьена Февра, одного из основоположников истории ментальности, и его знаменитой книги «Проблема неверия в XVI веке». Там он описывает все феномены карнавальной культуры, но интересно, как он их описывает. Он их описывает как современный человек. Говорит, что средневековую ментальность нам до конца не понять. Она в себе. Мы можем отчасти её описывать, до конца она непонятна. Потому что у них иные физиологические условия, иной образ жизни, а мы современные люди. Вот это очень интересно. Книга Февра вышла в свет в Париже, в 1942 году. Условия не самые комфортные.

В.П. Макаренко: Я верно тебя понимаю: книга Февра вышла позже, чем свои концепции сконструировал Бахтин?

В.А. Шкуратов: Нет, Февр написал её раньше.

В.П. Макаренко: Ну да, в 1930-е годы он её писал.

В.А. Шкуратов: Да, а вышла она в 1942-м году в Париже. Он подходит к средневековью со стороны либерального европейца XX века. А теперь обращаюсь к Бахтину. В его книге «Франсуа Рабле и народная культура Средневековья и Ренессанса» критике Февра посвящено 5 страниц. Бахтин утверждает, что Февр ничего не понял, не понял, кто такой средневековый человек. Бахтин не говорит, почему у него сложился такой вывод, но вполне понятно, откуда он берет свои аргументы. Бахтин живет в советском средневековье. Его книжка полна таких аллюзий.

В.П. Макаренко: Да, это верно.

В.А. Шкуратов: Там содержится описание празднование праздника первого мая 1262 года в городе Аррасе. Каков этот праздник? Сначала проходит торжественное заседание, то

есть, звонит колокол, прихожане с серьезными лицами идут в церковь, слушают проповедь. Потом народ расходится по более интересным местам. К вечеру всем уже хорошо: кто шатается, кто упал под стол, кто лежит в канаве. Начальство сняло свои облачения и тоже пирует в своих кельях и кабинетах. Безусловно, это аллюзия советских праздников. Несомненное сходство. Но что интересно: Бахтину достаточно хорошо в этом обществе. Хотя он гоним советской властью, он калека, он голодал, но постоянно обличал Февра с позиции цивилизованного человека XX века. За то, что тот не понял свободу, которую скрывает данное общество. А у Бахтина есть свой «фольклорный» низ. Он туда уходит, он в нем скрывается.

Теперь перехожу ещё к одному персонажу. Вот Николай Александрович Бердяев и его работа «Новое средневековье», опубликованная в 1924 году. В ней описан православный синдикализм и итальянский фашизм как главная движущая сила Европы. Интересно отношение Бердяева к Европе и к покинутой Родине. Европа ему активно не нравится. Для него слово «демократия» ругательное. Понятное дело, большевизм ему тоже не нравится, но он ему более близок. Бердяев прямо так и говорит: России суждено место в новом сражении между дьяволом и архангелом Бога. Ему нравится, что Россия получила некое эсхатологическое место в истории, ему нравится Средневековье. Он так и говорит, что современности конец, и это очень хорошо, потому что современность — это разложение человечества. Почему большевизм кажется ему более родственным, чем западная демократия? Потому что он находится в одних координатах со способом мысли Бердяева. Большевизм он называет сатанократией и правлением дьявола. Но дьявол будет справлять эту последнюю битву попушением Бога, и поэтому они находятся с Богом в одних координатах.

Бердяеву очень не нравится язык науки. Он считает язык рационалистической психологии признаком упадка мышления. Если взять вертикальную аксиологию, то вертикаль «верх — середина — низ» не современная, она платоно — аристотельско — птолемеева. Бердяев откровенно говорит, что оккультные науки ему ближе, чем современные. И в этой аксиологии выражена позиция естественного человека, его взгляд на мир. Верх-низ-середина; вверху — бог, внизу — ад, посередине — человек, который является полем сражения между Богом и дьяволом. А в современной картине мира этой аксиологии не может быть, потому что совершенно бессмысленно спорить, что выше: земля или солнце. Бердяев видит, как эта средняя точка на древе мира вытягивается и превращается в горизонталь. То есть, человеческий взгляд на мир секуляризируется, становится практичным, избавляется от аксиологии — и Бердяеву это чрезвычайно не нравится.

Теперь перехожу к третьей части моего сообщения: почему в России так получается? Почему в России средневековая картина мира (т.е. определенный комплекс) оказывается устойчивой? Может, я скажу здесь еретическую вещь, но с моей точки зрения Россия опоздала к столу раздачи научных дискурсов.

В.П. Макаренко: Это аллюзия на Ленина, в ранней работе он писал, что Германия слишком поздно села за стол капиталистических яств.

В.А. Шкуратов: Нет, извините, я не по Ленину.

В.П. Макаренко: А кто тогда? Это цитата из Ленина.

В.А. Шкуратов: Я говорю о научно-языковых средствах, а не о капитализме.

В.П. Макаренко: Ну, хорошо, извини.

В.А. Шкуратов: С моей точки зрения, так называемый научный объективный язык науки является национальным языком Запада. Наука, какой она сформировалась в Новое Время, естественно имеет национальное происхождение. А России достался замечательный кусок литературного пирога. Но поскольку российские приоритеты и амбиции, геополитические и культурные, были столь велики, то наши идеологи стали отстаивать наши русские приоритеты в области этих самых дискурсивных средств. Это отзывается до сих пор. Но видимо, русскому человеку и России следует примириться с тем, что писать статьи по физике или химии лучше все-таки на английском. Знаете, у меня есть знакомые, такие совершенно вестернизи-

рованные русские, которые живут на Западе. Я слышал от них такие вещи, что не хочу я писать статью по-русски, это такой расплывчатый язык...

В.П. Макаренко: Все европейцы так говорят...

В.А. Шкуратов: Да, английский получается значительно лучше. Но это касается естественных наук. Гуманитарные — совершенно другое дело. Потому что гуманитарный язык исходит из национальных смыслов. И эти смыслы преодолеть нельзя. Если мы их выдавим, то гуманитарная наука вообще исчезает. Возникает острая антиномия: то ли нам лишаться своей национальной идентичности в гуманитарной области (а гуманитарность, естественно, поддерживает идентичность), то ли нам входить в некоторую общую струю. Естественно, я очень люблю могучий и великий русский язык, но, повторяю, этот великий и могучий язык постоянно насыщает нас некими аффектами. Он в своем существе является средневековым. На этом я закончу.

Ю.С. Пивоваров: Я с восхищением прослушал Ваш доклад. И вот что хочу сказать: работа Бердяева «Новое средневековье», как и «Философия неравенства» — это для него работа проходная, не мейнстримная. Бердяев в вашем изображении представлен в период запоя, ну, запил человек, а потом снова стал трезвенником, в семью вернулся. В этот период он в Москве голодал, ему тяжело было. В этот момент все писали. Кончилась война в стране революция, разруха, ему казалось, что всё кончилось, потом, когда он во Франции оказался, всё стало нормально, стал писать нормальные вещи. Стал там очень модным, популярным, как Маяковский в советской поэзии, так и он стал представителем религиозной философии, его везде приглашали, всё было хорошо.

В.А. Шкуратов: Я думаю, его не очень хорошо понимали, его принимали за экзистенциалиста

Ю.С. Пивоваров: Он сам себя таким считал, он считал себя персоналистом. Поэтому я думаю, что эта часть Бердяева общенародная, понимаемая. Теперь по поводу ваших друзей, которые не хотят писать по-русски, поскольку русский язык такой-сякой. Я вот о чем подумал: о чем могут писать физики и математики? Там слов нет, там одни формулы. Они одинаковы для всех, пизоны они просто. Во-вторых: как они могут, живя на Западе, писать по-русски? Они же в западные журналы пишут.

В.А. Шкуратов: Нет, они пишут для русских журналов.

Ю.С. Пивоваров: Для русских... Я могу сказать, что я не имею естественно — научного образования, но я абсолютно точно знаю, что, например, все наши журналы, которые издает издательство «Наука», со страшной силой популярны в Америке. Теперь относительно того, что у нас язык средневековый. Я думаю, это не так. Если бы здесь были филологи, они бы Вам тоже сказали, что это не так. Что русский язык является современным со времен Карамзина. Этот язык дает нам возможность создавать не только литературу, но и выражать свою мысль на общественно-политические темы. Что мне показалось очень ценным в Вашем докладе — это конец, когда вы сказали, что проблема России заключается в том, что она пользуется прежде всего социальными науками, наработками Запада. А эти наработки являются способом самопознания. При переносе на неевропейскую почву возникает проблема, но это не значит, что она нерешаема. Например: в свое время некто по фамилии Кузен написал человеку по имени Гегель письмо с вопросом: нельзя ли вашу философию изложить попроще, покороче и по-французски? Гегель ответил: нет, нельзя попроще, покороче и по-французски.

Смотрим на XX век... И ничего. Французские философы, которых вы знаете в сто раз лучше меня, стали писать так, что уже немцы повесили нос, не знали, что делать... То есть, Франция в XX столетии взяла реванш у немецкой философии. В таком же смысле можно говорить о России. Русский язык — это один из европейских индоязыков, прошедших ту же самую школу модернизации и осовременивания, что и все современные языки. Я вообще думаю, что язык — это единственное (в отличие от нефти и газа) богатство, которое мы уже ни-

когда не потеряем. Я не знаю ни одной нации, которая бы не потеряла свой великий и современный язык.

В.А. Шкуратов: Ну, русская литература, да...

Ю.С. Пивоваров: Я думаю, не только русская литература, но и русская гуманитарная наука. Вот вы всё время упоминали Ключевского. Это участь абсолютно всех историков мирового уровня, который создал специальный язык для исторического дискурса. Язык, который ничем не уступает своим современникам из Германии и Франции. Я не думаю, что Россия — страна какого-то запоздавшего развития, что она отсталая, что советская власть была подобием Средневековья. Мне кажется, это красивые и очень абстрактные представления о том, чем она была. Она была совершенно другой. Это прорыв, а не отступление назад и не уход из истории. Это новое, невероятно сложное, пока что ещё всеми нами не понятое явление. А если сказать, что это своеобразный рецидив Средневековья, в какой-то персоналистской отставшей стране, то тогда и говорить не о чем, потому что ничего иного быть не может. Это был разрыв с прошлым, полный разрыв. А то, что были некоторые моменты воспроизведены — они всегда воспроизводятся всеми обществами. Есть концепция политической культуры, и она показывает, что в любом обществе, кроме американского и английского, процентов 10 языка XVII–XVIII веков. Я думаю, ваша концепция очень красива, что ее стоит взять на вооружение и поучиться. Но вот, например, историк рядом сидит, он видит совершенно по-другому. Я понимаю, что наши видения дополняют и обогащают друг друга.

В.А. Шкуратов: Юрий Сергеевич, во-первых, оптика двойная: я Вам представил один план, во-вторых — современность. Но я просто о ней не говорил. Теперь эта схема имеет терапевтическую функцию, речь идет не об объективности, а о некотором нашем внутреннем мире. Но я Вам по поводу немецкой и французской философии всё-таки возражу: у меня есть такая привычка: я читаю время от времени «Критику чистого разума» Канта...

В.П. Макаренко: В качестве молитвенника? Каждый день?

В.А. Шкуратов: Да, но не всё время. Сначала я читал в переводе Лосского, а когда вышел двухтомник, параллельный текст, изданный Институтом философии РАН, проблемы снялись сами собой. Я её стал читать и по-немецки. И знаете, там есть места в «Трансцендентальной дедукции чистых понятий», где ОДНО предложение по 200 слов. Но русский переводчик с такими предложениями не справляется, он начинает эти слова терять...

В.П. Макаренко: Делить?

В.А. Шкуратов: Да, просто членить. Англоязычный переводчик тем более не справляется. И если мы почитаем англо-американское кантоведение, то там Кант очень понятен. Понимаете, это же дайджест...

В.П. Макаренко: Дайджест?

В.А. Шкуратов: Да, когда вы начинаете осиливать его на его же языке, возникает вопрос: что это такое вообще? Потому что по нормальным правилам ксенолингвистики предложение в 200 слов не может быть. Там нарушаются все правила сложного высказывания. Субъекты, предикаты, всё такое. Я придерживаюсь своей версии, ее Герцен высказал, по моему неправильно. Что Сартр — это всё-таки лирически-философская эссеистика. Это не систематизированная мысль, которую вы найдете у Канта. У Гегеля сложное построение некоторых мыслительных конструкций. А вот английская аналитическая философия... Виктор Павлович ее хорошо знает, это такая комбинаторика.

А.Н. Ерыгин: Я продолжу то, о чем сказал Юрий Сергеевич. Я в целом придерживаюсь той же позиции в оценке советской власти, которую он высказал. Россия времен Советского Союза — это не традиция. Это модерн, а какой модерн — это другой вопрос. Теперь о параллели немецкой и русской философии. Относительно Канта и Гегеля могу сказать, что тоже пользуюсь тем же самым переводом, и также заметил несоответствие переводов. Но если эту разницу повести дальше, например, сравнить классический перевод «Пролегемонов» В. Соловьева с переводом Лосского, то не надо выстраивать наших с вами

собственных дополнений к тому, как обстояло дело у настоящего Канта. Перевод В. Соловьева — это блестящий текст, который читается на одном дыхании, как и тексты самого Соловьева, несмотря на то, что это всё же перевод Канта. Что касается Лосского: возьмите любую его работу: их же читать невозможно! Лосева тоже читать невозможно! Николай Ануфриевич был, конечно, хорошим мыслителем по существу дела, но писал он, как и многие наши философы, очень тяжело. Отсюда и перевод «Критики чистого разума».

Теперь второй момент: возьмите «Науку логики» Гегеля, которая считается зубодробительным упражнением для любого даже на русском языке. Но стоит взять её на немецком, как ситуация сразу меняется. Предложения короткие, в отличие от того, что вы говорите, нормальная речь, которая легко понимается. Элементарные формулы, элементарные тезисы. Переводчик наворотил так, что трудно себе представить. Возьмите «Лекции по философии истории», наши общие, так сказать, забавы времен 1960-х годов. Где ещё можно придумать более жуткий перевод, чем тот, которым мы обладаем? Если взять подлинники этих лекций, то совершенно нормальный текст, кроме некоторых случаев, лекция есть лекция. Но они элементарно прочитываются. Когда читаешь наш сегодняшний перевод «Философии истории» — просто диву даешься: тот ли это Гегель, который писал «Науку логики»?!

Теперь по существу языков. Я поддерживаю высказанную в общих чертах точку зрения Юрия Сергеевича. Но не потому, что это он высказал, она существенно отражает положение дел. Давайте возьмем концепцию Петрова: мы начинали семинар с доклада, который представил Виктор Павлович. Если в представленную им концепцию добавить элемент, касающийся самой языковой реальности, на которой существует наука, то мы обнаруживаем совершенно четкий, зафиксированный на фактах, хорошо проверяемый вывод: наука держится не на современных языках, а на греческом и латыни. И кризис современной парадигмы науки как раз с этим и связан. Мы разбежались по разным дорогам. Вот эта ситуация и рождает кризис, который Гуссерль искал в других причинах. Но оба они выходят на одно и то же. Крах единого глобального феномена науки — это факт, который никуда не денешь. По Петрову, он связан он с языковыми реалиями.

Теперь по поводу английского языка. Здесь доля правды у Юрия Сергеевича есть. Я думаю, он согласится: скорее, ребята играют. Это больше всего напоминает игру элитных, вырвавшихся вперед ученых. Настоящая наука и философия существуют на том же языке, на котором человек родился и мыслит. Есть поистине уникальные случаи, когда двуязычие становится нормой. Но всё равно, как бы ни был гениален человек, он мыслит на своем родном, национальном языке. Прав Юрий Сергеевич во второй части: какой бы не была основа, пусть даже англоязычная, но в классических языках науки (французском, итальянском, русском, немецком) она уравнивает эту ситуацию. И англоязычные основы спокойно соединяются с этими вещами. Поэтому я думаю, эта поправка была хорошей.

Ю.С. Пивоваров: Скажу несколько слов в подтверждение того, что говорил. Я дважды участвовал в проектах перевода очень сложных текстов. Есть работа крупнейшего юриста XX столетия Ганса Кельсена «Чистая теория правды». Он неокантианец, а для юриста XX века это всё равно, что работы Канта. Я участвовал в её переводе на русский язык. Для того чтобы перевести, нам пришлось создать новый русский юридический язык. Кельсен был австрийским евреем, затем эмигрировал в Штаты. Там под его руководством группа американских юристов, хорошо знавших немецкий язык, пыталась перевести. Не получилось потому, что русский язык находится в системе континентального права. И второй опыт перевода — я переводил Карла Шмита, государствоведа Третьего Рейха. Это гениальный человек, типа Хайдеггера. Шмитт, как и Хайдеггер, придумал свой политический язык, которого не только не было ни на одном языке, его не было и по-немецки. Поэтому я сначала должен был долгие месяцы консультироваться с немцами, чтобы они мне объяснили, что это по-немецки означает. Я сделал перевод на тройку. Гениально перевел Шмитта Филиппов, известный московский социолог. Он смог перевести этого даже для немцев плохо понятного Карла Шмитта

на русский путем создания нового русского политико-философского языка. Но переводы Шмитта на английский тоже не пошли, поскольку русская традиция находится в рамках немецкой традиции. То есть, здесь проблемой оказывается не только язык. Русские и немцы намного ближе в этом плане (потому что мы шли за немцами и учились), чем англосаксы, у которых самостоятельная традиция.

В.А. Шкуратов: Юрий Сергеевич, немецкий и русский — это рефлексивные языки, а английский и французский — аналитические.

Ю.С. Пивоваров: Я согласен!

А.Н. Ерыгин: Да, совершенно верно!

В.П. Макаренко: Вставлю тоже реплику. Мы три недели назад обсуждали перевод проблем политической философии и возникли такие же сюрпризы. Прозвучавший сейчас мотив вынуждает поразмыслить: может быть, нам устроить семинар, в котором обсуждать дельные предложения Александра Николаевича, Юрия Сергеевича, Владимира Александровича? Может быть, начать не с общей проблемы, а на основе переводов конкретного источника?

В.А. Шкуратов: Знаешь, ведь *транслейшенс стадиес* может оказаться нам не по зубам...

В.П. Макаренко: Вот уже второй раз в течение месяца возникает эта тема. У нескольких человек, здесь присутствующих, уже есть опыт перевода на русский работ закордонных коллег. Вырисовывается какой-то микроколледж. Спасибо за подсказку участникам сегодняшней дискуссии.

Н.А. Мининков. О проекте введения исторического единомыслия

Прежде всего хочу поблагодарить организаторов за возможность выступить на этой конференции, а также всех докладчиков, особенно наших гостей, за очень интересные доклады. В отношении своего доклада скажу: у меня будут кое-какие переключки с тем, что говорила Ирина Игоревна. Разве что с большим уклоном в сторону в такую проблему, которая сейчас приобретает значительное общественное звучание: школьное образование.

Еще со времен М.Е. Салтыкова-Щедрина (некоторые произведения его ныне признаны частью чиновников от образования вредными и опасными для молодого поколения граждан нашей страны) известно, что если начальство озаботилось о патриотизме народа, а также, можно добавить, о его нравственности, духовности и тому подобных высоких материях — «значит, проворовалось».

Подобная забота за последние годы наблюдается постоянно, причем идет рука об руку с нарастающим валом известий о воровстве и коррупции, в том числе на самых верхах властной вертикали, принявших невиданные размеры даже для много повидавшего за тысячу с лишним лет нашего отечества. Наглядным выражением такой заботы стало внедрение в школьное образование «Основ православной культуры», при том, что такая дисциплина, как астрономия, «сокращенная» два десятка лет назад, так и не нашла своего места в современной российской средней школе. Позднейшим из таких выражений стало стремление внести коррективы в курс русской литературы. В частности, это относится к объявленным нежелательными для школьной программы произведениям. К ним отнесены «Письмо к Гоголю» В.Г. Белинского, а также «Отцы и дети» И.С. Тургенева, под сомнение поставлены «Гроза» А.Н. Островского и «Анна Каренина» Л.Н. Толстого, или такие произведения, без знания которых трудно было бы представить некоторые существенные черты истории и культуры России XIX-XX вв.

Несколько ранее была поставлена задача создания нового и единого для всей страны учебника истории. Такой единый учебник в качестве сути российского исторического процесса должен был выставлять последовательное формирование и развитие государства. В результате изложение должно строиться в соответствии с единой концепцией, при тесной взаи-

мосвязи всех этапов его развития. Кроме того, в нем должно не допускаться внутренних противоречий и оснований для двойных толкований. И, пожалуй, самое главное, что этот учебник должен быть проникнут уважением ко всем страницам нашего прошлого. Такого учебника еще нет. Однако прообраз его в прошлом году появился, он представляет собой учебник для учителей истории, созданный авторским коллективом под руководством В.Э. Шириянца и научного редактора С.С. Сулакшина. По своей структуре данное произведение делится на главы, соответствующие основным этапам отечественной истории. В свою очередь, каждая из глав делится на несколько разделов, в которых переплетен объяснительный и фактический материал. Не обошлось без освещения некоторых вопросов историографии. В заключительной части глав — особый раздел «Осторожно, россияефобия».

Все эти разделы присутствуют в главах шестой — восьмой, относящихся к истории России XVI-XVII вв. Вся шестая глава посвящена истории царствования Ивана Грозного, причем сам царь оказался в центре внимания авторов. По-видимому, подобное построение главы было бы уместно не в стандартном учебнике по отечественной истории, но в литературе, которая историю страны дает через историческую биографию ее царей, императоров и вообще носителей высшей власти. Однако такое построение главы дала авторам возможность сформировать такую направленность главы, которая ставит своей задачей не изложение и анализ фактического материала, но полемику, причем не с научными оппонентами, но с идеологическими противниками.

В историографической части шестой главы, посвященной Ивану Грозному, это в полной мере проявилось. Оказывается, что в отечественной историографии, по неуклюжему авторскому выражению, уже «с начала XIX в. сложился едва ли не антигрозненский пасквиль». Авторы, наверное, не ведают, что самая резкая критика Ивана Грозного имела место до XIX в. и содержится в труде князя М.М. Щербатова «История Российская с древнейших времен». Истоки же этой критики лежат еще в русской исторической мысли второй половины XVI в., и были высказаны князем А.М. Курбским. Таким образом, еще до Н.М. Карамзина традиция негативного отношения к первому русскому царю уже существовала. Но продолжение этой традиции в исторической мысли России после смерти выдающегося историографа авторами объясняется воздействием его труда «История государства Российского». Совершенно очевидно, что такое объяснение сложных процессов в развитии отечественной историографии выглядит более чем примитивным. Но далее — еще больше. Негативное отношение к царю авторами объясняется тем, что XIX в. был временем «популярности идей конституционализма». Связь между критикой Ивана Грозного и этими идеями весьма сомнительна, поскольку критическое отношение к этому царю высказывали далеко не только те, кто стремился к введению в России конституционного строя. При этом вовсе не только в дореволюционной, но и в советской историографии, а также в современной, такая негативная оценка, и в первую очередь опричнины, также имела и имеет самое широкое распространение. В том числе она содержится и в той литературе, которая приведена в списке из конца главы. В этой связи негативное восприятие Ивана Грозного вполне органично для отечественной исторической мысли, для русской культуры вообще, тогда как апология этого царя является маргинальным ее направлением, в котором удивительно видеть такую личность, как К.Д. Кавелин. В доказательство же органичности апологии Ивана Грозного для русской культуры авторами утверждается, что царь «в народной памяти» почитался «в качестве святого». В самом деле, в русском фольклоре имеет место положительное восприятие царя и некоторых его деяний, в том числе в фольклоре донских казаков. Но речь шла в фольклоре вовсе не о его святости, идея эта носит скорее не народный, но церковный характер. В то же время к народной культуре относится также самое суровое осуждение «царя-собаки» с его «кромешниками» и «злодеем Малютой Скурлатовичем», что имеет место в русском фольклоре. Однако об этом авторами не упоминается. Зато приводится утверждение, приправленное для придания наукообразности специальной терминологией, что в будущем «такой же индикативной фигурой

в столкновении западнической и почвеннической парадигм станет И.В. Сталин». В таком случае совершенно очевидно, что апология московского средневекового тирана нужна авторам для обоснования апологии советского диктатора новейшего времени, оставившего страну с атомной бомбой. Но еще, кроме того, и с голодающей деревней, с возрождением крепостничества в его колхозной форме, с низким уровнем жизни населения, с огромным количеством заключенных, с железным занавесом, отделявшим народ от цивилизованного мира. В этом идеологическая направленность историографического экскурса. Но в нем нет ничего от научного анализа действительного развития исторической науки, в том числе историографии эпохи Ивана Грозного.

Авторы исходят из того, что «дифференциация на опричные и земские владения носила формальный характер, но она отражала факт существования идеи о нетождественности понятий «государство» и «государственное». А потому о вотчинной природе российского государства не могло идти речи». Почему из посылки о «нетождественности понятий» делается вывод об отсутствии в России времени Ивана Грозного состояния вотчинного государства, совершенно не ясно. Утверждения В.О. Ключевского в 43 лекции «Курса русской истории», Г.В. Плеханова в «Истории русской общественной мысли», современного исследователя И.П. Ермолаева в монографии «Становление Российского самодержавия. Историк и условия его формирования: Взгляд на проблему» (Казань, 2004) о существовании в России вотчинного государства значительно более убедительны, чем обратное и невнятное утверждение в учебнике. Как отмечал И.П. Ермолаев, в Московском государстве «вотчинный правитель просто-напросто не признает за подданными этого права и считает их не субъектами, не гражданами общества, а вполне зависимыми от государства (т. е. фактически от него) единицами, „винтиками“ государственного организма». Заявляя: «В вотчинном государстве нет ни официальных ограничений политической власти, ни законопроявия, ни личных свобод, т. е., фигурально говоря, это более «деспотическое государство, чем сама «деспотия»», И.П. Ермолаев поддержал мысль Г.В. Плеханова. По словам И.П. Ермолаева, понятие «вотчинный режим» лучше всего определяет тот политический строй, который сложился в России к концу XV в. и определил ее развитие в XVI, XVII и последующих столетиях». Взгляд с позиций существования в России времен Ивана Грозного неизжитых традиций вотчинного государства значительно больше дает для понимания особенностей устройства власти и взаимоотношений ее с разными слоями населения, чем бездоказательное отрицание вотчинного государства, как это делается в учебнике.

Столь же неясно даются демографические показатели, относящиеся к оценке численности населения России. Утверждается, что «к концу XVI века население Московского царства насчитывало 9 млн. человек. Причем основная часть населения была сосредоточена на северо-западе (Новгород) и в центре (Москва) страны». Это не дает представления о процессах, имевших место в демографии этого столетия и свидетельствующих об общих тенденциях в развитии России. Так, в первой половине XVI в. действительно имело место экономическое развитие страны и рост ее населения. Однако с последней четверти столетия обозначился экономический кризис, который, начиная с исследований Н.А. Рожкова, признается как очень глубокий. В пособии упоминается об этом кризисе, правда, очень вскользь и в следующей, седьмой, главе, посвященной Смутному времени. Но и при этом прослеживается стремление оправдать царя. «Темп, взятый Иваном Грозным, оказался слишком стремительным для Московского государства», — написано в учебнике. Иначе говоря, Грозный царь хотел блага для своей страны, но только лишь не рассчитал ее возможностей. При этом ни слова нет ни об известном в историографии «запустении Центра и Северо-Запада», ни, тем более, о не менее известном опричном погроме Новгорода в январе 1570 г. Без серьезной характеристики экономического кризиса и демографического запустения в стране этого времени невозможно правильно понять процессы, которые привели к Смуте. И политика Ивана Грозного, который вел двадцатипятилетнюю Ливонскую войну, прямо вела к уходу населения из наиболее раз-

витых территорий страны от постоянно возраставшего податного гнета, что вполне прослежено в историографии. Также она вела к росту населения на южной окраине, а к концу века и рядов донского казачества, по существу, того самого населения, которое приняло в событиях Смуты самое активное участие. Но связь между политикой Ивана Грозного и Смутой в учебнике не отражена.

Удивительным представляется построение восьмой главы, посвященной истории России XVII в. Видно это начиная с самой ее формулировки: «Русский религиозный раскол и Московское царство XVII столетия». Конечно же, сама по себе церковная реформа в царствование Алексея Михайловича, проводившаяся царем вместе с патриархом Никоном, а также раскол как реакция на нее были и в самом деле исключительно значимыми социокультурными явлениями не только второй половины этого столетия, но и последующего времени. Вместе с тем сводить все богатство внутренней и международной жизни страны к расколу совершенно неправильно, поскольку не дает представления об этом богатстве.

Так, за пределами авторского внимания оказался период царствования Михаила Романа, когда происходили некоторые важные процессы, которым в историографии традиционно и вполне правомерно уделяется значительное внимание. Это процессы экономического развития, с которыми был связан выход из кризиса, тянувшегося с последнего периода царствования Ивана Грозного. Также это был период, когда нарастали социальные противоречия, и особенно в городах, между посадским населением черных и белых слобод, что послужит в первые годы царствования Алексея важнейшей причиной городских восстаний. Это также кризисное состояние войска, которое потребовало уже после неудачной Смоленской войны 1632–1634 гг. создавать полки нового строя. Это также нарастание кризиса податной системы, основанной на сошном письме, что вело к поискам выхода из этого кризиса путем введения в тридцатых годах «живущей четверти», а с 1679 г. замену сохи подворным обложением. Упомянуто о продвижении русских землепроходцев в Сибирь, что за первую половину XVII в. было заметным явлением в жизни страны. Имеется при этом самый краткий очерк о С. Дежнев, деятельность которого протекала при царях Михаиле и Алексее. Но из него о подвиге выдающегося землепроходца почти ничего узнать нельзя, несмотря на существование литературы о нем. Зато есть фраза о том, что «нашлись инициативные люди, взявшие великую миссию расширения на Восток границ православной цивилизации в свои руки». Это совершенный нонсенс, если иметь в виду, что к мотивам, которые двигали продвижение казаков-землепроходцев в Сибирь, подобное совершенно не относилось, и о православии и его продвижении думали они менее всего. В то же время нет экономического и социокультурного анализа предпосылок продвижения их на восток, хотя на эту тему существует литература. Ничего нет о положении на южной окраине страны и на ее южных рубежах, что во многом определяло общее ее положение и стало одной из причин поражения в Смоленской войне. Это оборона южной окраины от крымских татар, а в дальнейшем строительство Белгородской черты, кроме общего упоминания о ней, а еще позже, в конце XVII в., Изюмской черты. Ничего нет также о героической борьбе донских казаков за Азов и об Азовском осаде 1641 г.

Более тщательно и подробно рассмотрены явления времени царствования Алексея Михайловича. В то же время обращает на себя внимание отсутствие упоминания о том, что в его царствование произошло завершение процесса юридического оформления крепостного права, что выразилось в главе 11 «Суд о крестьянх» Уложения 1649 г. Между тем, это сказалось не только на положении крестьян. Необходимость сыска беглых вызвала изменения в судебной и розыскной системе. Однако в седьмой главе авторы упоминали крепостное право. При этом справедливо подчеркивалось: «Крепостничество, само по себе, вряд ли возможно было номинировать в качестве национальной ценности». В этом правильном заявлении диссонансом выглядит только оговорка «вряд ли». Более верной была бы другая оговорка — «несомненно». Но далее следует вдохновенный гимн авторов тому же крепостничеству: «надо по-

нимать, что его установление определялось объективной необходимостью государственного существования. Государству нужен был воин и налогоплательщик, механизм рекрутинга которых и предоставляло собой крепостное право». С одной стороны, правильно, поскольку и в самом деле крепостное право крестьян и вообще всеобщее закрепощение сословий было условием существования государства в России. Это признавали и основоположники указной теории формирования крепостного права, и исследователи конца XX в. В.Б. Кобрин и А.Л. Юрганов, ставившие вопрос о цене за объединение, которое пришлось заплатить русскому обществу и проводившие мысль, что негативные последствия объединения русских земель были очень значительны. Но, с другой стороны, государство как ценность стоит для авторов на несравненно большей высоте, чем свобода в качестве ценности. Отсюда такое объяснение ими крепостничества, которое выдержано в духе его апологии. Оно соответствует аргументации чиновников, выступавших против отмены крепостного права.

Авторы уделили значительное внимание связи между расколом и Разинским восстанием. Конечно же, выявлять влияние раскола на это крупнейшее в России XVII в. народное восстание необходимо. Но значительно важнее выявить связь между полным закрепощением крестьян и этим восстанием, о ходе и развитии которого в учебнике вообще содержится слишком мало сведений, так же, как и о богатейшей историографии восстания, хотя в его изучении за последние два десятка лет обозначились принципиально новые подходы. Если же брать только старообрядческие мотивы Разинского восстания, то сущность и характер этого события понять будет невозможно. Известно также, что С. Разин посещал Соловецкий монастырь. Но судить на этом основании о связях между восставшими и соловецкими старцами невозможно, нет для этого сведений. Несомненно, что на восстание значительно большее влияние оказывал не далекий Соловецкий монастырь, а обстановка на Дону, сложившаяся к шестидесятым годам. Но об этом, как и об изменениях в положении донского казачества, в учебнике ничего нет.

Вызывает удивление, что положение об отсталости России от западноевропейских стран в раннее новое время вообще отнесено в раздел «Осторожно, россиефобия». Известно, что это положение очень широко распространено в отечественной историографии, в российской общественной мысли. Факт этого отставания очень хорошо осознавали современники, в том числе Петр I, для которого мотив преодоления отсталости был важнейшим движущим мотивом проведения реформ. Выходит, таким образом, что, согласно авторской логике, Петр I тоже был «россиефобом»? Еще интереснее приведенное в этом разделе доказательство отсутствия отставания. Указано на «наличие более 200 тыс. наемных рабочих на мануфактурах, транспорте и промыслах». Но не говорится о степени распространения принудительного труда, что составляло важнейшее социальное отличие русских мануфактур XVII–XVIII вв. от мануфактур в странах Западной Европы, где мануфактурная промышленность развивалась целиком и полностью на основе вольнонаемного труда. Количественный показатель, относящийся к численности вольнонаемных рабочих, может быть внушителен сам по себе. Но вне историко-экономического контекста этот показатель мало о чем говорит и не позволяет судить о сущности такого сложного явления, как характер мануфактурного производства в России, и еще более сложного — соотношение между уровнем развития России и западноевропейских стран. Впрочем, сами авторы несколько выше признают совершенно очевидный факт: «положение в российской экономике наглядно демонстрировало отставание России от передовых стран Западной Европы, гораздо раньше ставших на путь модернизации своих экономик». Это совершенно справедливо. Но тогда, выходит, что авторы сами себя зачислят в россиефобы?

Все сказанное выше не значит, что из трех глав учитель ничего не может взять для подготовки к уроку. Но ярко выраженная ориентация авторов на начала этицизма, монархизма и православной религиозности как на определяющие ценности, откровенное их антизападничество крайне обедняет содержание учебника и делает концепцию его не соответствующей

уровню современного развития исторической науке, когда они стремятся навязать человеку и обществу рассмотренной ими эпохи русской истории свое видение мира.

Еще более опасным представляется создание в духе этого учебника единого учебника для средней школы. Опыт создания такой единой учебной литературы был неудачен. Стоит вспомнить «Краткий курс истории ВКП(б)» при Сталине или единые учебники советского времени. Подобная затея привела в конечном счете к конфликту между советским обществом на последней стадии его существования и исторической наукой. В результате значительная часть общества, знакомая с исторической наукой только через подобные учебники, стала воспринимать саму историческую науку как придаток официальной идеологии, которая в тот период терпела крах. Неизбежным следствием такого положения стало то, что значительным общественным вниманием стали пользоваться далекие от исторической науки сочинения, которые в наукообразной форме несли идеи, не соответствовавшие данным науки. Поэтому начальственная затея с новым единым учебником истории может вновь привести к чему-то подобному. Историк, осознающий свою ответственность за судьбы своей науки, не может не быть обеспокоен появлением подобной затеи.

Своего читателя, российского учителя, авторы предупреждают: «Осторожно, россиефобия». При этом представляется необходимым предупредить учителя, возможного читателя этого учебника: «Осторожно, демагогия».

Ю.С. Пивоваров: Я Вам очень благодарен за доклад, потому что я заведу кафедрой в МГУ, а напротив меня находится кафедра Шириянца, Сулакшина, Якунина...

В.П. Макаренко: Я знаю, кто такой Сулакшин. И эту тройку авторов тоже знаю.

Ю.С. Пивоваров: Я должен сказать, что Сулакшину нужно обратиться к хорошему психиатру (*смех*). Это бывший депутат, но человек неопасный. Якунин и Сулакшин утверждают, что есть «Ассоциация российской политической науки». А Российскую ассоциацию политических наук, когда я был её президентом, они называли прозападной, существующей на деньги Рокфеллеров и Ротшильдов. Они создают российское политологическое общество, пытаются на якунинские деньги купить «Полис» — главный политологический журнал, поскольку у него денег нет. Они проповедует всю эту ерунду. Крупнейшие политологи уже резко выступили против этой кампании.

Н.А. Мининков: Я беру только XVI–XVII век...

Ю.С. Пивоваров: Шириянец — специалист по русской консервативной мысли второй половины XVII века. Но он в последние годы тоже с ума сошел. Видимо, потому что нерусский. И русским должен быть больше, чем этнический русский (*гул согласия*). Они с Сулакшиным составили такой дуэт, от которого трясет уже далеко не либеральный русский университет (*гул согласия*). Вещь это очень опасная, громадное влияние и громадные капиталы. Якунин — глава Российских железных дорог. И они будут все это продвигать (*гул согласия*). Вы еще вежливо и интеллигентно с ними поступили. То, что они говорят и пишут, просто бред!

Н.А. Мининков: Вот что бывает, когда историей начинает заниматься сапожник или железнодорожник!

А.Н. Ерыгин: Молодец, хорошо сказал! (*смех, реплики...*)

В.П. Макаренко: В дополнение к Юрию Сергеевичу хочу сказать: прошлым летом я прочел книжку, которую написали эти трое авторов. И озадаченно чесал затылок: стоит на это реагировать или не стоит? Потому что стиль письма целиком соответствует концепции внутреннего шпионажа как элемента бюрократического управления государством. Про это я писал детально в своих книгах. И я до сих пор раздумывал, стоит или не стоит. Большое спасибо, Николай Александрович и Юрий Сергеевич, что Вы меня вдохновляете на сочинение нового текста (*аплодисменты*). Кроме того, в последние годы создан ряд структур типа Института стратегических исследований при президенте РФ. Недавно я познакомился с людьми, там работающими, и их продукцией. Все это хуже советских агитаторов...

А.Н. Ерыгин: Дай мне пять минут, у меня одна страничка!

В.П. Макаренко: Одна страничка?..

А.Н. Ерыгин: Я взял только тезисы.

В.П. Макаренко: Хорошо, но не больше, а то народ пугается, говорит, что ты...

А.Н. Ерыгин: Нет-нет, я обычно говорю долго, но теперь буду говорить кратко!

А.Н. Ерыгин *Крах «азиатского способа производства» в России: зигзаги мысли и маскировка реальности.*

Азиатский способ производства — тема двух больших дискуссий в советской науке. Если мы желаем заняться проработкой советского прошлого всерьёз, то эта тема весьма показательная. Таков мой первый тезис.

Второй тезис: зигзаги мысли в России — тема богатая, но далекая от ясности и определенности. Она таит любопытный парадокс: я его обнаружил в 1960-е годы, во время второй дискуссии. Ее участников я узнал, будучи ещё студентом. И сделал свою первую публикацию. Она называлась «О значении исследований Плеханова для понимания сущности азиатского способа производства». С тех пор держу эту тему в сознании.

Так вот, поразительная вещь: как только кто-нибудь в советской науке начинал говорить об азиатском способе производстве вообще или о его трактовке Марксом, приводились любые примеры, но одновременно исчезал СССР и Россия. Но как только начинали говорить о взглядах Маркса на Россию, на её способы производства, на её ход движения, — исчезал азиатский способ производства. Что угодно, феодализм, первобытный строй, что угодно появляется, азиатского способа производства нет. Я подумал: с чего бы это? Плеханов мне открыл глаза: в 1918 году он закончил блестящую работу по истории русской общественной мысли. Первый огромный том посвящен способам производства, основам русской истории. Там ответ простой: азиатский способ производства и способ России (он пишет в 1919 году) продолжает существовать. Вот мой основной тезис.

Но если в 1918-м году азиатский способ производства существовал в России, то какова его судьба? Витфогель в своих работах описывает административную систему или общество с восточной деспотией и азиатским способом производства как основой этого общества. Это та же самая реальность, которая во все советские годы существовала в нашей стране. Это общество одного и того же типа. Такова загадка.

Мой ответ на нее таков: нет, это неправда, это ложь. Это ложь и в отношении нелюбимого мною азиатского способа производства и в отношении советского строя, который сформировался в 1930-е годы. Здесь далеко ходить не надо, можно сослаться на то, что говорил вчера и сегодня Юрий Сергеевич. Он сказал: перед нами Коммунистический режим-1, затем Коммунистический режим-2 и современный строй. Это один из вариантов описания советской реальности.

К этому можно добавить, что это не средневековый строй, а прорыв в будущее, это общество модерна. Тогда спрашивается: куда делся азиатский способ производства? Ответ простой: давайте не фантазировать, не придумывать за Маркса то, что он вложил в понятие азиатского способа производства. Плеханов великолепно прослеживает два критерия: 1. Сраженность промышленности и сельского хозяйства (такова характеристика примитивных обществ). 2. Отсутствие частной собственности на землю.

Маркс пишет: наличие сельских общин с этой сраженностью порождает чаще всего восточный деспотизм. Но не только. Детали сейчас меня не интересуют. Маркс писал также о крестьянах как основе, над которой возникает что-то вроде деспотизма. Но не деспотизм. Можно сравнить, сопоставить. Если мы так понимаем Маркса, ответ элементарный: в 1929 году грянул гром. Первый раз русские общины задрожали. Они устояли против Столыпина, против Советской власти, но в 29-м году начался великий перелом. За 30-е годы колхозная система уничтожила почву азиатского способа производства.

Второе: произошла индустриализация. Появилась крупная промышленность, которая оторвалась от сельского хозяйства, выбросила в города советское население и создала то совершенно новое население, которое основало совершенно новый социальный фундамент, на котором формировалась административная система нового образца.

Но для чего я здесь излагаю такие примитивные вещи? Как ни странно, мои студенты и высокобровые профессора часто путаются в простых вещах и не замечают этой простоты. Простое всегда кажется подозрительным для ученых. А вместе с тем оно открывает глаза. Вторая причина: я всё это затеял для ответа на вопрос: почему Петров написал повесть «Экзамен не состоялся», почему он так изобразил советский строй? Макаренко всё это хорошо написал, не буду повторять. Почему же в 1960-е годы Петров с такой силой пытался представить советскую Россию не просто индустриальной, городской, урбанистической страной модерна, а страной самой передовой науки? Его концепция онаучивания общества — это одна из самых мощных моделей урбанистических концепций. Эта концепция предполагала гласность и свободу. Она переродила бы наше общество, если бы утвердилась. Но человека отравили на условные Соловки. Хорошо, что Жданов приютил Петрова на наших Соловках. Петров остался живой и работал, его труды выходят, мы можем их читать.

Почему Петров считал Советскую Россию — при всех ее административных чертах — не обществом восточного типа с азиатским способом производства, а первоклассной европейской страной с огромными способностями и ужасными недостатками? Первоклассной европейской державой, которая стояла на гребне передового развития, соперничая с Соединенными Штатами и уверенно догоняя, а может быть, имея возможность перегнать их? Почему он придерживался этого взгляда? Эту загадку я оставляю здесь неразгаданной. Расскажу о ней на Петровских чтениях 30–31 мая.

В.П. Макаренко: На это я могу отреагировать украинской поговоркой: «Не дав Бог нашому теляті та й вовка зьісти». Не буду сейчас в дискуссию вступать по поводу марксовой версии азиатского способа производства, но меня удивляет: зачем ломиться в открытую дверь? Дорогой Александр Николаевич, в 1986 году В.П. Илюшечкин, известный востоковед и историк, выпустил книжку «Социальная структура и общество древнего Китая». В первом разделе этой книги он детально разобрал взгляды Маркса и Энгельса на Китай и показал, что они не являются оригинальными и целиком зависят от историографии XVIII–XIX века. Во втором разделе книги показано, что эти взгляды не соответствуют современной исторической науке. Почему ты не прочел эту книжку, прежде чем строить свою халабуду?

А.Н. Ерыгин: Отвечаю сразу, во-первых, книга лежит на полке, во-вторых, ничего там такого, о чем ты говоришь, с такой мощной силой не связано...

В.П. Макаренко: Вся теория формаций, элементом которой является азиатский способ производства, там подвергнута...

А.Н. Ерыгин: Витя, послушай, я же не делаю ответ на твой вопрос! На полке книжка у меня стоит, труды Илюшечкина знаю, это хорошие труды, но не идеальные. Я имел 5–6 минут, поэтому не ссылаюсь на авторитеты. Но главный ответ такой: Илюшечкин написал это в 1986, а я еще в 1966, будучи студентом...

В.П. Макаренко: Да ну? Тогда с ним свяжись и поспорь...

А.Н. Ерыгин: Да зачем мне спорить, с ним связываться! Был Васильев, у которого более солидные взгляды, чем у Илюшечкина!

В.П. Макаренко: Но зачем ломиться в открытую дверь?

О.Ю. Мамедов. *Проработка прошлого: советская системность против постсоветской фрагментарности.*

Уважаемые коллеги, я никогда не знал, что Александр Николаевич Ерыгин обладает таким страстным темпераментом оратора, что он сорвет мне все лавры!.. Почему же я решился выступить, хотя представляю другую область знаний, в отличие от гуманитарных? Я эконо-

мист, поэтому, может быть, будет полезен взгляд со стороны. Но если бы здесь были экономисты, они бы с ума сошли. Они бы ничего не поняли, я бы их водил сюда целыми ротами, что бы они слушали всё это. Я уже говорил нашему коллеге Кислицину, что от всех экономистов пахнет солидолом. Они бьют по колесам нашей экономики на слух. И вы видите, как она идет.

В.П. Макаренко: Они смазчики, что-ли?

О.Ю. Мамедов: Да! А между тем им надо знать то, о чем вы говорите. Если бы я по образованию не был историком, я бы ничего не понял, но я ушел в экономику. Для облегчения я вам буду демонстрировать текст, если удастся увидеть. Мне кажется, это позволяет улучшить восприятие.

Уважаемые коллеги, проработка или переработка прошлого — это фундаментальный элемент общей методологии социального знания. Благодаря которому научное общественное противостоит спекулятивному и этим отличается от него. Проработка прошлого в равной степени актуальна для экономики. Правда, она об этом не ведаёт, но для экономистов это очень актуально. Собственно, только такой проработкой занимается научное общественное знание. Которое тем самым реализует социальное познание. Самая гениальная фраза: «Мы знаем только одну науку — науку истории». В то же время эта общность не должна застывать, чтобы понять развитие прошлого в рамках традиции. Это в каждой социальной науке. Различие в понимании прошлого каждой социальной науки диктуется вовсе не прошлым, не совокупностью исторических фактов, а только одним: предметной спецификой данной области социального знания которое диктует, в свою очередь, специфику, формируемых здесь объяснительных концепций.

Я хотел бы привлечь ваше внимание к трем моментам: особенностям античной методологии проработки прошлого; общенаучным принципам такой проработки; общеметодологическим аспектам проблем переработки прошлого на примере экономического знания и экономической науки. Позвольте мне высказаться об особенностях отечественной методологии проработки прошлого.

Проработка прошлого сложна сама по себе. Но в советско-российском общественном знании (мы уже не советское, но ещё не российское) возникла ещё одна дополнительная проблема, которая имеет административное значение. С тех пор как ВАК, подобно неведомому Демиургу, разделил специалистов на языки, с тех пор историки, социологи, политологи, культурологи, экономисты стали представлять не разумно обособившееся части единого социального знания, а некие самостоятельные науки. И пока они будут так думать, нам единого социального знания не добиться. Мне кажется, это стало одной из причин, которая погубила отечественное общественное знание: по-своему повторилась библейская история о строительстве Вавилонской башни, когда строители стали говорить на разных языках, и перестали понимать друг друга. Более того, внутри каждой специальности были введены паспорта, которые возвели дополнительные перегородки. С тех пор каждый наш обществовед съезился до разрешенной ему строчки в паспорте специальности. Вот почему нужно мужество, чтобы социологам прийти к экономистам, а экономистам к историкам, политологам, и так далее. Ходить надо к другу! И демонстрировать в интернете, а вы, экономисты, слушайте.

Позвольте сказать несколько принципов о научной проработке прошлого. На мой взгляд, проработка прошлого реализуется в рамках семи методологических императивов. Прошлое всегда сильнее настоящего и будущего. Ибо это единственная уже состоявшаяся история. Это единственная реальная действительность. Тогда как настоящему ещё надо закрепиться в прошлом, чтобы утвердиться объекты и субъекты социального познания, а будущему вообще состоятся. Во-вторых, прошлое сильнее настоящего и будущего, ибо вся методология познания строится уже на основе состоявшегося, и концептуальные трактовки прошлого. Трактовки можно изменить, но историю изменить невозможно. Это означает, что историк — единственный обществовед, который твёрдо стоит на почве фактов. Тогда как предста-

вители всех других отраслей социального знания балансируют между прошлым и будущим, настоящим и будущим, и чем больше элементов настоящего и будущего, тем больше домыслов и спекуляций. Ещё один момент: закон трансформации прошлого. Чем отдалённее от современности прошлое, тем оно сильнее мистифицируется. И ещё несколько моментов: мистификация прошлого всегда вращается в его системности, то есть, приобретает такие качества, которые, может быть, в реальности никогда не существовали. Например, когда мы думаем о советскости, она всегда предстает в нашем сознании системой. Дальше: настоящее всегда воспринимается сознанием современников как фрагментарное, разорванное, несистемное. И на этом поле прошлое всегда имеет конкурентное преимущество с настоящим. Наконец, ключом проработки прошлого является закономерности развития экономики — единственно объективного в структуре социального. Поэтому попытка понять прошлое вне экономического подхода, не опираясь на знание экономических закономерностей и тенденций, обречена на спекулятивность. Другое дело, что экономисты тоже мало озабочены прошлым; они не знают истории, они далеки от философии, политологии и культурологии, не могут помочь своим коллегам. Они сами нуждаются в помощи.

Теперь выскажу свои соображения об общеметодологических аспектах проблем проработки прошлого на примере экономической науки. Прошлое можно изучать только тогда, когда оно действительно стало, ушло в основание общественного устройства. Например, уже триста лет насчитывает традиция сосредоточения отечественных экономистов на ситуации в российской экономике, на ситуации в российской экономической науке и на положении российского экономического образования. Экономисты зациклились на этих ситуациях, но плоды этой сосредоточенности удивительны.

Всякий раз позиции ведущих экономистов страны оказывались настолько противоположными, что возникало вообще сомнение в научном характере экономического знания. Думаю, это присуще и другим областям социального знания. Другой момент: уход прошлого в основание ещё не означает его исчезновения. Оно таится в углу и образует угрозу воскрешения при определенных условиях. Например, все присутствующие прекрасно знают, что в прошлом веке произошли две мировые экономические катастрофы: Великая депрессия ознаменовала гибель капиталистической организации производства; социалистическое преобразование завершилось крахом антирыночной организации российской экономики. Однако причины этих катастроф принципиально различны: Великая депрессия была стихийным результатом развития капитализма; наша катастрофа имела рукотворное происхождение, будучи результатом принудительного впихивания гигантской экономики в догматически трактуемую теорию непосредственного экономического производства. То же самое сделали со всеми другими сферами. И политику впихивали в определенные границы, всё было впихнуто в жесткие рамки. Но западные коллеги извлекли уроки из этого. По причине страха повторения Великой депрессии они крайне осторожны в своих концептуальных рекомендациях. А нашим экономистам страх повторения рукотворных катастроф чужд. Не знаю, насколько избежали этого представители других отраслей социальных знаний.

Наши экономисты с прошловековым задором строят новую идеологическую лавку российской экономики, настаивая на уже однажды погубившим российскую экономику суперэтицизме и запрещая неведомый им либерализм. Не аналогична ли ситуация и в других областях социального знания? Между тем пора уже понять, что у экономики свои императивы развития и надо прислушиваться к самой экономике. Ещё один момент: расхождение между временем в экономической теории и временем в хозяйственной практике. Если теория этого не осознала, она застревает на прошлом. И пока она его не познает, она не может двигаться дальше. В этом отличие познания. Общество реально уже может уйти от сознания, в котором оно пребывало, но теоретики не могут перепрыгнуть и заняться новым, поскольку прошлое становится условием движения вперед теоретического знания.

Я хочу сказать, что существует множество рецептов, как повысить эффективность экономики. Но в реальности главным является совершенно другое: наша гигантская экономика требует всего. Точно так же, как и наше общество, экономика после революции не пошла в стойло непосредственно общественного производства, точно так же и сегодняшняя экономика не пойдет туда, куда её насильно впихивают.

В заключение я хотел сказать, что переработка прошлого — профессиональное занятие ученых. Мы это делаем ради истины, а не для переработки памяти. Пусть народ и дальше будет пребывать при всех своих иллюзиях и мифах. Нас это не касается. Наша задача — познать прошлое, а пойдет оно на пользу народу, — это совершенно другая вещь. Я почувствовал, что вы работаете с общественным сознанием, но почти не слышал обращения к общественному бытию. Это опасный путь к спекулятивности. Он сильно подрывает научные отрасли экономического обществознания. И, ещё одно: главная проблема, на чем настаивал Виктор Павлович, и ради чего затеяна была эта конференция — репрезентативное, фактологическое измерение прошлого. Вот эта сторона концепции может опираться только на репрезентативную фактологию, но об этом я почти ничего не услышал.

С.А. Денисов: Я хотел поблагодарить нашего докладчика, потому что он высказал важную идею, которая для обществоведения является принципиальной: все разошлись по своим квартирам. Это колоссальная проблема современного общественного сознания. Ещё одна идея: только интегрированное знание, которое базируется на выводах разных наук, может дать объемную картину. Не менее важно то, что вы и Виктор Павлович сказали об исторической науке.

О.Ю. Мамедов: Действительно, история как сумма состоявшихся фактов неизменна. По существу, познание только комбинирует, отстаивает приоритет. Но это уже другое. Сама история никогда не будет меняться. И то, что состоялось, когда-нибудь всё равно найдет адекватное отражение.

Реплики из зала: Может быть, она никогда и не найдет.

В.П. Макаренко: Опять меня вынуждают заниматься ликбезом. Дорогие коллеги, к настоящему времени существует, как минимум, три конкурирующих концепции факта. Я их не буду перечислять. Достаточно было бы прочесть классический труд Людвиг Флека о генезисе научного факта. Эта работа является поворотной в методологии и понимании самого факта. А здесь говорят о фактах, не оговаривая, что конкретно имеется в виду. И сваливают в эту корзину исторические факты. Юрий Сергеевич, может, вы меня поддержите?!

Ю.С. Пивоваров: Я вас хочу поддержать со всей большевистской принципиальностью. Вы знаете, был такой историк французский Фернан Бродель?

В.П. Макаренко: Конечно!

Ю.С. Пивоваров: Как молодежь говорит: культовый философ. У него есть выражение: события — это пыль...

В.П. Макаренко: Пыль повседневности, точно...

Ю.С. Пивоваров: Это сказал человек, который как раз занимался повседневностью. События — это пыль. Есть ещё хорошее высказывание Шпенглера по поводу истории: история — это всё равно, что высшая математика, её нельзя исчислить. И очень хороша строчка у Б. Пастернака:

История не в том, что мы носили,
А в том, как нас пускали нагишом.

Здесь вспоминали Ключевского. Ключевский — это человек, который всё время думал по поводу истории, это толкователь истории, это философ истории и прочее, и прочее. А факты придут потом. Вспомните, как нас в школах, а потом учили в ВУЗах учили о 2-ом съезде РСДРП. Нам казалось, что вся история русской революции — это съезды РСДРП. Но если

взять другую оптику, то они вообще незаметные явления истории того времени. Где-то, какие-то люди, зачем-то собрались, что-то обсуждали... Никто про них знать не знал, какую роль они играют... То есть, это не просто события и факты: история обязательно предполагает взгляд. Или, как говорил Эйнштейн: самая практическая вещь на земле — это хорошая теория. Я абсолютно убежден, что без теоретического глубокого осознания истории ничего не получится. Я абсолютно убежден, что информационный и цивилизационные подходы абсолютно неадекватны современному человеку. И его желанию понять прошлое. Нужны какие-то иные критерии. Скажем, персоналистский подход, когда человек ставится в центр всего. *(Обращаясь к В.П. Макаренко)* Я имею в виду двухтомник А. Зубова, о котором вы говорили. В нем сделана попытка понять советскую историю. Ведь это самое главное.

Именно на этот подход нападают всякие Степан Степанычи Сулакшины и им подобные. Поэтому я думаю, что история это не только факты. Давно вышла замечательная книжка замечательная Леонида Милова «Великорусский пахарь». В которой написано о том, что наши предки пили, ели, потом страниц двадцать заключения. Ради этого всё написано. Не ради рациона питания крестьянина...

Реплика из зала: Это великая книжка.

Ю.С. Пивоваров: Это великая книжка... Там сами выводы потрясающее, которые открывают совершенно новое видение российской истории. Ещё я прошу обратить внимание на книгу не специалиста по русской истории, по фамилии Кульпин. Может быть, кому-то знакома. Он изучал русскую историю как человек экономики, демограф. И совершенно другой взгляд на русскую историю. Которую мы не найдем ни в классической историографии, ни дореволюционной, ни в советской, эмигрантской и прочее-прочее. То есть, очень многое зависит от взглядов на одно и то же событие. И когда я говорю, что в 1930-е годы всё уже состоялось... А мы ничего не знаем: что состоялось, в каком соотношении, в какой иерархии состоялось? Причем, очень многое, что нам не было видно тридцать лет назад, сейчас начинаешь видеть. Я, например, только в 1993-м году, когда прочел проект Конституции, который сейчас у нас есть, понял, что они готовят ту Конституцию, которая уже была в 1906 году (а до этого почти за сотню лет её написал Сперанский). То есть, в 1930-е годы нельзя было понять, что такое так называемая Конституция. Каждая новая эпоха требует нового прочтения. Нужен новый контекст. Новое событие, которое показывают.

Действительно, кто знал, что Россия рухнет в 1917-м году? По существу, выигранная война. Хороший, свободный тыл без карточек. Что за проблема? И вдруг Россия рухнула. Нет ни одного историка серьёзного, который бы, проанализировав всё, сомневался бы в этом. Известный историк написал в Казани в работе 1921 года «Кризис исторической науки»: «Вся наша теория раньше обосновывала, почему наше государство поднялось. Сперва, мы должны объяснить, почему оно рухнуло». И, между прочим, российская дореволюционная наука постсоветская и эмигрантская ещё до конца не разобрались с ситуацией революции, что там произошло, не говоря уже о событиях 1991, 1993 и конца 80-х годов. Здесь, к сожалению, одной нефтью или предательством Шеварднадзе не обойдешься. Так почему Россия XX столетия дважды рухнула? Что такое? Ни с того ни с сего — бах и нету?! Было всё плохо, но не было так, чтобы кранты...

В.П. Макаренко: Уважаемые коллеги, мы сейчас должны завершить нашу конференцию, хотя почти треть докладов осталась не заслушанной. Благодарю всех за содержательное участие и за активность. А также укоряю тех, к кому это относится, за незнание некоторых элементарных фактов, из-за чего дискуссия вынуждена идти извилистыми ходами и попадать в тупики. Пусть те, кто их предлагает, выдумает для интеллектуальных тупиков красочные названия. Мы их используем в наших следующих заседаниях.